

A romantic close-up photograph of a man and a woman about to kiss. The woman is on the left, her back to the camera, wearing a black strap. The man is on the right, his face in profile, about to kiss her. The background is a soft, out-of-focus brown.

СВЯЖИ

меня

* [VK.COM/KN_BOOKS](https://vk.com/kn_books) *

Автор бестселлеров по версии New York Times и USA Today

КЭТИ ЭШЛИ

Когда Софи Джеймсон впервые пришла в клуб «1740» в роли Домины — это было продиктовано скорее финансовой необходимостью, нежели поиском удовольствия и сексуального удовлетворения для самой себя. Но за годы, когда она зажигала в кожаных корсетах и сапогах, умело управляясь всевозможными хлыстами и флоггерами, Софи полюбила восхищение и те острые ощущения, которые дарили ей клиенты. Но все это время ее устремления и любовь были связаны с другой профессией, которой она собиралась посвятить себя в конце лета.

А потом — он изменил все. Высокий, темноволосый и отлично сложенный. Уильям был полной противоположностью тому образу, который складывается, когда представляешь себе мужчину-сабмиссива. После всех нижних Софи, наконец, почувствовала настоящие страсть и желание. И хотя он являлся диким жеребцом, которого необходимо было объездить, Уильям так же стал тем, кто заставил ее нарушить все установленные правила и сломать возведенные стены.

То, что должно было остаться приключением на одну ночь, неожиданно продолжилось днем позже, уже вне безопасных стен клуба «1740», когда эти двое встретились при свете дня просто как Софи и Уильям, а не как Домина и саб. Им следовало держаться в рамках, следовало держаться подальше друг от друга, но они не смогли.

И эта маленькая ошибка стоила им слишком много.

Кэти Эшли

Свяжи меня

Переводчик: Анастасия П.

Редакторы: Алиса Ч., Лина Е., Катя И.

Вычитка и оформление: Анастасия Я.

Обложка: Таня П.

Специально для группы: К.Н ★ Переводы книг
(vk.com/kn_books)

Благодарности

Тиффани Рейз, Шариз Синклер и Джо Хилл за то, что писали о БДСМ до того, как тема стала популярной и проложили путь таким писателям, как я! Спасибо за честность и адекватное изображение отношений в БДСМ, которые, в действительности, безопасны, разумны и добровольны.

А также Крису Сорегу и Ким Биас — вы оба — ветер под моими крыльями. Я не смог бы закончить без вас, ребята. Ваша любовь, дружба и поддержка сопровождали меня как в светлые, так и в темные времена. И я знаю, что могу рассчитывать на вашу поддержку, несмотря ни на что. Спасибо за интерес к моему творчеству и поддержку в безумии!

Глава 1

Скрестив руки на груди, я рассеянно поставила ногу на пол в ванной специально оборудованной Темницы (*примеч.: Темница (англ. «Dungeon») — место, которое выбрано для проведения БДСМ-игр*). Потом посмотрела на цифровые часы, висящие на дальней стене и поджала накрашенные красным губы, гадая, достаточно ли прошло времени. Ожидание всегда усиливало эффект от сцены. Было нечто особенное в том, чтобы заставить саба ждать как наказания, так и удовольствия, это сводило их с ума.

Мне не нужно было выглядывать из-за двери, чтобы точно знать, что происходит в Темнице. Приказав сабу раздеться и принять позу демонстрации, я знала, что этот мужчина за сорок (или, как многие называли его за красивые черные волосы с проседью, Чернобурка) опустится на пол на колени, голый, сложив руки за спиной и склонив голову. В ожидании его тело будет слегка дрожать в предвкушении того, в чем он так отчаянно нуждался, и что могла дать ему я, его Госпожа.

По прошествии пяти минут, я поняла, что время пришло. Наклонившись к свету, бросила последний взгляд в зеркало. Одета в белое с головы до пят, я была чистым ангельским видением, только в коже. Платье корсетного типа доходило до середины бедра, оставляя лишь небольшой промежуток голой кожи до того места, где начинался край белых сапог на шпильках. Передняя часть платья перекрещивалась на моей груди третьего размера, демонстрируя аппетитную ложбинку. Темно-каштановые волосы, которые обычно свободно струились по моей спине, были заплетены в тугую французскую косу с вплетенной в нее белой лентой.

Одеваясь в кожу, я оставляла позади свое обычное «я» и перевоплощалась в Госпожу Джульетту. Некоторым белый цвет казался странным выбором для Домины. Большинство представляло себе Домин в черном, или, по крайней мере, в красном цвете. Но с первого же дня, когда я вошла в дверь клуба «1740» — я знала, что мне нужно было что-то, что выделит меня из остальных десяти женщин, которые здесь работали. В конце концов, я пришла зарабатывать деньги, а не филонить.

Как учитель английской литературы, я подумала, что следует выбрать белый — цвет невинности и чистоты. Это создало идеальный контраст между тем, кем я являлась, и тем, что делала. Ведь мои свершения были далеки как от невинности, так и от чистоты. Моя работа заключалась в том, чтобы при помощи боли и доминирования доставлять удовольствие. Поэтому я была как ангелом, так и демоном.

Думая о том, как сильно изменилась моя внешность за последние двадцать четыре часа, я не смогла сдержать ухмылку. Прошлым вечером, в развевающейся черной мантии выпускника, я вошла в переполненный зал для собраний государственного Университета Кеннесо под Торжественный Церемониальный марш Эдуарда Элгара. Это была самая охрененно странная вещь из моей практики Домины, которую можно было представить. Ну, если, конечно, вы не играли сцену студент-профессор.

«Софи Мари Джеймсон» — мое имя отозвалось эхом в динамиках. Этот момент ошеломил меня, заставив покачнуться в моих черных туфлях на низком каблуке. Обычно я не была так чрезмерно сентиментальна, но неожиданно обнаружила, что меня одолевают эмоции. Но взяла себя в руки и прошла на сцену, протянув руку для рукопожатия президенту университета.

— Поздравляю, — сказала она с улыбкой.

Дрожащими пальцами я схватила диплом и, наконец, смогла выдать из себя:

— Спасибо.

Я была слишком взволнована, чтобы сказать, что-то еще. И пусть это звучало как клише, но на мое образование ушло слишком много сил, включая кровь, пот и слезы. В семье я была первой, кто поступил в колледж, не говоря уже о том, чтобы окончить его.

Добравшись до ступеней со сцены, я, наконец, осмелилась взглянуть на толпу, где, знала, находились мои брат и отец. И хотя невролог советовал ему не ходить, папа, конечно же, настоял на посещении.

— Ничто не сможет остановить меня от того, чтобы увидеть, как дочь получает диплом! — заявил он, с гордостью на лице.

Будучи привязанным к коляске по причине мускульной дистрофии, он получил довольно удобное место прямо у сцены. Конечно, тот понятия не имел, где я взяла деньги на его новую коляску. Хотя, учитывая то, что он считал меня официанткой, отец все же должен был задаться вопросом, откуда, черт побери, у меня деньги. Но я позволила ему верить, что все это куплено на пожертвования.

Поймав взгляд отца, я увидела там все ту же всепоглощающую гордость, но теперь еще и слезы. И хотя никогда не плакала на публике, в этот раз я не пыталась сдержать их. Вместо этого позволила им пролиться вниз по щекам. Поэтому, когда спускалась вниз к своему месту, мое зрение было размытым.

Вот и теперь, в ванной, я обнаружила, что снова борюсь с подступающими слезами. Раздраженно закатив глаза, пробормотала:

— Возьми себя в руки, Соф.

Рывком открыв дверь, я нашла своего сабмиссива в том положении, в каком хотела. Единственным звуком в комнате было его прерывистое дыхание и отдаленные басы от танцпола наверху. Как только раздался стук моих каблуков по плитке, осанка саба стала более прямой. Я обошла вокруг, чтобы встать перед ним. Он уважительно уставился взглядом в пол. Протянув руку, я провела одним из своих кроваво-красных ногтей под его подбородком и чуть приподняла ему голову, чтобы тот посмотрел на меня.

— Хороший мальчик, Оуэн. Ты готов начать?

— Да, Госпожа Джульетта.

Большинство клиентов, слыша мое имя Домины думали, что я выбрала его из-за любви к Шекспиру. Но, выбирая псевдоним, скорее руководствовалась тем, что, раз уж я работала в клубе, названном годом рождения Маркиза Де Сада, нужно выбрать имя одной из его литературных героинь. Или, скорее уж, антигероинь, учитывая степень разврата Джульетты.

— Тогда давай начнем.

С улыбкой, полной обожания, Оуэн наклонил голову и сказал:

— Вы всегда даете мне то, что нужно, Госпожа.

— Ты такой льстец, — задумчиво произнесла я.

И игриво шлепнула его по щеке, что говорило о том, что сцена закончена.

Он подмигнул.

— А как Вы думаете, я стал президентом ведущей юридической компании в Атланте?

— Облизывая сапоги? — поддразнила его я.

Рассмеявшись он ответил:

— Ну, я чертовски уверен, что не только из-за своей внешности.

— Как обычно?

После его кивка, я зацокала высокими каблуками по полу Темницы, чтобы добраться до мини-холодильника в углу. Откуда взяла бутылку клюквенного сока для него и воды для себя. Обезвоживание было ключевым фактором после сессии, и обычно предпочтительнее была вода. Но, как и в случае с любым извращением, каждый нижний приносил в Темницу свои собственные «нравится» и «не нравится».

Оуэн — всегда послушный саб — получил свой антибактериальный гель, чтобы обеспечить стерильность стула для следующего клиента. Когда он закончил, я передала ему сок.

Отвинтив крышку, Оуэн замер, прежде чем поднести бутылку к губам. По несчастному выражению его лица я все поняла и подняла свободную руку.

— О, нет... и ты тоже?

В течение последней недели каждый из моих клиентов был излишне эмоционален. Наихудшая ситуация случилась с профессиональным борцом. Ростом почти под два метра, он безутешно рыдал, едва не задушив меня в объятиях. В конце дня мы все довольно сентиментальны.

Оуэн покачал головой и сделал большой глоток своего сока.

— Ничего не могу поделать. Думаю, что до меня только, наконец, дошло, что это наша последняя сессия.

— Все будет хорошо. У тебя же были пробные сессии с Госпожой Венерой и Госпожой Рейн, верно?

— Да.

— Я уверена, что ты найдешь ту, кто о тебе позаботится.

— Но она не будет Вами.

Я улыбнулась.

— Не будет. Но я уверена, что она будет пытаться тебя так же хорошо, как и я.

— Посмотрим, — скептически ответил Оуэн.

Ударив его по заднице, я скомандовала:

— Иди прими душ.

Он послушно склонил голову:

— Да, Госпожа. — После чего исчез в ванной.

Ему нужно было восстановиться, прежде чем вернуться домой к своей третьей, завоеванной долгими ухаживаниями, жене.

Оуэн был типичным представителем большинства моих клиентов. Замечательный мужчина, профессионал в своем деле, с женой или подругой, которая не практикует БДСМ. Они либо давали разрешение своим партнерам на то, чтобы те позаботились об этих нуждах сами, либо попросту предпочитали делать вид, что не знают о них. Некоторые предпочитали держать свои реальные увлечения в полном секрете. Большинству также была важна возможность играть в будни, потому что выходные они проводили со своими семьями. Для меня же это также являлось наилучшим выходом — эти дни я проводила дома, с отцом.

Когда Оуэн занял ванную, я занялась своим макияжем. Ирония ситуации заключалась в

том, что без поступления в колледж я бы никогда не стала Доминой, а без того, чтобы быть Доминой — я бы не смогла позволить себе его закончить, не говоря уже об аспирантуре.

Для меня все изменилось пять лет назад, на втором году изучения английского. Профессор, который вел у меня предмет, оказался скрытым участником БДСМ-сообщества. Он попросил нас прочесть отрывок из произведения Маркиза Де Сада, что вылилось в довольно оживленную дискуссию о том, был ли Маркиз гением или большим ублюдком.

— Не думаю, что тот, кто реально практикует БДСМ, принял бы его работу, — заявила я тогда.

Профессор поднял свои густые брови и спросил:

— Почему же?

— Потому что это поддержало бы стереотип о том, что хотеть боли — это что-то неправильное. Не говоря уже о том, что герои получают подобный опыт путем насилия или жестоких пыток.

— Ну, я думаю, нужно быть больной, чтобы хотеть быть связанной и избитой, — заявила девица в первом ряду.

— У всех разные желания и склонности. Если ты намекаешь, что в историях Де Сада есть согласные на то, что с ними происходило, так их там нет. Не говоря уже о том, насколько это было небезопасно и неразумно.

Парень в двух рядах от меня обернулся и двусмысленно пошевелил бровями.

— Детка, ты можешь отшлепать меня, когда захочешь.

— Ага, мечтай, вонючка, — ответила я под общий смех.

Когда занятие закончилось, и я выключала свой ноутбук, ко мне подошла высокая девушка.

— Мне очень понравилось то, что ты сказала.

— То, что я назвала его вонючкой? Или про Де Сада?

— Думаю, оба варианта, — рассмеялась она.

— Ну, пожалуйста.

Оглянувшись, девушка спросила:

— Ты в Теме?

— БДСМ? — она кивнула. — Ой, нет. Я не в Теме.

— Хм-м-м... я могла бы поклясться, что да.

— Это потому, что я знаю о правиле БДР (*примеч.: безопасность, добровольность, разумность*)? Так об этом упоминалось в литературно-критическом эссе после выдержки.

Ее светлые брови в удивлении приподнялись.

— Ты реально читала то, чего нет в программе?

Я рассмеялась.

— Ага. Ботаник высшего уровня в роли будущего учителя английского.

— Понятно, — она улыбнулась, — одни сходят с ума от слов, другие — от БДСМ.

— В точку.

— Если у тебя сейчас нет занятий, может хочешь выпить кофе?

Еще со школы у меня не было времени, чтобы заводить с кем-то дружбу, поэтому я решила согласиться.

— Конечно.

— Я, кстати, Линдси.

— Софи.

Двумя чашками дерьмового кофе в студенческом центре позже Линдси рассказала, что является профессиональной практикующей Доминой. И хотя я нашла этот разговор довольно поучительным, учитывая, сколько в нашем колледже сексуально раскрепощенных людей, я и понятия не имела, к чему это приведет.

— А ты никогда не думала о том, чтобы попробовать себя в роли Домины?

Помахав перед собой руками, я ответила:

— Ой, нет. Это не для меня. Не пойми неправильно, мне нравится хорошенько отшлепать и потягать за волосы, но я никогда не хотела заниматься этим на постоянной основе.

— А что если это будет работой?

— Серьезно?

— Клуб, в котором я работаю, всегда в поиске профессиональных Домин — тех, кто не любит впутывать эмоции в дело и не позволит себе увлечься сабмиссивом в романтическом смысле. Думаю, ты подойдешь идеально.

Я с подозрением прищурила глаза.

— И как ты могла это понять из часового разговора?

— Потому что ты и глазом не моргнула, когда ставила на место мужчину вдвое больше тебя.

— Ну да. Но вот не пойму, как вербальное общение в агрессивном ключе позволяет думать, что я могу избить кого-то физически.

— В роли Домины быстро учишься читать людей. Я могу прочесть тебя.

— И что такого ты видишь за маской самоуверенной заучки?

— Ты гораздо более глубокий человек, чем кажешься.

Скрестив руки на груди, я сказала:

— Рассказывай.

— Я знаю, что ты сильная и независимая женщина, которая контролирует все аспекты своей жизни. И, скорее всего, ты не в отношениях, потому что мужчины всегда пугаются твоей силы.

Я с удивлением посмотрела на нее. Каким образом она это узнала?

— Ты начинаешь меня немного пугать.

Линдси рассмеялась.

— Говорю же, я могу читать людей, — потом ее лицо стало серьезным. — Я так же знаю, что тебе бы оченьгодились деньги.

— Ты меня преследовала, или что?

— Помимо того факта, что у тебя ужасно устаревшая модель ноутбука, а одна из папок, что ты убирала в сумку, была из центра Финансовой Помощи (*примеч.: Финансовая помощь студентам — это финансирование, которое предоставляется исключительно студентам, посещающим аспирантуру в Соединенных Штатах. Оно призвано помочь покрыть многие расходы, понесенные при получении последипломного образования.*). — Должно быть, увидев на моем лице выражение испуга, Линдси подняла руку и продолжила. — Я знаю, что это, поскольку нахожусь в том же положении. Я поступила сюда по тем же самым грантам. Довольно скоро эти деньги закончатся, и то, что я заработала как Домина, позволит мне закончить обучение без необходимости брать кучу займов.

Я откинулась на спинку стула — разговор внезапно стал эмоционально тяжелым. У нас с Линдси была одна и та же дилемма, только моя страшнее. Состояние здоровья отца

стремительно ухудшалось. И хотя он все еще был способен передвигаться по ферме с помощью трости, в последние пару недель ему пришлось перейти на ходунки. Было очевидно, что скоро понадобится инвалидное кресло. За саму ферму мы уже давно выплатили, но налоги на 50 акров земли были практически неподъемными. Нанятый нами управляющий также оказался только лишней статьей расходов. И даже после продажи всего скота и нескольких лошадей, мы все равно шли ко дну. Я была такой современной Скарлетт О'Хара, которая столкнулась с потерей любимой Тары ее отца.

— Это правда. Мне нужны деньги. Но я не хочу становиться проституткой.

Линдси рассмеялась, чем удивила меня.

— У Домин не бывает секса с клиентами.

— Не бывает?

— Нет. Более того, многие сцены вообще не предполагают, что ты будешь трогать интимные места нижних или дашь им кончить. Они сделают все сами. Если ты позволишь.

— И сколько я могу заработать за сессию?

— Зависит от того, что ты сможешь делать. Опытные Домины всегда готовы на большее.

— Как всяческие медицинские штуки?

— Да. А также игры с огнем, кровью и контроль дыхания.

Я с яростным отрицанием покачала головой.

— Черт, нет. Я ничего такого не смогу.

— Даже если ты остановишься на базовых вещах, то сможешь зарабатывать от двух-трех сотен за сессию.

Последний глоток кофе, который я сделала, оказался на столе.

— Только за одну сессию?

Линдси кивнула.

— С твоей внешностью и характером может легко превратиться в пять сотен, а то и в тысячу.

— Черт.

— Когда я начинала, то тоже думала, что это много.

— Я ничего не понимаю, что касается всей этой хрени. Единственное, что я действительно умею делать — это привязать или стреноживать лошадей веревкой.

Голубые глаза Линдси расширились.

— Ты умеешь обращаться с веревкой?

— Ну да. Я же выросла на скотоводческой ферме. Я могу завязать любой узел, который ты сможешь себе представить.

Тогда я и понятия не имела, что данный факт может быть плюсом, а вот Линдси просто подпрыгивала от нетерпения.

— Если ты умеешь обращаться с веревкой, то у тебя уже есть преимущество. Некоторые мужчины чуть ли не кончают себе в штаны только от мысли, что ты их свяжешь.

И снова, все, что я смогла сказать было:

— Черт...

Порывшись в сумочке, Линдси вытащила визитку.

— Слушай, мне пора бежать на занятие. Подумай о моем предложении и реши, хочешь ли таким заниматься, а потом звони. Если ответ будет отрицательным, то я больше не буду упоминать об этом.

Я взяла визитку.

— Госпожа Лайла?

Она улыбнулась.

— Это я.

— Ладно. Подумаю.

— Рада слышать.

— Независимо от того как оно повернется... спасибо за возможность.

— Пожалуйста, — она закинула дизайнерскую, я была просто в этом уверена, сумку, на плечо и оставила меня наедине со спутанными мыслями.

Не знаю, как долго там просидела, снова и снова теребя в руках ее визитку, но когда я бросила взгляд на часы, оказалось, что прошло уже два часа. Нужно было буквально рвать когти, чтобы успеть добраться до места, где я подрабатывала официанткой.

Пока спешила на парковку, в голове продолжали роиться мысли. Добравшись до машины, я застонала и всплеснула руками. Моя передняя правая шина была полностью спущена. А ведь я уже переставила задние шины вперед, потому что денег на новые совершенно не было. Как же я устала от всего этого.

Но сперва я позвонила не на станцию техобслуживания, а Линдси.

Громкие вибрирующие басы наполнили мои уши, а потом я услышала ее голос:

— Это Госпожа Лайла.

— Привет, это Софи. — Я помедлила, а потом сказала. — Когда мы можем начать?

Появившись передо мной в костюме и галстукe, Оуэн снова выглядел как красивый, выдающийся и уверенный в себе адвокат. В руках он держал запакованную коробочку с драгоценностями.

— У меня для тебя кое-что есть.

Наклонив голову, я направила на него указательный палец:

— Тебе совершенно необязательно это делать.

Оуэн подмигнул.

— Конечно, обязательно. Кроме того, не припомню ни одного клуба, где в уставе сказано, что саб не может сделать своей Госпоже подарок.

Спорить дальше я не стала. С возбуждением ребенка в рождественское утро я разорвала обертку. Коробка со щелчком открылась, и мне пришлось затаить дыхание.

— Оуэн, просто дыхание перехватывает...

Внутри оказался золотой браслет с подвесками, которые представляли собой мешанину из портретов моих любимых авторов, таких как Шекспир, По или Харпер Ли. Там так же были подвески в форме персонажей книг — перья, ворон, пересмешник, — украшенные стразами Сваровски.

— Где ты его нашел?

— Друг-ювелир сделал на заказ.

Прежде чем что-то сказать, мне пришлось перевести дыхание:

— Я не знаю, что сказать.

— Достаточно благодарного выражения Вашего лица.

Я улыбнулась.

— Это самый чуткий подарок, который мне когда-либо делали.

— Пожалуйста.

Свободной рукой я коснулась его щеки, потом нагнулась и поцеловала в губы. В прикосновении не было искры, между нами не пробежало электричество — это не был поцелуй любви или романтической привязанности. Люди за пределами тематического сообщества никогда не могли осознать истинной глубины эмоций, которые возникали между Доминой и сабмиссивом после сессии, той истинной привязанности одного к другому и наоборот.

Когда я отстранилась, Оуэн разочарованно вздохнул:

— Без языка?

Я рассмеялась, безмолвно поблагодарив его за внимание к моменту.

— Веди себя хорошо.

— Ох, но мне так нравится угроза наказания, — парировал он с озорным блеском в глазах.

— Я обязательно сообщу Госпоже Венере и Госпоже Рейн, чтобы тебя лишили слишком сильного воздействия.

Оуэн нахмурился.

— Вот это было очень жестоко.

— Тогда будь хорошим мальчиком.

— Буду. Ради Вас, — он улыбнулся и указал на браслет. — Когда будете носить его,

постарайтесь думать обо мне время от времени.

— Ну разумеется, я буду думать о тебе. Как я могу не думать о человеке, который подарил мне такой красивый и обдуманый подарок?

На прощание Оуэн быстро поцеловал меня в щеку. Когда он ушел, я старалась игнорировать тянущее чувство в груди. Мне никогда не хотелось привязываться к клиентам, но почти невозможно было игнорировать разделенное с ними, наполненное такими интимными действиями, время.

Наверное, мне лучше было отправиться домой и закончить собирать вещи. В понедельник я покидала яркие огни города и возвращалась домой, на ферму, работать учителем в той самой школе, которую закончила сама. Планировалось, что я приступлю к своим обязанностям во вторник. Было жутко думать, что всего через десять дней я буду стоять перед своими первыми учениками.

Но оглядев Темницу, поняла, что пока не готова покинуть клуб «1740». Будучи чрезмерно сентиментальным человеком, я чувствовала, что хочу продлить свою последнюю ночь здесь. Мне хотелось подняться наверх и пообщаться с некоторыми сотрудниками, ведь, учитывая довольно плотный график в последнюю неделю, у меня попросту не было времени посидеть и поболтать.

Поэтому схватила сумочку и поспешно вышла из комнаты, пройдя по длинному, похожему на лабиринт коридору к лифтам. В клубе было всего два этажа, и Темница состояла из десяти частных комнат, оборудованных для различного типа игр. Когда я проходила мимо комнаты, предназначенной для блэд-плей (*примеч. пер.: игры с кровью*) и игр с иглами, моего носа достиг запах антисептика. В это же время из комнаты для медфетиша донесся звук жужжания. Неважно, какие извращения вас интересовали, вы могли найти их тут, в клубе «1740».

После короткой поездки двери лифта открылись на основном этаже. Поднявшись на второй этаж, я миновала стол приемной, где сканировали членские карточки. Клиенты в клубе были привилегированные, так что «1740» шли на все, чтобы защитить их частную жизнь.

Войдя в помещение, которое называли «клубом», я помахала одному из вышибал. Внутри находился бар и огромный танцпол, поэтому помещение напоминало обычный клуб. Также вокруг были столы и кушетки, чтобы люди могли поговорить, по-видимому, чтобы обсудить то, что хотели сделать в частных комнатах, располагавшихся внизу. За пределами «клуба» проводились публичные экшены, где могли присутствовать все желающие, чтобы посмотреть на порку флоггером или связывание.

В пятницу вечером здесь всегда многолюдно, поэтому мне пришлось пробираться сквозь толпу. Люди вокруг были одеты по-разному — от фетишной одежды до обычных джинсов. Некоторые двигались на танцполе под музыку, другие — просто разговаривали.

Увидев перед собой Генри Кавилла без рубашки и обуви, я отшатнулась. Пришлось даже посмотреть еще раз. Не то чтобы я могла себе это придумать — знаменитости часто посещали «1740», но, когда его осветило вспышкой света, я поняла, что дело просто в крайней схожести. Но у мужчины оказались темно-карие, а не голубые глаза, и более светлые, чем у актера, волосы.

Он был невероятно высок, и я не смогла не впиться взглядом в его мускулистую и покрытую темной порослью грудь. Полоска волос вела вниз и исчезала под поясом низко сидящих джинсов, а его самого окружала аура власти, заставляя меня задаться вопросом

о том, кем же он был в обычной жизни.

На мгновение задержав на мне взгляд, он опустил глаза в пол и произнес:

— Добрый вечер, Госпожа.

Сабмиссив? Я бы и за миллион лет не догадалась. Хотя точно зная по своим клиентам, что нижние мужчины не являлись нюнями, я видела, что нечто в этом человеке просто кричит о его доминантности. Конечно, тот факт, что он был без обуви, должен говорить о его сабмиссивности, но на нем ведь не было ошейника, а такие нижние обычно кому-то принадлежат. Потому что, если нет, то его буквально при входе уже сцапал бы какой-нибудь Верх, он бы даже до танцпола не успел дойти. Интересно, что с ним случилось, но еще больше интересно, каково это, быть с ним? Я слишком редко проводила сессии не с постоянными клиентами, но для своей последней ночи в клубе хорошо бы сделать нечто особенное.

Для того, чтобы проверить его сабмиссивность, я скомандовала:

— Посмотри на меня.

Он поднял взгляд от ботинок и посмотрел мне в глаза.

— Ищешь с кем поиграть сегодня?

— Ищу. И, если Вам будет угодно, Госпожа, для меня было бы честью быть избранным Вами.

Его голос. Господи Боже и мокрые трусики. Совершенно под стать его телу — сильный, твердый, глубокий. Но, несмотря на то, что тот очень хорошо ответил на вопрос, у меня еще оставались сомнения. Поэтому я размахнулась и со всей силой, на какую была способна, ударила его по щеке. Звук от удара эхом разнесся вокруг. Мужчина, который не был истинным сабом, а просто играл его роль, обычно имел вполне определенную реакцию — у него темнели глаза, взгляд наполнялся яростью от гнева, вскипающего от такого неуважительного обращения.

Но его реакция была иная. Лицо саба осталось бесстрастным, но в то же время он вздрогнул, а взгляд его наполнился смесью желания и жажды. Такая реакция повлекла за собой мою собственную — между ног стало влажно. Он напомнил мне лошадь на ферме. Необъезженного жеребца, которого требуется сломать, подчинить себе. И черт бы меня побрал, если мне не хотелось это сделать.

Желая продлить волшебный миг предвкушения, я похлопала его по той же щеке, которую ударила.

— Я подумаю об этом.

— Да, Госпожа, — прежде чем отступить, он снова склонил голову.

Черт, кто-то хорошо обучил его. Пройдя мимо, я направилась к бару. В горле пересохло, и мне отчаянно требовалось что-нибудь выпить.

— Приветик, сахарные сиськи, — с улыбкой поздоровался Лайл, бармен.

— Если бы ты был моим нижним, я бы тебе всю задницу отбила за подобное обращение, — задумчиво произнесла я, прежде чем скользнуть на один из стульев.

Он подмигнул.

— Мой сменщик скоро придет. Можешь отвести меня вниз и показать, о чем ты говорила. Знаешь, как прощальный подарок.

— Ты играешь в саба для другой команды, — рассмеялась я.

Лайл пожал плечами.

— Может, мне интересно посмотреть в чем разница между фемдомом (*примеч. пер.:*

доминирует женщина) и мейлдомом (*примеч. пер.: доминирует мужчина*).

— Учитывая то, что у меня нет члена, думаю, ты будешь крайне разочарован. — Он открыл рот, чтобы начать спорить, но я покачала головой. — И не предлагай мне использовать strapon. Я таким не занимаюсь.

— Ты не знаешь, от чего отказываешься, — заметила Госпожа Венера, присоединяясь к нам. — Но мне не зачем тебе это пояснять, ведь ты же просто работаешь Доминой. Оставляешь тут все веселье и идешь домой, в свой ванильный мир. Блин, ты, наверное, и сексом занимаешься в миссионерской позе на белых простынях, — рассмеялась она.

— Очень смешно. Кому, как не тебе, знать, что я никогда не была ванильной девочкой. Мне нравятся извращения.

Венера закатила глаза.

— Да уж, мейнстримные извращения — наручники, взбитые сливки, возможно, пара шлепков.

— Говоря об отшлепанных попках, не могу не заметить того прекрасного нижнего, на которого ты положила глаз, — сказал Лайл.

Мне не нужно было смотреть через плечо, чтобы понять, что тот саб на меня смотрит. Жар его взгляда прожигал мою спину.

— Я подумываю о сессии с ним. На дорожку, так сказать. Но я не уверена. Внешность, конечно, шикарная, но с ним должно быть что-то не так. Иначе его уже давно прибрали бы к рукам.

— Ты разве не знаешь его? — спросила Венера.

Я покачала головой и сделала глоток клюквенного сока.

— Наверное, он один из тех, кто приехал оторваться на выходной.

— О, девочка моя, это Уильям. Он член клуба уже примерно год. Играл с разными Леди, а потом стал встречаться с Каллой.

Я с отвращением наморщила нос.

— Такая внешность и очевидная несостоятельность в выборе Госпожи.

Лайл рассмеялся.

— После всех этих лет ты все еще фукаешь?

— Если бы кошки были шлюшками, она была бы кошкой-шлюхой.

Не будучи никогда ранее в клубе, я обнаружила, что большинство Домин оказались приветливыми и дружелюбными. Точнее, все, кроме Каллы. Когда я только начинала, она тоже являлась новичком. Все пошло хорошо, и меня начали разыскивать те, кто был постоянными посетителями. Вот тогда-то она и начала сходить с ума, и потекло говно. Естественно, что мне хотелось сказать ей, чтобы та отвалила, но она была подружкой владельца, потому пришлось прикусить язык. Но, слава Богу, та в основном работала в выходные, не считая нескольких странных вечеров в будни, так что мы нечасто пересекались.

Венера постучала черными ноготками с металлическим отливом по барной стойке.

— Мне жаль Уильяма. Калла приложила руку, чтобы оставить его вне игры.

— Зачем это? — спросила я.

— Очевидно она желала лайфстайл Д/с (*примеч. пер.: Доминант/субмиссив*) отношений вне клуба, но ему это было неинтересно. Так что она попыталась его выжить, сделав так, чтобы ему не с кем стало играть.

— Вот отмороженная, — пробормотала я.

— Можешь повторить. Учитывая насколько близкие отношения у нее с Робертом, никто из персонала к нему не подойдет. Его единственная надежда — найти реальную, а не игровую Госпожу, которая захочет с ним поиграть.

Оглянувшись, снова посмотрела на Уильяма. Забытое ощущение бабочек, которые шевельнулись в животе — я не чувствовала их так долго.

Желание.

Мне никогда не хотелось играть с сабмиссивом просто так. Это всегда было работой... из-за денег. Но пять минут назад он пробудил во мне интерес, и теперь, узнав про его бедственное положение, мне действительно захотелось с ним поиграть. По непонятной причине я чувствовала, что должна отдать дань своим увлечениям, прежде чем покину клуб «1740» и уйду на учительскую стезю.

Глаза Лайла расширились.

— О, девочка, выброси эту идею из своей головы прямо сейчас.

— Какую? — невинно спросила я.

— Ты же подумываешь над тем, чтобы поиграть с ним, да?

— Возможно.

— Хочешь уйти с помпой?

— Сегодня мой последний вечер в «1740». А это значит, что и с Робертом покончено. Я имею в виду, что все равно не смогу попросить у него рекомендаций. — Я снова взглянула на Уильяма. — Почему бы мне не повеселиться напоследок?

— Калла придет через час.

Я подняла брови в сторону Лайла.

— И что?

Он покачал головой.

— Я просто радуюсь, что буду далеко, когда полетят пух и перья.

— Я позабочусь о том, чтобы запереть за собой дверь.

Венера вздохнула.

— Да ладно тебе, Лайл. Посмотри какой он жалкий. С ним никто не играет. Это как секс из жалости.

Он фыркнул.

— Не поощряй ее.

— Будто я смогла бы ее остановить, даже если бы захотела, — отмахнулась Венера.

— Хорошая была бы попытка, — ответила я обоим и одним глотком допила свой сок. А потом встала со стула. — Увидимся позже, ребята.

— Повеселись. И я жажду деталей, — сказала Венера.

— Ой, обязательно все запишу. Для тебя.

Лайл покачал головой.

— Вероятно, она сама все увидит в одиннадцать. В конце концов, новости разлетятся, как горячие пирожки.

Я рассмеялась над заявлением Лайла. Потом танцующей походкой направилась туда, где стоял Уильям.

— Здравствуй, маленький сабмиссив.

Он опустил взгляд.

— Снова здравствуйте, Госпожа.

— Я немного подумала и решила, почему бы мне не поиграть с тобой сегодня?

Не подумав о последствиях, он поднял на меня глаза.

— Правда?

— Ты выглядишь удивленным.

— Просто у меня создалось впечатление, что я тут персоне нон-грата.

— Правильное впечатление. Твоя бывшая Госпожа приложила руку, в этом клубе у нее есть кое-какая власть.

Темные глаза Уильяма расширились.

— Тогда почему Вы хотите поиграть со мной?

— Потому что мне нравится вызов. И я люблю злить людей.

Уголки его губ приподнялись, сложившись в улыбку.

— Понятно.

— Я — Госпожа Джульетта.

— Уильям, — ответил он, скользя взглядом к бару. — Мне принести вам что-нибудь выпить?

— Боже, Боже, как формально. Твоя последняя гребаная Госпожа ожидала от тебя этого?

Уильям снова ответил улыбкой:

— Нет, Мэм. Можете винить во всем мое воспитание.

— Не нужно никого винить. Мне все нравится. Образованный мужчина с хорошо подвешенным языком меня заводит.

Что за черт? Я действительно это сказала?

— Рад услужить. — Уильяма впились в меня своими карими глазами.

Они были настолько темно-коричневыми, что казались практически черными. Другой мужчина выглядел бы бездушным, будь у него такой взгляд. Но у него он был переполнен эмоциями — удовольствием, добротой, желанием, сопереживанием и привязанностью. У него такие глаза, в которых можно потеряться.

Я быстро кивнула.

— Так, насчет выпивки...

— Да, Госпожа.

И персонал, и гости могли получить только один напиток, содержащий алкоголь. Трудно соблюдать правило БДР, когда ты не владеешь собой. Я передала Уильяму свою карту служащего, чтобы бармен мог просканировать ее и выдать напиток.

— Мне возьми водку с клюквенным соком. Себе — все, что захочешь.

— Сейчас вернусь.

В ожидании его возвращения я присела на мягкий диван с подушками. И нервно постукивала ногой по полу, а по моей коже побежали мурашки, меня охватило какое-то странное чувство. Интересно, те Домины, которые занимались Темой не из-за денег, чувствовали то же самое, когда находили нового саба?

Уильям вернулся с моей выпивкой. Себе он взял пиво.

— Интересный выбор, — задумчиво произнесла я.

— Почему Вы так думаете?

— Я думала, что ты выберешь что-то иное... выше классом. Типа белого вина или ликера.

Из глубин широкой груди Уильяма вырвался смешок:

— Простите, Госпожа. Но если бы я заказал что-то подобное, то точно казался бы

хреном-зазнайкой.

— В этом нет ничего такого. — Я чувствовала себя чрезвычайно смелой и раскованной, поэтому положила руку ему на пах. А когда сжала ладонь, Уильям судорожно втянул воздух. — Я всегда думала, что слово «хрен» употребляют, говоря о чем-то мелком, но в тебе определенно нет ничего мелкого.

— Что именно у меня не мелкое, Госпожа?

— Член.

— Приятно знать.

Я убрала руку, услышав разочарованный выдох Уильяма.

— Во что тебе нравится играть?

— Мне нравится, когда меня контролируют.

Я улыбнулась.

— Это хорошо, потому что я люблю говорить мужчине, что ему нужно делать.

— Еще я люблю боль.

— Этого я не прошу, но спасибо, что сказал об этом и готов к боли.

— Прошу прощения, Госпожа. Кажется, я говорил с Вами не так, как должно.

— И я позволяю тебе больше, чем должно, — постучав ногой по полу, я продолжила, — хмм... так значит у нас тут еще один мазохист. Я работала с таким примерно час назад.

— Мне не всегда нужна боль, чтобы поймать сабспейс (*примеч. пер.: сабспейс — особое трансовое состояние нижнего, возникающее вследствие выделения эндорфинов в процессе действия на фоне эмоционального подъема*). Она просто усиливает удовольствие. Разница примерно, как между тем, чтобы мастурбировать и входить в тугую киску.

От его аналогии у меня снова пересохло во рту. После затяжного глотка я снова спросила:

— Боллбастинг (*примеч. пер.: удары по обнаженной мошонке*) это твое?

Уильям слегка поморщился.

— Не совсем.

— Что именно тебе в этом не нравится?

— Ну, если быть честным, я люблю свой член, и мне не нравятся практики с пытками этой части моего тела.

Вообще-то, обычно я не позволяла себе болтать с сабом так долго, но была так заинтригована всем, что могла услышать от Уильяма, что продолжила разговор.

— Интересно. Полагаю, свое красивое тело ты тоже любишь, но совсем не против, чтобы тебя избили?

В глазах Уильяма засветилось веселье.

— Синяки и порезы заживают. Насчет перелома члена я не так уверен.

Я от души рассмеялась над этим замечанием.

— Вы, мужики, так похожи. Если бы все сводилось к выбору жить без члена или умереть, думаю, 99 % выбрали бы смерть.

— Это уже не мое дело, кто что выберет, — он глотнул пива, — но если дело касается моих собственных яиц, то в будущем мне хотелось бы иметь детей. И я не уверен, что многократное связывание и пытки этой части моего тела поспособствуют облегчению процесса.

— Важный момент. Получается, для тебя боль не основа процесса, а лишь сопровождение?

— Да, Госпожа.

— Какие табу?

— Анальные игры и унижения.

— Интересно, почему меня это не удивляет?

— И почему же, Госпожа?

— Увидев тебя впервые, я подумала, что ты — доминант, играющий в саба. У нас тут такие водятся. Они любят крутиться тут, примеряя то верхнюю, то нижнюю роль. По мне — так это просто трата чужого времени. Одно дело быть свитчем, когда на сессии это согласовано, но совсем другое... — Я вздохнула. — Впрочем, это глупое предположение. После всех лет и опыта в Теме мне следовало его делать.

— Вы так подумали из-за моей внешности?

— Нет, дело не в том, что ты сложен, как Супермен. Все дело в поведении.

Он поморщился.

— Последние пару недель на работе был суший ад. Меня только перевели, и нужно выучить до хрена нового. Думаю, я просто не смог отключиться от этого и перенес поведение в место, где нужно просто быть нижним.

Я едва смогла скрыть улыбку от его непосредственной болтовни. Можно было предположить, что он из того типа парней, которые никогда не встречали недружелюбных знакомцев и были честны во всех аспектах собственной жизни. Это было так мило.

— Прежде чем мы направимся вниз, какое у тебя стоп-слово?

— Хейсман.

— Это после кубка?

Брови Уильяма удивленно поползли вверх.

— Вы — фанатка футбола?

— Я — нет. А вот мой мелкий брат — да. Хотя ладно, не стоит говорить, что он мелкий. В конце концов, ему семнадцать, и в нем 192 сантиметра роста. Он квотербек в старшей школе.

— В его возрасте я тоже был квотербеком.

Я поджала губы.

— Ну да. Как же я не догадалась.

Он подмигнул.

— Пеггинг в табу (*примеч. пер.: анальный секс со straponом*).

— Саб, который любит подразнить. А я была уверена, что это работа Домины.

— Я с нетерпением жду того, как Вы будете это делать.

— А я с нетерпением жду момента, когда смогу поставить тебя на место.

О, да. Я действительно горела желанием это сделать. И не могла вспомнить, когда в последний раз у меня был такой милый, умный и забавный сабмиссив, с которым можно было поиграть. Будет очень весело.

Поднявшись с дивана, я ткнула пальцем в сторону Уильяма.

— Пойдем.

Когда двери лифта открылись, я повела Уильяма по длинному коридору Темницы.

— Где вы играли с бывшей Госпожой?

Увидеть, что та комната, на которую он указал, занята, было радостью. Мне не хотелось, чтобы воспоминания о сессии с Каллой омрачили процесс достижения сабспейса для Уильяма. Так же я выбрала не ту комнату, где мы играли с Оуэном. Выбранная мной была меньше, с более интимным пространством. В ней помещались только Андреевский Крест, скамья для порки и крюки для того, чтобы можно было повесить саба на веревках или цепях.

Закрыв и заперев за нами дверь, я повернулась и увидела Уильяма в позе «внимание». Пятка к пятке, носки упирались в специальную линию, нарисованную на полу. Прямые руки висели по бокам. Взгляд вперед. Когда сабмиссив становился в эту позу, я отчетливо ощущала себя сержантом, проверяющим новобранца.

Я не спеша подошла к нему. С каждым моим шагом дыхание Уильяма становилось все быстрее и тяжелее. Встав напротив, я прижала к основанию его шеи ладонь, уперев в кожу острые кончики ногтей, а потом медленно провела ими вниз по позвоночнику, заставив его вздрогнуть всем телом.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала с тобой, Уильям?

— Что Вам будет угодно, Госпожа.

Цыкнув на него, я сказала:

— Ты же знаешь, что это не полная правда. Мы же уже говорили о твоих табу.

— Я все еще хочу услужить Вам, Госпожа.

— Увидим. — Я подняла голову вверх. — Снимай штаны.

Уильям немедленно протянул руки к пуговице на джинсах. Расстегнув ее, он занялся молнией. Я ждала, затаив дыхание, пока тот спустит джинсовую ткань на бедра и ниже. И получила вознаграждение — на нем не оказалось нижнего белья.

После полного обнажения он вышел из штанин и наклонился, чтобы поднять и сложить одежду, как учили всех нижних, но я отрицательно покачала головой.

— Оставь. Сперва я хочу посмотреть на тебя.

Он выпрямился и замер, предоставив мне возможность полюбоваться его великолепной эрекцией. За время работы Доминой я видела массу членов, и только некоторые из них были впечатляющими. И пенис Уильяма определенно производил впечатление. С такой внешностью было нечестно, что тот наделен еще и таким членом. Но некоторые просто собирают в себе все самое лучшее.

— Мило, — пробормотала я, обходя его, чтобы посмотреть на задницу.

Как и его член — задница была совершенна. Два полных плотных полукружья, которые так и хотелось сдавить ладонями и приласкать языком.

— Какой твой любимый тип фиксации, Уильям?

— Андреевский Крест, Госпожа.

— Почему?

— Мне нравится, что он открывает спину и ноги для воздействия хлыстом.

— Что-то еще?

— Мне нравится, когда кожаные наручи и поножи затянуты так плотно, что остаются

отметины.

— Поняла. — Я обошла его, чтобы заглянуть в лицо. — Однако держу пари, что ты ощущаешь себя уязвимым, так опрометчиво открываясь сзади.

Он нахмурился.

— Полагаю, что так.

Подмигнув, я произнесла:

— К счастью для тебя, я не особый фанат этого креста или оков. Я фиксирую с помощью веревки.

— Меня еще никогда не связывали веревкой.

На моих губах появилась улыбка.

— Так ты девственник в этом, и я буду первой? Счастливица.

— А я уверен, что именно мне повезло.

— Посмотрим, красавчик, — задумчиво произнесла я, подойдя к шкафу с игрушками. Взяв оттуда моток веревки, вернулась к крюку для подвешивания. — Иди сюда.

Уильям послушно встал передо мной, и я начала инструктаж:

— Руки вытяни вперед, ко мне. Ладони обращены друг к другу.

После того, как он это сделал, я дразняще провела веревкой по его руке.

— Как ощущается?

— Нормально, Госпожа.

— Только нормально? Опиши мне свои ощущения.

— Она довольно гладкая. Царапается не так сильно, как я себе представлял.

— Хорошо. А так будет ощущаться трение о кожу, когда я тебя свяжу. — Я начала обвивать веревкой его запястья, приказав: — Взгляд на меня.

Уильяма мгновенно оторвал взгляд от того, что я делаю, и поднял его на уровень моих глаз. После того, как полностью привлекла его внимание, я продолжила пояснения:

— Это, мой маленький веревочный девственник, называется узел с двойной скользящей петлей.

— Я буду умолять заменить слово «маленький».

— Это кто тут у нас такой дерзкий?

— Просто уверенный в себе.

— Ну, с таким членом, ты просто обязан быть уверенным в себе.

Он улыбнулся.

— Спасибо, Госпожа.

— Я, конечно, должна наказать тебя за то, что ты так свободно со мной говоришь.

Он опустил взгляд.

— Прошу прощения, Госпожа.

— Я тебя слишком часто прощаю. Но мне так нравятся твои честность и открытость.

Это так освежает, после однообразных «нет» и «да».

Уильям тихо и с облегчением выдохнул.

— Я рад слышать, что смог услужить Вам, Госпожа. Так приятно, что Вы спрашиваете про мои предпочтения.

Чтобы не засмеяться в голос, я прикусила губу, потому что он продолжал болтать все также открыто. Нельзя было не задаться вопросом, как предыдущие Леди затыкали ему рот. Лично я предпочла бы сесть Уильяму на лицо, чтобы заставить его замолчать, но это было не в моем стиле.

Обернув веревку вокруг его запястий четыре раза, я остановилась.

— Мы можем превратить узел в тройную обвязку, обернув шесть раз, но, думаю, остановимся на двух веревочных кольцах на твоих запястьях.

— Вы специально тренировались, чтобы делать это?

Снова цыкнув на него, я сказала:

— Ну вот, ты снова открываешь рот не вовремя.

— Прошу прощения, Госпожа.

— Ты просто любопытный или беспокоишься о своей безопасности?

— Не беспокоюсь. Просто Вы же почему-то выбрали такой способ. Кажется, нужно приложить много усилий, чтобы кого-то связать.

— Ничего такого. Видел бы ты обвязку на локти. Там локти привязываются друг к другу за спиной, практически соединяясь вместе. А веревку еще нужно пропустить под грудь и на шею. А про вязку кабанчиком, обвязку Кадара или веревочное платье и говорить не будем.

— Кажется, процесс занимает кучу времени.

— Ну, это часть ритуала, чтобы сабмиссиву было веселее, — я посмотрела ему в глаза, — в процессе ожидания.

— Понятно, — ответил он. — А почему именно веревка?

— Я научилась вязать узлы раньше, чем узнала, что такое шнурки. — Увидев шокированный взгляд Уильяма, я рассмеялась. — Нет, я не родилась Доминой. Просто выросла на животноводческой ферме, с лошадьми.

— Интересно. Я не могу представить Вас в роли женщины с фермы.

— Мне нравится жить в городе, но мое сердце принадлежит сельской жизни.

— И Вы ходите в ковбойских сапогах?

С удивлением посмотрев на него, я ответила:

— Да. В обычной жизни. Или ты видел кучу Домин в ковбойских сапогах? А?

Его глаза возбужденно заблестели.

— Мне очень нравятся такие сапоги на женщинах.

Я ударила его свободным концом веревки.

— Разве ты не плохой мальчик?

— Да, Госпожа.

Связав кончики вместе, я произнесла:

— Вот. Готово.

Уильям посмотрел на то, что вышло.

— С торчащими кончиками веревки это выглядит как большой бант.

Я улыбнулась.

— Наверное, так и есть.

Просунув два пальца под вязкой, я убедилась, что осталось достаточно места, чтобы по венам нормально циркулировала кровь. И, убрав пальцы, спросила:

— И как оно?

— Хорошо, Госпожа.

— Нет покалывания или онемения?

— Нет, Госпожа. Ваша работа великолепна.

— Спасибо, — связав конец оставшейся веревки в петлю, я подняла ее, чтобы набросить на один из крюков для подвеса. — Готов?

— Да, Госпожа.

Я повернула специальную рукоятку, чтобы поднять планку. Уильям был вынужден поднять руки над головой. Поза не являлась комфортной, но в том-то и был смысл.

— Как теперь себя чувствуешь?

— Хорошо, Госпожа.

Как только Уильям оказался на месте, настало время по-настоящему заняться делом. При выборе инструментов для порки меня всегда тянуло на то, чем я пользовалась в обычной жизни. Как и с веревкой, я наслаждалась, работая стеком. В то время, как кожаный кончик жалил кожу во время легких ударов, для более интенсивного воздействия можно было использовать гибкую основу, похожую на прут. Так же я пошла дальше, используя стек для верховой езды чаще, чем стек погонщика. Выглядели они одинаково, за исключением того, что первый был немного короче, а кусок кожи на его кончике — длиннее.

У клуба было несколько стеков на выбор, но я знала, что для Уильяма предпочту воспользоваться своим личным. И, поскольку оставлять кого-то без присмотра было запрещено, я нажала специальную кнопку, вызвав в комнату смотрителя Темницы.

— Я сейчас вернусь, — добравшись до двери, оповестила я. — Побудь тут, пока меня не будет.

— Да, Госпожа, — ответил Уильям слегка удивленным голосом.

Открыв дверь смотрителю Темницы, я вышла в холл и спустилась по освещенной лестнице вниз, к комнате персонала. Поскольку лифтом можно было пользоваться только в присутствии работника клуба, причин запирать раздевалку здесь, внизу, не было. А наверху была другая комната, которая закрывалась на ключ — там хранились девайсы нужные для сессии, которые мы не забирали домой.

Чувствуя себя подростком, я ввела комбинацию цифр на своем шкафчике. Дверца открылась с щелчком. Сначала я сняла браслет, подаренный мне Оуэном, и положила его в сумочку, а потом протянула руку, чтобы взять пурпурно-белый стек, висящий у дальней стенки. Обвила пальцы вокруг плетеной рукояти. Его изготовил для меня один из друзей отца, работавший с кожей. Он даже не представлял для чего мне нужен этот стек. Учитывая, что он знал меня с пяти лет, если бы узнал — с ним бы случился удар.

Вернувшись в комнату, я извинилась перед смотрителем. Уильям смотрел в пол.

— Скучал по мне? — Я не могла не подразнить его.

— Да, Госпожа.

— Готов начать?

— Целиком и полностью, Госпожа.

— Хорошо, — ответила я, подойдя и встав напротив.

— И еще раз. Твое стоп-слово?

— Хейсман.

— Не стесняйся, пользуйся на здоровье.

Я медленно провела стеком от его Адамова яблока вниз. Достигнув груди — обвела один из сосков по кругу кожаным кончиком. И после того, как сосок возбужденно заострился, ударила по нему. От жалящей боли ноздри Уильяма раздулись, я же переместила стек в сторону, чтобы подразнить другой его сосок. И когда он ожидал такого же шлепка со второй стороны, я удивила его, ударив гибкой основой по животу.

— Первый урок, маленький сабмиссив. Никогда не пытайся предугадать мой следующий ход.

Уильям глубоко выдохнул, на его животе появилась красная полоса. Кончиком стека я

подразнила его пупок. Пресс нижнего невольно напрягся от прикосновения девайса, веревка, на которой он висел, натянулась, а эрекция окрепла. Член встал по стойке смирно, и я слегка ударила по головке кончиком стека, заставив Уильяма зашипеть.

— Лежать, — скомандовала я.

Заведя свободную руку назад, я стала наносить удары по груди, чередуя прикосновения кожаного кончика и гибкой основы. Челюсть Уильяма сжималась и разжималась после каждого удара. Когда тот натягивал веревки, цепи, на которых было подвешено фиксирующее кольцо, звякали. Уильям оказался прав насчет того, что любит боль — его член был красным, пульсировал при каждом ударе, появилось предсемя. И я знала, что если продолжу, то он скоро кончит — если позволю.

Когда кожа на животе и спине покраснелась, я прекратила воздействие, а потом опустила руки Уильяма вниз. И, взявшись за концы веревки, дернула саба на себя. Его эрекция коснулась моего обнаженного бедра, заставив нас обоих удивленно вдохнуть при контакте.

Используя все ту же веревку, как поводок, я потянула его к скамье для порки, которая не была полой, а изгибалась под углом, давая более легкий доступ к заднице сабмиссива. Как только Уильям лег на живот, я намотала концы веревки на специальный крюк, вбитый у края скамейки, чтобы саб мог держать руки только прямо.

— Ну как?

— Замечательно, Госпожа, — простонал он.

Я подошла к шкафу с девайсами. Конечно Уильям ожидал, что я использую паддл или флоггер, но вместо этого решила выбрать кое-что близкое к его табу и взяла из одного из ящичков гладкий серебристый вибратор.

Со стеклом в одной руке и вибратором в другой, я вернулась к сабу. Положив девайс на край скамьи, включила вибро. Услышав жужжание, Уильям дернулся и повернул голову, чтобы посмотреть меня.

— Глаза в пол! — рыкнула я.

Он быстро отвернулся. Какое-то время я постояла, просто позволяя инструменту жужжать, а потом вдавила кончик вибратора в кожу на затылке саба. От прикосновения игрушки, Уильям подпрыгнул.

— Не дергайся, — предупредила я.

Затем повела вибратором вниз по его спине, и дыхание сабмиссива ускорилось. Когда касание игрушки дошло до его задницы, ягодицы Уильяма непроизвольно сжались, а он сам затаил дыхание, ожидая того, что я могу сделать. И прежде чем спуститься ниже, скользнула кончиком вибратора между напряженными полукружьями попы.

Когда же я взяла его за голень и стала скользить вибратором по ногам, Уильям с облегчением выдохнул. Добравшись до изгиба его ягодиц, остановилась и уделила внимание другой стороне. Повторив движение, я снова дошла до задницы и тогда сказала:

— Давай, раздвинь ноги пошире. Для меня.

Он остался в той же позе, поэтому я взяла стек в свободную руку и, поместив его между ног саба, ударила того по яйцам. Он застонал, вонзив локти в подушку, лежащую на скамейке. Как только я вновь замахнулась для удара, тот развел ноги, расставляя их шире.

— Хороший мальчик.

Просунув руку между его ног, я прижала вибратор к промежности Уильяма. В этот раз он застонал, но от удовольствия, а не от боли. А потом я увеличила давление на

чувствительную точку между членом и анусом, ощутив, как он ритмично задвигал бедрами.

— Не так уж и плохо, да?

— Да, Госпожа.

— Скажи это еще раз, — приказала я, потому что его ответ был едва слышен.

— Мне хорошо, Госпожа, — на этот раз внятно ответил Уильям.

Я начала двигать вибратором назад и вперед, играя с кнопками переключения скорости — то ускоряя, то замедляя игрушку. Снова прижав вибратор к его анусу, я добилась того, что ягодицы Уильяма сжались.

— Спокойно. Я не рискну ничего сделать без смазки.

Он расслабился, и я стала обводить вибратором его яички, а свободной рукой взяла стек и ударила саба по спине. Уильям стал тереться о скамью бедрами интенсивнее.

С приближением оргазма у нижнего начали дрожать ноги. Я убрала стек, желая дать ему кончить. Наклонившись, я прошептала на ухо сабмиссива приказ:

— Давай, Уильям. Кончи для меня.

Его движения стали еще быстрее, а бедра ударялись о кожаную подушку на скамье с характерным шлепающим звуком. И, наконец, он откинулся назад — глаза закрыты в экстазе, вены отчетливо выделяются на шее. Потом напряг мышцы, пытаясь вырвать веревку из кольца, а потом вздрогнул всем телом, кончив на пол.

Во время оргазма Уильям был прекрасен. Его взгляд был полон протрации и абсолютного блаженства. Волна удовольствия полностью охватила его тело, и я упивалась своей властью над ним.

Когда тот пришел в себя, я отвязала его от скамьи, а потом освободила от веревки запястья.

— Встань.

Сабмиссив встал, оттолкнувшись от поверхности грудью, перенося вес тела на ноги. Я взяла его за правую руку и размяла мышцы глубокими массажными движениями.

— Кровообращение восстанавливается?

— Да. Спасибо, Госпожа.

После того, как я поработала с другой рукой, он упал на колени и стал с почтением целовать мои сапоги. В отличие от Оуэна, Уильям не стремился подняться выше и коснуться голой кожи. Не поднимая головы, он спросил:

— Госпожа, могу ли я доставить Вам удовольствие?

— Нет.

— Но почему?

Я уперлась руками в бедра.

— Ты решил мне не подчиниться?

— Нет, Госпожа. Я лишь хотел бы, чтобы Вы рассмотрели мое предложение.

— И почему это?

— Потому что мне очень хотелось бы услужить. Подарить Вам такой же сильный оргазм, какой Вы подарили мне.

— Извини, но ответ все еще отрицательный, — ответила я и, взяв веревку, пошла к раковине для дезинфекции.

Когда я повернулась к нему, то вновь поразила видом Уильяма, стоящего на ногах. И тот все еще старательно отводил от меня взгляд.

— Посмотри на меня, — приказала я.

Мужчина буквально впился в меня взглядом, и я подошла ближе. Он, конечно, старался замаскировать это, но можно было точно сказать, что отказ ранил его чувства.

— Я хочу, чтобы ты понял — дело не в тебе, ты не сделал ничего, что вызвало бы мое недовольство. Просто я не допускаю своих сабмиссивов к прямому воздействию.

— Вам стоило бы это сделать, — продолжил настаивать он.

Покачав головой, я сказала:

— Тебе следует помнить, как именно нужно разговаривать со своей Госпожой.

Вместо того, чтобы принять виноватый вид, Уильям сделал шаг вперед.

— Могу я хотя бы поцеловать Вас?

Я посмотрела на серьезное выражение его лица и ничего не смогла придумать, чем же это сможет навредить.

— Ладно. Один поцелуй, а потом ты пойдешь своей дорогой, — я ткнула пальцем ему в грудь, — и оставишь мне хорошие чаевые.

Уильям улыбнулся.

— Да, Госпожа.

Встав с ним лицом к лицу и подняв подбородок вверх, я скомандовала:

— Поцелуй меня.

Он закрыл глаза и опустил голову. Когда наши губы слегка соприкоснулись, по моему позвоночнику пробежала дрожь предвкушения. Я почувствовала себя так, будто мне снова было тринадцать, живот словно набит камнями, а мальчик, который мне жутко нравится, целует меня за нашим сараем. Затем Уильям углубил поцелуй и притянул меня ближе. В этом действе было все — страсть, ласка, интимность. Я почувствовала, что снова ощущаю ее, потерянную часть меня.

С желанием большего я пососала язык, проникший вглубь моего рта. В тот самый момент я дала ему право делать все, и внутри Уильяма, словно щелкнул переключатель. Почтение, с которым он словно поклонялся своим ртом моему, превратилось в отчаянное завоевание. Его язык вступил в бой с моим, посасывая, облизывая и пожирая. Между бедрами у меня начало пульсировать, и я прижалась к нему теснее.

Он перестал поддерживать меня под спину, схватив за косу, за которую и потянул, чтобы заставить меня отступить и посмотреть на него. Ни один нижний никогда не трогал меня без разрешения, тем более, никогда не применял силу.

— Прошу, Госпожа. Я хочу Вас целиком, а не только рот.

На то, чтобы восстановить дыхание, у меня ушло несколько секунд.

— Я же тебе сказала, я этого не делаю.

— Почему Вы отказываетесь от собственных желаний?

Глядя в это прекрасное лицо, я удивлялась тому же. За все годы я не позволяла себе получать удовольствие. Были нижние, которые меня привлекали, как, например, Оуэн. Не все хотели дарить удовольствие, скорее получать, но многие были заинтересованы. Но я отказывала всем.

А теперь я стояла, прижавшись к теплему, наполненному силой телу Уильяма, плоть к плоти, и больше не хотела, что-то доказывать. Мне хотелось отпустить собственные желания. В конце концов, мне двадцать четыре, я живая женщина, которая пожертвовала своей жизнью в пользу работы, учебы и семьи. И я не могла вспомнить, когда в последний раз кончала не от вибратора.

Уильям опустил голову и его теплое дыхание достигло моего уха:

— Пожалуйста... позвольте мне помочь Вам кончить.

От мысли о том, что его рот может сделать с моей киской, я прошептала:

— Да.

Он отпрянул и посмотрел на меня.

— Да?

Я выровняла плечи и на этот раз твердо заявила:

— Да.

Его лицо озарила настоящая улыбка.

— Спасибо. — Он оглядел комнату. — Где?

— Прямо здесь.

Уильям нахмурился.

— Вы уверены, что на табурете королевы (*примеч. пер.: специальный стул для фейсситинга — это низкая табуретка или стул, в котором вырезано специальное отверстие для лица низа, которое открывает доступ к гениталиям сидящего Дома для различных оральных воздействий*) не будет удобнее?

— Прямо здесь, — повторила я, ткнув пальцем в землю, чтобы усилить свои слова.

— Да, Госпожа.

Он опустился на колени. Положив ладони на мои икры, Уильям медленно заскользил пальцами вверх, по сапогам, а потом по бедрам. Почувствовав его прикосновения к своей обнаженной коже, я глубоко вздохнула. Он рискнул поднять ладони выше, скользнув под мое платье. Кончиками пальцев прижавшись к бедрам и подцепив ткань стрингов. Затем медленно стянул трусики вниз по бедрам и сапогам. Когда белье достигло пола, я переступила с ноги на ногу, осторожно выйдя из них.

Уильям поднялся с колен, и я удивленно уставилась на него. Прежде чем я смогла возразить, он поднял меня на руки.

— Я же сказала — здесь.

— Доверьтесь мне.

— Ты послушался меня. Я должна заставить тебя остановиться прямо сейчас, — прорычала я.

— Но это для Вашего удовольствия.

Прищурившись, я посмотрела на него.

— Непослушание — не то, что меня заводит, маленький сабмиссив.

Он опустил меня на ноги перед Андреевским крестом.

— Серьезно, ты же не думаешь, что сможешь меня связать?

— Конечно нет. Я просто хотел, чтобы у Вас было на что можно опереться, для устойчивости.

Скрестив руки на груди, я ухмыльнулась.

— А ты высокого мнения о собственных талантах.

В его взгляде не было ни капли извинений. На самом деле, они блестели от самоуверенности.

— Вы сможете сказать, был ли я хорош, после того, как мы закончим.

— Я запомню это.

— Говорите, что делать, Госпожа. Все для Вас.

Я могла бы заставить его заняться делом сразу, заставить тут же встать на колени и приступить к делу, но мне хотелось большего. Хотелось его рук на своем теле.

— Коснись моей груди.

Он быстро исполнил приказание, проникнув ладонями под ткань корсета и коснувшись голой кожи руками. Уильям взвесил мои груди в ладонях, нежно и трепетно, прежде чем сжать их. Я выдохнула, и он поднял взгляд на мое лицо, чтобы понять, о чем я думаю.

— Сильнее.

Саб сжал плоть, и мои соски превратились в камешки. Без указания, Уильям покрутил их между пальцами, заставив увеличиться и пульсировать.

— Возьми их в рот, — скомандовала я.

Не отрывая взгляда от меня, мужчина убрал руки с моей груди и развязал бант, удерживающий переднюю часть моего платья. Потом вытянул ленту из специальных отверстий, заставив платье раскрыться и освободить мою грудь. Затем со стоном наклонился и втянул в рот один из торчащих сосков. Губами коснулся пульсирующей плоти, и у меня между ног стало жутко мокро. Я зарылась пальцами в волосы у него на макушке и дернула за прядь, из-за чего мой сосок выскочил изо рта Уильяма, а затем притянула его к другой груди. На этот раз мужчина прикусил самую чувствительную точку, заставив меня застонать.

И хотя можно было позволить ему и дальше уделять внимание моей груди, я положила руки на плечи Уильяма и легонько надавила, заставив его спуститься на колени. Оказавшись у моих ног, он начал закатывать юбку вверх, дюйм за дюймом, позволяя прохладному воздуху касаться моей разгоряченной кожи. Я смотрела на него сверху вниз, и моя обнаженная грудь вздымалась в такт тяжелым вздохам. Во мне шла борьба с желанием схватить его за волосы и толкнуть лицом к себе между ног. Не знаю, мстил ли он мне за ожидание и провокацию, через которые я сознательно заставила его пройти ранее.

Когда юбка, наконец, была поднята до живота, Уильям откинулся назад.

— Такая красивая, — пробормотал он и наклонился, чтобы нежно поцеловать меня между ног.

Поцелуи порхали по моей коже, словно крылья бабочки, он продолжал наступление снова и снова, не обделяя вниманием складочки, двигаясь от одного бедра к другому.

На моем лбу выступили капельки пота, и я больше не могла сдерживаться. Расставив ноги шире, я потребовала:

— Трахни меня языком. Сейчас.

— Да, Госпожа.

Схватив меня за икру, он закинул мою ногу к себе на плечо. Опустив голову, Уильям лизнул одним длинным долгим касанием от попы к клитору. Я вздрогнула. Затем он принялся ласкать нижние губы, чуть прикусывая их зубами, а потом тереть языком клитор — вверх и вниз. Я толкнулась бедрами вперед, отчаянно желая почувствовать трение, а Уильям открыл рот, всосав в себя мою плоть. На клиторе появилось тянущее ощущение, как и с сосками ранее.

— О, Боже, — пробормотала я.

Я уперлась головой в перекрещенные балки Андреевского креста и была рада, что Уильям подвел меня сюда.

Повинуясь приказу, он не трогал меня руками. Только губы и язык, которыми саб раздвинул малые губы, прежде чем проникнуть внутрь плоти. Он наполнял меня и отступал, действуя так, словно его язык был членом. Мои бедра сами начали двигаться в такт его толчкам.

Взяв меня за другую ногу, Уильям закинул ее к себе на плечо. Я схватилась за наручи,

прикрученные к кресту — для поддержки, а мужские руки сжали мои ягодицы, чтобы удержать меня на месте. Теперь я сидела на его лице, словно пронзенная языком, который скользнул еще глубже. Нос Уильяма оказался прямо у клитора. Не знаю, как он все еще был способен дышать и одновременно настолько глубоко двигаться во мне. Я скрестила ноги за его спиной, упершись пятками в лопатки, притягивая саба еще ближе.

Дышала я тяжело и прерывисто. От сильных, пронизывающих ощущений дрожали ноги. Время от времени мне хотелось его оттолкнуть — слишком сильными были ощущения. Но я только и могла, что тереться о лицо Уильяма и бессвязно что-то бормотать. А потом пришли первые волны оргазма, и я закричала. Ощущение было таким интенсивным, что на мгновение мое сознание чуть было не уплыло. Я, конечно, знала о мультиоргазме (*примеч. пер.: множественных оргазмах*), но никогда его раньше не испытывала, и после серии спазмов смогла только резко выдохнуть и обмякнуть всем телом.

Ослабив хватку на наручах, я начала съезжать вниз. Уильям обнял меня, и я соскользнула вниз по его телу. Пару раз моргнув, попыталась прийти в себя. Лучший гребаный оргазм в моей жизни — вот что это было.

Я посмотрела на Уильяма. Хотя теперь у него были все основания заявить «а я же говорил», он просто улыбался.

— Спасибо, Госпожа.

— Ты говоришь «спасибо» мне? Это я должна упасть на колени и благодарить тебя.

Я провела руками по лицу, стирая пот. «Неудивительно, что Калла не хотела тебя отпускать», — подумалось мне.

Он усмехнулся.

— Приму это как комплимент.

— Будь чертовски уверен, что это он и есть.

— Вам что-то нужно?

— Еще один заход? — Уильям облизнулся и потянулся, чтобы поставить меня на ноги. — Нет, нет. Я тебя дразню.

— Я мог бы сделать так, чтобы Вы кончали всю ночь, если хотите.

— Я знаю, что ты мог бы. Но мы не можем... я не могу...

Прежде чем встать, он кивнул, а потом протянул руку, чтобы помочь мне подняться.

— Мне почистить Вас?

Я рассмеялась.

— Думаю, если я тебе это позволю, мы вернемся к тому, на чем остановились.

С хитрой усмешкой он ответил:

— Это было бы неплохо.

— Все нормально. Приму душ, когда вернусь домой.

— Разве Вы больше не будете играть сегодня?

— Нет. Думаю, ты меня вымотал.

Несмотря на склоненную голову, на щеках Уильяма стал заметен появившийся румянец гордости. Я потянулась к ремешкам платья, но он остановил меня.

— Позвольте мне.

Схватившись за концы шнуровки, он продел их в нужные отверстия, снова приведя меня в приличный вид. Как только лиф оказался на месте, саб опустил вниз юбку, а потом нашел отброшенную в сторону ленту и повязал ее на место. Учитывая то, что обычно это я заботилась о них всех, было очень приятно, что кто-то хоть раз делает то же для меня.

— Спасибо, Уильям. За все.

— Возможно, мы сможем еще раз поиграть в следующие выходные? — спросил он с надеждой во взгляде.

Я оказалась слишком трусливой, чтобы признаться, что в следующие выходные меня тут уже не будет. Что он меня вообще больше никогда не увидит. Отчасти мне было очень интересно, почему мне не хотелось приезжать сюда на выходные. Я ведь ничем не рисковала и могла бы быстро заработать денег. Но понимала, что в том, новом мире, места для клуба «1740» не будет. Нужно было оставить весь этот опыт позади.

Вплоть до настоящего момента, или, наверное, стоило сказать «до Уильяма», это меня не беспокоило. Я буду скучать по таким парням как Оуэн, но ни один из них никогда не принадлежал мне по-настоящему. Они просто играли, и я не переживала о том, что отдаю их другим Доминам. Но Уильям... Его мне тоже теперь следовало оставить в прежней жизни.

— Возможно, — солгала я.

Надеюсь, другая Домина будет достаточно сильной, чтобы держать его в строгости. И будет нежной. Он. Просто. Невероятный.

— Замечательно. Я могу Вас проводить?

— Просто к лифту вверх. Я выйду через дверь для персонала.

— Ох, ладно.

— Не хочешь принять душ?

Он покачал головой.

— Я хочу оставить на себе Ваш запах, насколько это будет возможно.

— О, Боже, — пробормотала я, пытаюсь сдержаться и сейчас же не опустить его на землю.

— Подождете, пока я уберу комнату, Госпожа?

— Хорошо.

Уильям буквально впрыгнул назад в джинсы. После того, как я показала сабу, где взять все для уборки, тот быстро все почистил и как только закончил — открыл для меня дверь. Когда мы вышли в коридор — сразу налетели на знакомую нам обоим Каллу, которая направлялась в одну из комнат.

Она посмотрела на нас двоих и ее темные глаза яростно сузились.

— Здравствуйте, Госпожа Калла, — вежливо произнес Уильям.

— Здравствуй, Уильям, — сказала она и обратила свое внимание на меня. — Джульетта, я думала, что ты работаешь только с постоянными клиентами.

— Ну да. Но я же не могла пропустить такого саба, как Уильям. Просто не смогла устоять, — ответила я приторным голосом.

— Понятно, — сказала Калла, а потом бросила жаждущий взгляд на Уильяма. — А теперь прошу меня извинить. У меня клиент.

Скользнув в комнату, она закрыла за собой дверь.

— Вышло не так уж и неловко, — озвучила я.

Уильям рассмеялся.

— На самом деле, очень.

— Я уверена, что она тут же прибежит, стоит тебе хоть слово сказать.

— Не получится. Я не могу дать ей то, что она хочет... то, что ей нужно.

Его слова отозвались во мне эхом, затронув больше, чем можно было себе представить. Мы прошли к лифтам дальше по коридору, и, когда один из них подъехал, я потянулась и

поцеловала Уильяма в щеку.

— Спасибо за ночь, которую я точно запомню.

— Пожалуйста, Госпожа Джульетта.

Двери лифта открылись, и я жестом пригласила Уильяма выйти. Он вышел в холл первого этажа с каким-то унылым выражением лица. Как только двери за ним закрылись, я выдохнула и задержала дыхание. Снова вернувшись вниз, пошла к своему шкафчику. Эмоции переполняли и, когда я начала собирать вещи, глаза наполнились слезами. Ощущение было такое, словно закончилась целая жизнь.

Поскольку ходить в одежде Домины вне клуба было нецелесообразно, я переделалась в футболку и штаны для йоги. Надев кроссовки, вышла из раздевалки и перестала быть частью персонала. Пока я шла к машине, меня преследовали мысли об Уильяме. Следовало отделаться от них как можно быстрее, ведь если этого не сделать — у меня точно возникло бы желание большего, чего я уж точно не могла иметь.

Глава 4

Запах свежесмазанной маслом кожи достиг моего носа, когда мое обнаженное тело скользнуло вниз по знакомому прохладному материалу кушетки. Я обвела взглядом комнату, не совсем понимая, что делаю здесь. Клиентов внутри не было — стул для боллбастинга, как и скамья для порки, пустовали. И Андреевский крест. Музыка для сессии тоже не звучала — динамики молчали.

Я оглядела свое голое тело, а потом еще раз обвела взглядом комнату, увидев в конце коридора мужчину на коленях. Его голова была склонена.

— Что ты делаешь?

— Жду, чтобы услужить Вам.

Этот голос. Это его голос, тот самый, который заставляет меня терять разум.

— Уильям?

Он покорно повернулся ко мне.

— Да, Госпожа.

— Зачем ты здесь?

— Чтобы трахаться.

То, как просто он произнес это, заставило меня вздрогнуть и воспламениться. Скрестив ноги, я постаралась унять нарастающую между бедрами, тянущую боль.

Ноздри Уильяма расширились, будто он учуял запах появившегося возбуждения.

— Позвольте мне позаботиться об этом.

Без возражений я наблюдала, как тот раскатал презерватив по длине своего члена. На задворках моего сознания шел отдаленный спор о том, что я не трахаюсь с клиентами или сабмиссивами, и, уж тем более, не занимаюсь сексом в роли Домины. Но вид Уильяма, его широкой груди, поднимающейся и опускающейся от сильного желания, заставил меня отбросить все сомнения.

— Иди сюда, саб.

Уильям практически рванул вперед. Он оперся на кушетку сначала одним коленом, потом другим и, наконец, нависнув надо мной, спросил:

— Скажите мне, как Вы любите, Госпожа.

Раздвинув ноги, я ответила:

— Сильно и быстро.

Разместившись между моими бедрами, он взял свой член в руку. Ощувив упругую головку, упершуюся в мой вход, я в ожидании облизала губы. Уильям не пытался быть медленным и аккуратным. Вместо этого, он последовал моему указанию, погрузившись в меня одним жестким движением. Откинувшись назад, я застонала от удовольствия и боли.

— Вы в порядке? — спросил Уильям, и его дыхание защекотало мое ухо.

— О, да! — пробормотала я, а потом обвила ногами его бедра, а руками — шею. Мои пальцы захватили пряди его волос, и с резким рывком я приказала: — Трахни меня так, чтобы я не смогла ходить.

— Да, Госпожа.

Уильям медленно вынул член, а потом скользнул обратно. Он поймал ритм и начал в нем двигаться, потом сунул руки мне под колени и развел ноги в стороны почти до боли. Его мускулистые бедра ударились о мои, и это столкновение буквально обожгло кожу.

Подняв руки, я сжала его мощные бицепсы пальцами так сильно, что точно могла сказать — завтра у него будут синяки. Мне хотелось оставить на нем свои отметины — следы его Хозяйки. Той, кто владел им и его телом. Той, кто приказал ему доставить удовольствие.

— М-м-м... я почти... Сделай так, чтобы я кончила...

Теплые и липкие движения языка на щеке медленно вернули меня в сознание. Я застонала от разочарования и расстройства, что не получила оргазм и, к тому же, мне облюнговали щеку. Отмахнувшись от пушистой морды, я пробормотала:

— Хватит, Оукли, — и с ворчанием натянула на голову одеяло.

А потом закатила глаза, почувствовав влагу в трусиках. Гребаный секс-сон. Я что, снова превратилась в перевозбужденного подростка? Блин, это просто мега-смешно. Но больше всего меня бесило то, что в главной роли моих фантазий был Уильям.

— Единственная ошибка, и теперь она будет преследовать меня вечно, — пробормотала я.

До моих ушей донеслось энергичное тьяканье. Высунув голову из-под одеяла, я посмотрела на часы. Восемь тридцать.

— Слишком рано. Ты же помнишь, что по выходным мы спим подольше?

Коричневая такса завиляла хвостом, а потом снова подвергла меня нападению своего языка. Я вытащила руку из-под одеяла, чтобы почесать ее крошечную голову.

— Знаешь, для такой мелкой собаки, ты слишком большая заноза в заднице.

От невинной ласки начался новый приступ лая. Я знала, что это не прекратится, пока я ее не накормлю. Поэтому раздраженно вздохнув, отбросила одеяло.

— Ладно, хорошо, ты победила.

Через лабиринт коробок, наваленных на полу моей полуподвальной квартиры, я прошла на кухню. Это место было моим домом с тех пор, как я переехала в Атланту из университетского общежития Джорджии. Дом принадлежал престарелой матери одного из друзей моего отца. Мне предложили снимать помещение за небольшую арендную плату, коммуналку и обязательства по присмотру за старушкой, включая помощь по дому. За прошедшие четыре года Лола стала мне как родная, и я совершенно точно стану по ней скучать.

Наполнив едой черную собачью миску с перекрещенными костями и черепами на боку, я вернулась в спальню. Кровать так и манила меня назад, но я храбро поборола искушение и подошла к шкафу. Так как до переезда оставались целые выходные, мне хотелось в последний раз пробежаться в своем любимом парке, а чем раньше туда попаду, тем меньше будет толпа. Так что я натянула спортивный лифчик, поверх него — топ из спандекса и завершила образ штанами для йоги. Надев любимые найки, почесала Оукли за ушком и вышла за дверь.

Парк Битвы при Кеннесо находился в пятнадцати минутах езды от моего дома, но меня это не волновало. Я любила лесные тропы, не говоря уже об ощущении причастности к истории, ведь, если закрыть глаза и сосредоточиться, можно было представить себе отголоски артиллерийского огня и грохот пушек времен Гражданской Войны, проносившийся через лес. Больше всего сегодня хотелось добраться до вершины горы, чтобы посмотреть на

Атланту, замершую у линии неба, прежде чем мир вокруг превратится в холмы и пригорки.

После минутной остановки у Старбакса, я влилась в дорожное движение субботнего утра, а после нашла место на парковке для посетителей. Схватив телефон и наушники с пассажирского места, закрыла машину и после легкой растяжки побежала по одной из троп.

Когда в ушах заиграла «Sail» группы «Awol Nation», от ощущения ироничности ситуации я чуть не споткнулась. В моем мозгу замелькали картинки — будто какое-то кино. Зубы Уильяма, сжимающие мою кожу... мой клитор. Руки, обхватывающие мою грудь, и пальцы, которыми он крутил мои соски. Его язык, погружающийся в меня все глубже. Взгляд саба, впериившийся в меня, когда я находилась на грани оргазма.

Мое дыхание начало учащаться, но не от бега, а запретных, мучающих меня воспоминаний. А потом испытываемое мной желание сменило отвращение. Я покачала головой и заставила себя бежать быстрее. О чем я думала, когда разрешила ему поиметь меня? Черт меня дернул переступить эту черту в последний рабочий день. Да, он был самым горячим нижним, который мне встречался, но разве это оправдание тому, что я потеряла голову, как какая-то сексуальная маньячка?

Вдалеке я заметила человека, взбирающегося на холм. Что-то в нем показалось мне смутно знакомым. За все те годы, что я провела, бегая в парке, мне часто встречались знакомые, но когда конкретно этот хорошо сложенный мужчина приблизился, у меня сжался желудок. О, нет-нет-нет-нет-нет! Этого просто не могло быть! Я никак не могла наткнуться на того, с кем вчера проводила сессию. За все пять лет работы в клубе «1740» я никогда не сталкивалась с клиентами в реальной жизни.

Нас отделяли всего несколько метров друг от друга, когда он кивнул, чтобы меня поприветствовать. А затем и вовсе затормозил, присыпав нас обоих гравием. Когда я начала обгон, на лице мужчины мелькнуло узнавание.

ББББЛЯДЬЬЬ! Я помчалась вперед во весь опор.

— Госпожа Джульетта? — позвал он.

БЛЯЯЯЯЯЯЯЯДЬ! В суматохе я зацепилась за собственную ногу и рухнула на землю проехав коленями по неровной поверхности. Тело отозвалось болью, хотя основная часть ее сосредоточилась в правой лодыжке.

Перекатившись, я села и обхватила ладонью кроссовок, снова пробормотав:

— Блядь!

Ругательство было обращено не только к боли, но и к упавшей на меня тени. Огромной, принадлежащей единственному сабмиссиву, которому я когда-либо позволила приблизиться к себе.

— О, Боже. Госпожа, мне так жаль.

Я судорожно огляделась и прошипела:

— Прекрати называть меня так!

— Простите. Вы в порядке?

Черт, этот его голос. Мгновенно забыв о раненной лодыжке, я почувствовала, как становлюсь влажной от этого глубокого тембра, не говоря уже о том, насколько сексуально выглядела его забота обо мне.

— Вообще-то нет. — Я перестала смотреть на свою ногу и перевела взгляд на его красивое лицо. — У меня охренеть как пульсирует лодыжка, к тому же я чертовски огорчена тем фактом, что грохнулась перед тобой на задницу.

Уголки его губ приподнялись, и было совершенно очевидно, что мужчина старался изо

всех сил не рассмеяться. Не говоря ни слова, он опустил передо мной на колени:

— Давайте я взгляну.

Я выдернула ногу из его ладоней, что заставило меня вздрогнуть от боли.

— Думаю, ты уже достаточно сделал.

Приподняв брови, он заметил:

— Здоровье и благополучие моей Госпожи являются моей главной заботой.

Я боролась с желанием его ударить, от которого не могла избавиться.

— У меня для тебя новость. Мы не в клубе, Тото, и это дерьмо о сабе, заботящемся о Госпоже, здесь не работает.

— Я не практикую догплей, — подмигнув мне, заметил он.

— Ну не знаю, когда я последний раз проверяла, на тебе моего ошейника не было, так что я не твоя Хозяйка.

— Ауч. А Вы выпускаете коготки, когда вам больно, да?

Когда я открыла рот, чтобы снова его обругать, мужчина прижал палец к моим губам. И вместо того, чтобы окончательно озвереть, я начала вспоминать, что этими пальцами он делал вчера с моим телом.

Чтобы избавиться от этих мыслей, я встряхнула головой. Уильям убрал палец и сказал:

— Как ты и сказала, мы не в клубе. Поэтому не будем ругаться, и я проверю твою лодыжку, хорошо?

— Ты работаешь врачом или фельдшером?

Уильям улыбнулся, и на его щеках появились очаровательные ямочки.

— Нет. Не совсем.

— Тогда почему ты так уверен, что достаточно квалифицирован, чтобы осмотреть мою ногу? Может, тебе просто хочется меня полапать.

— Фут-фетиш я тоже не практикую, — рассмеялся он.

Мужчина стянул с меня обувь, заставив зашипеть от боли.

— Отвечай на вопрос!

— Аккуратнее, — пробормотал он.

— Так с чего ты решил, что можешь осматривать мою лодыжку, — снова потребовала ответа я.

— Я работал футбольным тренером.

— Профессионально?

— Нет, в старшей школе, — ухмыльнулся он.

— О...

— Да, приходилось бинтовать поврежденную лодыжку, по крайней мере, раз за игру. — Уильям посмотрел на меня. — Но у тебя растяжения нет, максимум ушиб. У меня в грузовике есть аптечка, я могу перевязать.

Я с подозрением посмотрела на него. Будучи сабмиссивом, Уильям совершенно точно был согласен с кодексом, по которому физическое состояние его Госпожи всегда стояло на первом месте. Но мы были не в клубе и, хотя руководство проводило проверку данных лучше, чем ФБР, тот все еще оставался для меня просто незнакомцем. Ну хорошо, незнакомцем, которого я видела голым и привязывала к скамье для порки.

Осознав, что у меня вообще-то нет выбора, я раздраженно выдохнула.

— Ладно. Я разрешаю тебе позаботиться о моей лодыжке.

— Постарайся не так сильно об этом волноваться, договорились? — Было трудно

злиться на него, когда Уильям состроил такое дразнящее выражение лица. Потом он встал. — Сначала нужно унести тебя отсюда.

— Ты что, серьезно собрался меня нести?

— Конечно, нет. Я качок, но не настолько же сильный.

— Что, прости? — обиделась я.

Уильям улыбнулся.

— Да я просто дразнюсь. Вызову рейнджеров. — Он выудил мобильник из кармана шорт для бега и, после прокрутки списка контактов, нашел номер рейнджерской станции и набрал его. — Здравствуйте, у меня тут человек с пробежки. С подозрением на растяжение лодыжки. Нужно, чтобы кто-то помог добраться ей до машины. — Потом тот мгновение помолчал и продолжил. — Да, спасибо.

Повесив трубку, он улыбнулся.

— Тут есть кто-то поблизости, так что много времени это не займет.

— Хорошо.

В глазах мужчины замелькали искорки веселья.

— Блин, я должно быть просто ужасен, если тебе так хотелось избежать моего присутствия.

— Не правда, и ты это знаешь.

— Рад это слышать, Джульетта.

Услышав клубный псевдоним, я покачала головой. И, хотя наверное не надо бы, решила открыть ему свое реальное имя.

— Вообще-то меня зовут Софи.

— Софи, да? Знаешь, это имя мне гораздо больше нравится.

— А на Джульетту я не похожа?

Он улыбнулся.

— Похожа. Но Софи тебе идет больше. Красиво и женственно.

— Красиво и женственно, да? Не уверена, насколько хорошо это имя подошло бы Госпоже. Хорошо, что большинство Леди используют псевдонимы или просто инициалы.

— И почему Джульетта, а не Госпожа С?

— Ну, Госпожа С — это самопровозглашенная Боль В Заднице (*примеч.: С (S) — садизм*), так что, я подумала, если раз уж клуб называется «1740», то подойдет что-то, связанное с Маркизом.

Уильям посмотрел на меня с любопытством.

— И ты выбрала одну из самых развратных его героинь?

— Ты читал про Джульетту?

— Нет. Но я знаком с работами Маркиза.

— Потому что ходил в клуб «1740»?

— Потому что как-то работал учителем истории.

Теперь уже с любопытством смотрела на него я.

— Да?

— Ты выглядишь удивленной.

— Не могу себе даже представить тебя в роли учителя.

— Ну, я же говорил, что работал футбольным тренером. А ты не знала, что тренера печально известны еще и как учителя истории?

Я рассмеялась.

— Ну да, вероятно так и есть. — И, покачивая головой, продолжила: — Ты вообще не выглядишь, как учитель или тренер.

— А кем ты меня видишь?

— Кем-то вроде человека в белом воротничке... *(примеч.: игра слов, «collar» с англ. переводится также — «ошейник»)*

— Так учителей еще называют белыми воротничками, — перебил он.

— Ты не дал мне закончить.

Уильям поднял руки.

— Не смею перебивать.

— Я хотела сказать белый воротничок, но не обычный. С неким налетом аристократизма.

Уильям рассмеялся.

— Если я и выгляжу, как аристократ, то, очевидно, мне это никак не помогает.

— Мы оба в курсе, что в тебе нет ничего бесполезного.

— Это почему?

— Глупый вопрос от мужчины, который выглядит так, как ты.

Уильям улыбнулся и покачал головой.

— Ты просто нечто.

— Могу про тебя сказать то же самое.

Нас прервал рык двигателя джипа. Седой рейнджер с вьющимися волосами вышел из машины.

— Как вы тут?

— Все было хорошо до тех пор, пока моя задница не встретилась с землей, — честно призналась я.

Посмотрев на удивленного рейнджера, Уильям снова рассмеялся.

— Все в порядке. А вы как?

— Все хорошо, спасибо. — Он посмотрел на меня. — Обопретесь на нас обоих?

— Спасибо, но это не понадобится, — сказал Уильям, нагнувшись. Одной рукой обняв за спину, другую он просунул под мои колени и с легкостью меня поднял. Я с удивлением пискнула и обняла его руками за шею. — Полегче. Я тебя держу.

Я посмотрела на его красивое лицо, и мое сердце затрепетало. Ну да, он меня держит, и все в порядке. Конечно. Он заставлял меня ощущать себя полной дурой.

Уильям без труда отнес меня к джипу и каким-то образом умудрился удержать, пока открывал дверь, а потом бережно усадил на пассажирское место. Когда я отпускала его шею, мы коснулись щеками, и прикосновение его небритой кожи заставило меня представить, как бы оно ощущалось на моих бедрах.

— Все нормально?

Несмотря на то, что все было далеко не в порядке, я ответила:

— Да. Спасибо.

Прежде чем сесть на заднее сидение, Уильям кивнул. Как только все оказались внутри, рейнджер завел машину, и мы поехали по дороге вниз.

— Хорошо, что вы бегали вдвоем. Я всегда говорю людям, что лучше не бегать в одиночестве, вдруг что-то случится. Люди зачастую не понимают, что в горах мобильная связь ловит очень плохо.

— Мы не вместе бегали, — выпалила я, не в силах остановиться.

Смотритель посмотрел на меня с усмешкой.

— Тогда, похоже, у нас тут добрый самаритянин, да?

— Ага, — пробормотала я.

— Кто знает, может эту историю о том, как вы познакомились, вы будете рассказывать своим внукам.

Когда я посмотрела на мужчину, он приподнял брови, а Уильям на заднем сидении засмеялся.

— Может я вообще лесбиянка.

— Да, я видел, как вы на него смотрели, когда он вас нес.

— И как я на него смотрела?

— Будто он ваш личный герой.

— Если я благодарна ему за помощь, это еще не значит, что я хочу за него выйти замуж, — фыркнула я.

— Думаю, эта женщина слишком много протестует, — поддразнил Уильям.

Я развернулась к нему.

— Вообще-то точная цитата такая: «Но леди слишком бурно протестует».

На мою поправку Уильям лишь улыбнулся, что, будь я сейчас в роли Домины, было бы чревато для него серьезным наказанием.

— Уверена?

— Конечно, уверена. Я была бы чертовски дерьмовым учителем английского, если бы не знала Шекспира, тем более, Гамлета.

На лице Уильяма появилось выражение любопытства.

— Ты работаешь учителем?

— Пока нет. Точнее, буду работать, когда начнется учебный год.

— Понятно.

Я знала, что ему хотелось узнать больше, особенно о моей новой работе и о клубе «1740», но вместо этого Уильям сжал губы и откинулся на спинку кресла.

Когда мы добрались до Центра для посетителей, рейнджер спросил, где я припарковалась.

— В конце ряда, — ответила я.

Он кивнул и поехал в том направлении, припарковавшись рядом с моей машиной.

— Ну, кажется, тут мы расстанемся.

— Спасибо за то, что подвезли, — сказала я.

Рейнджер улыбнулся в ответ.

— Просто позаботьтесь о лодыжке и аккуратнее, когда будете ехать назад.

— Постараюсь.

Уильям выпрыгнул из машины первым, открыл мне дверь и снова взял на руки. В этот раз я старалась на него не смотреть, потому что побоялась выглядеть влюбленной дурочкой.

— Еще раз, спасибо, — поблагодарил Уильям.

— Без проблем. Хорошего вам дня.

Затем джип уехал, оставив лишь дурно пахнущее облако выхлопных газов.

— Послушай, мне нужно будет тебя поставить, чтобы открыть машину, хорошо?

— Ладно.

Он опустил меня на ноги, но постарался не отпускать полностью, пока не убедился, что я могу стоять сама. Покопавшись в карманах, Уильям достал брелок. Писк сигнализации

раздался от черного грузовика, настолько блестящего, что я могла увидеть себя в отражении на его боку.

— Твоя машина?

— Вообще-то это грузовик. Но да, он принадлежит мне.

Я с подозрением прищурила глаза.

— И как человек, работающий в сфере образования, смог позволить себе дорогую «Эскаладу»? (*примеч.: Cadillac Escalade — полноразмерный внедорожник, выпускаемый Cadillac, являющимся люксовым подразделением General Motors*).

— Он не такой уж дорогой, как внедорожники от «Эскалады».

— Ты не ответил на мой вопрос. И кстати, если поразмыслить, как ты смог себе позволить членство в «1740»?

Открыв откидной багажник, Уильям продолжил уклоняться от ответа:

— Давай усадим тебя, чтобы я мог перевязать твою лодыжку.

— Пока ты мне не ответишь — нет.

Какое-то мгновение он удерживал мой испытующий взгляд, а потом положил руки мне на талию. Подняв практически без усилий, он усадил меня прямо в багажник.

— Тебе необходимо присесть, ради ноги.

— Ты бы ответил, будь в моей руке флоггер? — потребовала я.

— Нет, — ответил он, усмехаясь, — потому что хотел бы, чтобы ты меня ударила.

— Ты меня бесишь.

И еще ты чертовски сексуален. Давай забудем о моей лодыжке и сделаем это побыстрому прямо в твоём багажнике.

Он не ответил. Вместо этого залез в серебристый ящик с инструментами и вытащил аптечку первой помощи. Вернувшись ко мне, Уильям развернул набор и посмотрел мне в глаза.

— Хорошая Госпожа всегда читает своего нижнего, и Вы попали прямо в точку. Я владелец трастового фонда.

— Но ты сказал...

— Знаю. И я сказал это, потому что это правда. Я действительно работал в сфере образования, но еще у меня отец — адвокат и мама из очень богатой семьи.

— Понятно, — пробормотала я.

Уильям развязал кроссовок и осторожно снял его с моей ноги.

— Отец рассказал бы, что я отказался стать адвокатом, чтобы наказать его за то, что он оставил нас с мамой.

— Трудный был развод, да?

Рука Уильяма замерла над повязкой.

— Да. Для меня все было очень сложно. Но для мамы хуже. — Он поднял глаза. — Когда мне было шесть, она выпила целую упаковку снотворного.

Задохнувшись, я откликнулась всем сердцем.

— Ох, Уильям...

— Она любила этого ублюдка больше, чем должна была.

Протянув руку, я погладила его по щеке.

— Мне так жаль.

— Спасибо.

— Зная обстоятельства, я совсем не виню тебя в том, что ты послал своего отца.

На его губах снова появилась легкая улыбка.

— На самом деле так много слов я ему не сказал.

— А стоило.

— Я более-менее пояснил, что предпочту быть уборщиком, нежели работать на него и его друзей.

— Ты молодец.

— Тогда он отказался платить за мое обучение в колледже, и в игру вступили мои бабушка и дедушка со стороны мамы. Они и растили меня, когда она умерла. Мама была единственным ребенком в семье, так что я буквально стал для них всем миром.

— Полагаю, именно они передали тебе трастовый фонд.

Уильям кивнул.

— Может, я и родился богатым, но не люблю сидеть на заднице. Мне хочется сделать что-то значимое в жизни.

Я улыбнулась из-за того, что он пошел учиться по тем же причинам, что и я.

— Сабмиссив с золотым сердцем и жирненьким счетом в банке, — поддразнила я, пытаюсь поднять ему настроение.

Тот улыбнулся в ответ.

— Ну и ладно. — Он закрепил клипсу на бандажной повязке. — Вот. Готово.

Оглядев его работу, я сказала:

— Спасибо.

— У меня есть ибупрофен, нужно принять его от боли и воспаления.

— Хорошо.

Он снова обошел грузовик и в этот раз вернулся с адвиллом (*примеч. пер.: Адвил — это нестероидный противовоспалительный препарат, действующим веществом которого является ибупрофен, который оказывает выраженное противовоспалительное, жаропонижающее и обезболивающее действие*) и бутылкой воды. Положив в рот две таблетки, я запила их.

— Еще раз спасибо.

— Всегда пожалуйста. — Он кивнул в сторону моей ноги. — И нужно приложить лед.

— Да, доктор Уильям, займись этим сразу же, как попаду домой.

— Вообще, чем скорее, тем лучше.

— Ты не знаешь, где я живу, так откуда тебе знать, сколько времени у меня займет добраться туда?

Он улыбнулся.

— Вообще-то это была моя попытка заманить тебя на завтрак.

Прищурившись, я посмотрела на него.

— Зачем это?

— Ну, не знаю. Может для того, чтобы приложить к твоей лодыжке лед, а, может, чтобы вместе поесть после пробежки.

— Послушай, Уильям, я действительно ценю то, что ты мне помог, но завтрак — это не очень хорошая идея.

— Поесть всегда хорошо.

— Можешь назвать меня сумасшедшей, но обычно я не хожу на свидания с мужчинами, которых не знаю.

Уильям наклонился ближе:

— Думаю, тот факт, что ты видела меня голым и заставила кончить, значит, что мы познали друг друга в библейском смысле.

— Думаю, библейский смысл подразумевает завершённый коитус с проникновением, — возразила я.

— Если память мне не изменяет, проникновение определено было... языком.

Эти слова в сочетании с образами в моей голове послали волну жара между моих ног.

— Полагаю, у тебя может быть такая точка зрения.

— Так же примем во внимание тот факт, что клуб проводит всестороннюю проверку своих членов, так что вероятность, что я серийный убийца или насильник крайне мала.

Я не смогла удержаться от смеха над тем фактом, что он поднимает все те же вопросы, что и я в момент, когда он помогал мне спуститься с горы.

— Знаешь, ты крайне настойчив при всей своей сабмиссивности.

— Но, как ты сама сказала, мы не в клубе, и ты не моя Госпожа.

Черт, он и тут меня поймал. Потом в животе заурчало, и моя решимость поблекла. Я даже начала представлять, как бы это было — принять его предложение.

Будто почувствовав перемену в моем настроении, Уильям сказал:

— Это просто завтрак, Софи. Могу тебя заверить, что в паре блинчиков и яиц нет ничего противозаконного.

— Ты фуд-плей тоже не практикуешь, да? — заметила я с улыбкой.

Он рассмеялся.

— Учитывая, что мне нравится связывание и боль, я не нахожу угрожающим кусок колбасы.

— Это пока тебе его не запихнут в зад, — с ухмылкой произнесла я.

Уильям вздрогнул.

— У меня анальные игры в табу, ты помнишь?

— Ага, помню, — подмигнула я. — Но тебе же понравился вибратор, да?

— Не внутри — да.

— А я до сих пор не могу перестать думать, как классно бы выглядел в твоей попе анальный плаг (*примеч. пер: анальная пробка*) с вибро.

Поколебавшись мгновение, Уильям выказал заинтересованность:

— Для тебя я мог бы расширить границы табу.

— Боже, Боже, а ты полон сюрпризов, да?

— С правильной Госпожой саб любит проверять свои границы.

— А с правильным сабом, Госпожа любит проверять свои.

Глаза Уильяма вспыхнули, и я знала, что тот вспоминает, как я смягчилась и разрешила ему помочь мне кончить. Воздух между нами наполнился электричеством. Боже, что было в этом человеке такого, что у него получалось нажимать на все мои кнопочки?

Глубоко вздохнув, я сказала:

— Ладно. Окей. Я от тебя устала. Поехали, позавтракаем.

— Вау, теперь это прозвучало просто ужасно. Попробую притвориться, что верю, будто в тебе говорит боль.

Я рассмеялась.

— Извини. Мне очень-очень хочется позавтракать с тобой.

— Уже лучше. Но все еще чувствуется сарказм.

— Ну и ладно. — Потом соскользнула с места, на котором сидела, и Уильям ринулся

вперед, чтобы помочь, но я его осадила. — Я сама!

Подняв руки, он отступил. Я перенесла вес на больную ногу и поморщилась.

— Очень больно, да?

— Не слишком приятно.

— Будет получше, когда начнет действовать обезболивающее, и ты приложишь лед.

— Блин, надеюсь, ты прав. Я начинаю на новой работе во вторник. И последнее, чего мне хочется, это хромать, тем более при учениках, учитывая, что дети прямо-таки чувствуют страх. Так что больная нога будет воспринята как слабость.

Уильям рассмеялся.

— Прекрасное описание подростков. Но не волнуйся, уверен, что все будет в порядке.

Я нахмурилась.

— Как ты узнал, что я буду учить подростков?

— Удачная догадка, с учетом того, что ты цитировала Шекспира.

— Ясно. Так куда ты меня поведешь завтракать?

— Есть одно маленькое французское кафе, в котором подают шикарные блинчики и круассаны.

Я точно знала место, о котором он говорил. Более того, несколько раз проходила мимо, но никогда не останавливалась.

— Звучит здорово. Мне нравятся блинчики. Моя бабушка — француженка — пекла их по фамильному рецепту, который хранится в нашей семье уже лет сто. — Я улыбнулась, вспомнив, как помогала ей на кухне. — «От одной Софи — к другой», — говорила она со своим французским акцентом. Меня называли в ее честь.

— Когда твои родные переехали из Франции? — спросил Уильям.

— Моя Grand-Maman встретила дедушку во время Второй Мировой, когда их полк освобождал Францию. Он на ней прямо там женился и привез с собой домой.

— Звучит жутко романтично.

Вспомнив о том, как бабушка и дедушка смотрели друг на друга, когда рассказывали историю своего знакомства, я не смогла удержаться от улыбки.

— Да, она была певицей в ночном клубе, где отдыхали солдаты. Это оказалась любовь с первого взгляда.

— Так они, как и мы, встретились в клубе.

Фыркнув, я ответила:

— Не думаю, что у нас есть что-то общее.

— Ты не можешь этого утверждать. Но мы можем рассказывать нашим внукам ту историю, которую немного раньше придумал рейнджер.

Я закатила глаза.

— Уверена, реальная история отправила бы их прямо к психологу.

— Можно оставить кое-что и для себя. У всех семей есть скелеты в шкафу.

— Да ладно. Я начинаю думать, что у тебя и у того рейнджера сегодня случилась передозировка кислорода. Ты несешь бред.

— Эта тема лучше, чем про мою задницу, — ответил он.

— Все, я пошла.

— погоди. Давай я подвезу. — Я посмотрела на него скептически, и Уильям улыбнулся. — Можешь хотя бы на десять минут перестать все контролировать, чтобы я мог довести тебя до ресторана?

— Да. Но это только потому, что моей ноге требуется отдых, — закатила глаза я.

— Как скажешь.

Уильям открыл мне пассажирскую дверь. Когда возникли небольшие проблемы с тем, что нужно вскочить на подножку и сесть, он с легкостью приподнял меня за талию и усадил на сидение.

— Спасибо.

— Без проблем.

Пока он обходил грузовик, я закрыла глаза и вздохнула. Внутри восхитительно пахло натуральной кожей и Уильямом.

— Что ты делаешь?

— Наслаждаюсь ароматом кожи.

— Типичная Госпожа.

— Вообще-то, это больше потому, что у меня никогда не было новой машины.

— Никогда?

— Неа.

— Почему? Я имею в виду, ты же хорошо зарабатываешь в клубе.

Я пожала плечами, абсолютно уверенная в том, что не стану рассказывать мистеру Наследнику Трастового Фонда, что все, что я заработала пошло на обучение и помощь отцу. Несмотря на то, что он занимался обычной работой, он все еще не смог бы понять какво это — считать каждую копейку.

— «Хонда» — замечательная машина. А вторая мне не нужна, — наконец, ответила я.

— Верно.

Я ухмыльнулась.

— Что, так много раз водил «Хонду»?

Забарабанив пальцами по рулю, Уильям ответил:

— Вообще-то нет, — посмотрел он на меня. — Полагаю, ты хочешь услышать историю, что «Хонду» водила моя горничная.

— Я бы не удивилась, — рассмеялась я.

— Знаешь, не все состоятельные люди претенциозные мудаки.

— Я такого не говорила.

— Ты намекала.

— Думаю, я мыслила стереотипно и была несправедлива.

— В общем, да.

— Тогда я прошу прощения.

Уильям сверкнул улыбкой.

— Вау. Получить от тебя признание, что ты не права и извинения. Момент истины просто.

— Вот жопа...

Мы остановились на практически полностью заполненной парковке кафе «Люмьер».

Оглядев себя, я спросила:

— Ты уверен, что я нормально одета для посещения такого места?

— В субботу утром все так одеты.

Прежде чем я открыла дверь, Уильям уже обошел грузовик, чтобы помочь мне.

— Ты всегда такой или стараешься понравиться мне, чтобы я снова тебя отшлепала?

Уильям усмехнулся и вытащил меня наружу, поставив на ноги.

— Я всегда такой, и обычно у моих Домин с этим проблем нет.

При упоминании других Леди я внутренне ощетибилась. Хотя и не имела права ощущать себя его Хозяйкой, мне не понравилась мысль о нем рядом с Каллой или любой другой женщиной.

— Я не твоя Домина.

Уильям проигнорировал мой комментарий и предложил взять его под руку.

— Можешь на меня опереться.

Нога все еще болела, поэтому я не стала с ним спорить, а просто так и сделала.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Стойка менеджера находилась у входной двери.

— Предпочитаете сидеть внутри или снаружи? — спросила хостесс.

Уильям посмотрел на меня.

— Снаружи.

Она подвела нас к столику в отдалении.

— Наслаждайтесь. — И дала два меню.

Как всякий хорошо воспитанный сабмиссив, Уильям выдвинул для меня стул. Я прикусила язык, чтобы не заявить, что сейчас не 1950-е, мы не в клубе, и я не его Домина. Поэтому вместо этого взяла меню и стала смотреть, что там внутри.

Появился наш официант с двумя стаканами воды. Увидев Уильяма, у него буквально глаза вылезли из орбит.

— Как вы сегодня?

— Прекрасно, — ответила я, хотя тому было наплевать на то, что я скажу.

— Вообще-то... не могли бы вы принести нам пакет со льдом? — попросил Уильям.

Официант перевел взгляд на него.

— Конечно. Я сейчас вернусь.

Когда тот умчался прочь, я фыркнула.

— Наверное, ты все время это видишь, да?

— Чего, не понял?

— Как перед тобой заискивают и женщины, и мужчины.

Он улыбнулся.

— Будто у тебя такой проблемы нет, — заметил Уильям, чуть развернувшись ко мне. —

Держу пари, что вокруг тебя куча людей, которые хотят прислуживать тебе, в клубе ты находишься или нет.

— Клуб — одно, а реальная жизнь — другое.

Уильям странно посмотрел на меня.

— А разве это не то же самое?

— Для меня — нет.

Вернулся официант с пакетом льда, обернутым в льняную салфетку. Уильям поблагодарил его и передал пакет мне. Когда официант понял, что это не для Уильяма, выражение его лица мгновенно изменилось. Вздохнув, он достал свой кожаный планшет.

— Так что вам, ребята, принести этим прекрасным утром?

— Мне «Мимозу» и блинчики с клубникой, — сказала я.

Уильям встретился со мной взглядом.

— Мне то же самое. И плюс еще омлет из двух взбитых яиц.

Официант кивнул.

— Я принесу напитки.

— Теперь, когда мы снова одни, хочу кое-что спросить.

— Давай.

— Как парень, играющий в футбол и владеющий трастовым фондом, попал в Тему?

Уильям сделал глоток воды и усмехнулся.

— Думаю, все началось с контроля. После того, как умерла мама, мне пришлось постоянно держать себя в руках, включая эмоции. И чем старше я становился, тем больше ответственности на меня валилось. И мне захотелось отпустить все это, хотя бы на короткий промежуток времени.

— М-м-м-м... ты просто классический случай золотого мальчика, которому нужно передать контроль и просто отпустить все.

— Звучит так, словно ты во мне разочаровалась.

— Думаю, я надеялась на более пикантную историю, типа той, в которой тебя шлепала няня, — рассмеялась я

На лице Уильяма появилась гримаса.

— Моей няне было шестьдесят.

— Так может у тебя фетиш на бабушек?

— Черт, нет.

— Каким был твой опыт в БДСМ?

— Мне было девятнадцать, и я начал встречаться с девушкой, у которой были задатки Госпожи. Ей нравилось связывать и шлепать меня, и говорить, что я должен с ней делать. А потом я начал от этого заводиться, будто понял, что упускал до этого. Мы пошли в клуб, как бы в шутку, но это нам обоим открыло глаза на этот мир. Прежде чем расстаться, мы были вместе еще несколько лет. После этого я встречал своих будущих девушек только в клубе.

— Девушек? Звучит так, будто для тебя это все игрушки.

Уильям фыркнул.

— Нет, Софи, это не игрушки. Я могу пересчитать своих Домин по пальцам одной руки.

— Так что, только пятеро?

— Можешь называть меня «Мистер Моногамный».

— О, ну понятно. — От того, что он настроен на моногамию и отношения в целом, я почувствовала облегчение. — Я что, назначена номером Шесть?

Лицо Уильяма стало застенчивым.

— Я считаю только тех, с кем у меня был реальный секс.

— О, так у нас снова эта неприятная тема про проникновение, да?

Он улыбнулся.

— Именно. И теперь твоя очередь. Как ты начала вести такой образ жизни?

— А я его и не веду. — Он нахмурился, и я продолжила. — Я имею в виду, что не живу лайфстайл. Я работаю Госпожой, но в жизни — я не Домина.

— Ты никогда не практиковала БДСМ вне клуба «1740»?

Я покачала головой.

— Неа.

В глазах Уильяма вспыхнули и смятение, и разочарование.

— Ты просто профессиональная Госпожа?

— Да, последние пять лет. Вчера был мой последний рабочий день.

— Не могу в это поверить, — нахмурился Уильям. — Думаю, я должен был догадаться об этом, когда ты сказала, что не позволяешь сабам доставлять себе удовольствие. Я просто предположил, что ты как...

— Калла? — Он кивнул. — Только не говори мне, что чувствуешь себя ущемленным, когда проводишь время с кем-то, кто не живет в лайфстайл.

— Нет. Дело не в этом.

— Тогда в чем?

Официант вернулся и принес наши напитки. Уильям сделал такой большой глоток своей «Мимозы», что почти осушил бокал. Я продолжила смотреть на него с ожиданием, и он вздохнул.

— Я живу в лайфстайл уже тринадцать лет, и с тех пор у меня не было отношений без составляющей Д/с. Я больше не уверен, что представляю, как выглядят нормальные отношения.

— Ох.

Когда я поняла, на что он намекает, то уставилась на свои колени. Мои чувства к нему были полным беспорядком, и просто не знала, что сказать.

— Хм, мои откровения заставили обычно болтливую Домину потерять дар речи?

Оторвав взгляд от своих рук, я взглянула на него.

— Извини, но ты немного застал меня врасплох. Весь этот день выбил меня из колеи... но ты больше всего.

— Я?

— Конечно, ты. Я никогда не позволяла себе ничего подобного с другим сабмиссивом. То, как ты меня трогал, было самым потрясающим сексуальным опытом в моей жизни. И физически я бы могла, конечно, от тебя уйти. Но эмоционально...

— Так ты тоже это почувствовала?

— И да, и нет. Возможно. — Я потерла лоб. — Не знаю, что почувствовала, но я чертовски растеряна. Последние пару лет у меня вообще не было отношений, и тем более, во время сессий.

Уильям скрестил руки на груди.

— Как-то тяжело поверить, что такая красивая и сексуальная женщина не имела серьезных отношений хренову тучу времени.

— Ну, каков льстец, — поддразнила я.

— Хороший саб всегда делает Госпоже комплименты, — низким голосом продекламировал Уильям.

— И ты строго следуешь правилам, когда они соответствуют цели. Скажи, ты был

бойскаутом?

Он рассмеялся.

— Нет, Всезнайка, не был. И я не делаю ложных комплиментов. Я действительно имел в виду все, что сказал.

Потом принесли наши блинчики, и я счастливо занялась едой, чтобы избежать дальнейших разговоров об отношениях. К несчастью, Уильям был настроен решительно.

— Чисто из любопытства, о каком количестве времени мы говорим, и как долго у тебя не было отношений?

Я ткнула ножом в пухлую клубнику. Подсчитывать не было нужды — дата четко засела у меня в голове.

— Три года пять месяцев и десять дней.

Губы Уильяма сложились в веселую улыбку.

— Хмм... Наверное, ты сильно обожглась, если помнишь дату так четко.

Я провела подушечкой пальца по краю бокала с шампанским.

— Некоторые вещи невозможно забыть.

Закрыв глаза, я попыталась отогнать голос, эхом звучащий в моем разуме: «Боже, Софи, ты делаешь для своего отца абсолютно все. Скоро он умрет, а ты с чем останешься? Все сама и сама».

— Мне жаль, что я поднял столь болезненную тему, Софи.

Открыв глаза, я увидела раскаяние на лице Уильяма. Его искренние слова и тон, которым это было сказано, наконец, пробили мою эмоциональную броню. В тот момент я могла сделать многое — отшутиться, сменить тему, придумать историю про бывшего, который мне изменил. Но опасная смесь беспокойства за меня и сострадания в глазах Уильяма разрушила все бастионы. Кроме того, он понимал, что такое горе и то, что близость потери меняло все. Его реакция была... настоящей.

— Три года пять месяцев и десять дней назад моему отцу поставили диагноз «митоническая дистрофия», это форма мышечной дистрофии, предполагающая жизнь в инвалидном кресле. Парень, или лучше сказать, ублюдок, с которым я тогда встречалась, сказал, что я недостаточно уделяю ему времени и порвал со мной. Тогда я поклялась, что отец будет самым важным человеком в моей жизни, и ни один эгоистичный засранец этого не изменит.

— Мне жаль твоего отца.

— Спасибо, — прошептала я, пытаясь сдержать эмоции.

Черт, не было ничего хуже, чем потерять самообладание в кафе полным людей, а тем более стать такой уязвимой перед Уильямом.

— Я могу взять тебя за руку? — Наверное, у меня было очень смущенное выражение лица, потому что тот извиняюще улыбнулся. — Извини. Для меня сложно отбросить лайфстайл, особенно когда я был с тобой, как с Госпожой. Так что должен спросить твоего разрешения, чтобы взять за руку.

— Хорошо.

Вместо того, чтобы протянуть руку через стол, он встал и передвинул свой стул, чтобы сесть рядом, а потом взял мою ладонь в свою. Ласково скользнул кончиками пальцев по моей коже. Эти касания были нежными и добрыми. Такая двойственность в том, что он давал и что жаждал получить.

— Знаешь, когда я впервые тебя увидел, то подумал, что у тебя глаза воина.

— Правда?

— Потому и посмотрел в глаза, хотя и не должен был. Поэтому мне захотелось, чтобы ты меня выбрала. Я мог сказать, что в твоей жизни было такое же горе, как и в моей. Некоторые думают, что будет неправильно связываться с тем, у кого есть такой опыт, но думаю, что мы могли бы разделить нашу боль.

— Это так, — согласилась я.

— Расскажи мне о своем отце.

Его просьба удивила меня.

— Серьезно?

Уильям кивнул.

— Но только если сама хочешь. Я больше не хочу тебя расстраивать.

Мне не понравилось это смешанное чувство — будто у меня действительно появился мужчина вне моей семьи, который заботится обо мне. Тот, кто искренне интересовался мной, без скрытых мотивов, и от кого не нужно что-то скрывать.

— Слушай, тебе необязательно это делать. Мне жалость не нужна.

— Не делай так, — мягко попросил он.

— Как?

— Не закрывайся.

— Я не закрываюсь.

— Именно так ты и делаешь.

Я выдернула свою руку из его ладони.

— Что за черт с этими эмоциональными качелями? Сначала ты говоришь, что не хочешь меня расстраивать, потом раздражаешься, потому что я не хочу говорить?

— Это разные вещи. Мне искренне хочется узнать о твоём отце, а ты не хочешь рассказывать. Но не потому, что тебе больно, а потому, что ты не хочешь говорить со мной о нём.

— Ты меня бесишь.

— Но я прав, — глядя на то, как я сдулась, он добавил, — верно?

— Ладно, да. Ты прав. Теперь счастлив?

— Нет. Но что-то говорит мне, что должен бы, потому что ты нечасто признаешь, что не права.

Я рассмеялась, чтобы замаскировать свой гнев.

— Мне бы понравилось, отхлещи я тебя по заднице прямо сейчас.

Уильям подмигнул.

— Мне бы тоже понравилось. Очень.

— Ты уверен, что раньше преподавал, а не занимался психологией? Я имею в виду, ты прочитал мои эмоции, как заправский психиатр.

— Когда проводишь у психолога столько времени, сколько провел я, волей-неволей нахватаешься от него.

— Но ты же не считаешь, что мне нужен психолог?

— Я начал терапию, когда умерла мама. По той же причине и начал играть в футбол. Врач предложил мне это, как способ выплеснуть свой внутренний гнев.

— Мне было интересно, почему молодой богач выбрал футбол. Я думала, что вы все играете в гольф или лакросс.

— Мой дедушка разбогател, потому что получил спортивную стипендию в колледже,

играя в футбол, — рассмеялся Уильям. — Не имея инженерного образования в сочетании с тем, что тот вырос на птицеводческой ферме, он никогда не смог бы разработать нагреватель для курятника, на который и получил патент, а значит, не заработал бы свои миллионы.

— Ты шутишь, да?

— Нет, не шучу.

— Кажется, терапия тебе действительно помогла. Я имею в виду, ты получаешь удовольствие не только от футбола, но и смог собрать свою жизнь воедино и начать двигаться дальше.

Он рассмеялся.

— Это просто умело выстроенный внешний фасад.

— Очень сомневаюсь.

— Скоро ты убедишься, что все мы здесь немного не в своем уме.

Преподаватель английского, живущий во мне, нахмурился, узнав цитату из книги Льюиса Кэролла.

— Я была практически уверена в этом еще до начала работы в «1740».

— Как насчет небольшого количества бесплатной терапии?

— Ладно. Почему бы и нет.

Уильям пристально посмотрел мне в глаза, будто хотел заставить поддаться собственной воле.

— Расскажи мне о своем отце, Софи.

Это не было просьбой. Это было приказом. Хотя в конце фразы было что-то такое, утешительное.

— Мой отец — папочка — это мой мир и Вселенная. Он тот, ради кого встает и садится солнце.

— Истинная папина дочка.

Я кивнула.

— Моя бабушка рассказывала мне, как мама часто говорила, что когда я была ребенком, то могла закатить самую сильную истерику в мире, но стоило прийти папе, и я успокаивалась. Ему даже не нужно было брать меня на руки. Как только я чувствовала его присутствие, все сразу становилось лучше.

Проницательный Уильям заметил:

— Это впервые, когда ты упомянула свою мать.

— Думаю, это потому, что я не слишком много о ней помню. Она погибла от несчастного случая, когда мне было три года.

— Мне жаль.

— Все нормально. Я бы сказала, ты знаешь, что я чувствую, но тебе должно быть тяжелее. Ты знал маму дольше.

— Думаю, потерять маму тяжело вне зависимости от того, сколько тебе лет.

— Как и у тебя, нам помогали бабушка и дедушка. Но все равно, папа делал для меня все, что мог. Он участвовал во всем, неважно, кормлении или купании. Не знаю, откуда тот брал столько энергии — заботиться обо мне, управлять фермой в течении недели, устраивать соревнования по выходным. Но каким-то образом ему удавалось. — Подумав о том, как много мог мой отец, я в гневе стиснула зубы. — Давным-давно он был воплощением крепкого ковбоя. А потом гребаный врач отнял у него все это. Сначала тот

перестал пользоваться веревками, потому что руки потеряли свою хватку. Потом перестал ездить верхом.

Сжав кулаки, я вспомнила мучительное выражение лица своего отца в тот день, когда он не смог сесть в седло. Слишком гордый, чтобы попросить помощи, он попросту перестал ездить верхом.

— Потом перестал ходить.

— Теперь он привязан к инвалидному креслу?

— Да.

— Я мог бы еще раз сказать, что мне жаль, но это слишком незначительно для того, через что он прошел. Для него должно быть так мучительно все это, но и для тебя — тоже. Понять, что твой супергерой смертен, что он живой человек, бранный и хрупкий.

— Да, — прошептала я.

— Тем не менее, все как-то выровнялось. Тот, о ком когда-то заботились, стал заботиться сам. — Он внимательно посмотрел на меня. — Вот почему ты пошла работать Доминой. Чтобы поддержать отца деньгами.

— И ради брата. Ему всего семнадцать, — напомнила я.

На этот раз Уильям не стал спрашивать, а просто нежно прикоснулся к моей щеке.

— Ты хоть представляешь, насколько ты удивительная?

Я застеснялась его прикосновения и комплимента.

— Ничего такого.

Он покачал головой.

— Я серьезно, Софи. Мало кто в мире обладает такой способностью любить и быть добрым, как ты. Не говоря уже о твоей самоотверженности и бескорыстии.

Меня согрело его восхищение, но я легкомысленно отмахнулась рукой.

— Я стала практически проституткой, чтобы содержать ферму и учиться в колледже. В таком трудно углядеть героизм.

— Ты сделала то, что должна была, чтобы дать любимым людям то, в чем они нуждались. Не все смогут отважиться на такое ради семьи. Многие бы просто начали жить для себя, оставив отца и брата на произвол судьбы.

— И стали бы самовлюбленными ублюдками.

— Именно. Стали бы. К сожалению, из таких людей, в основном, и состоит мир. — Он улыбнулся мне. — И это все делает тебя просто удивительной. — Когда я открыла рот, чтобы протестовать, Уильям прижал к моим губам палец. — И не спорь со мной, Софи. Просто прими комплимент, а еще лучше, постарайся принять произошедшее.

— И еще раз, я бы хотела отшлепать тебя по заднице.

— Очень рад это слышать.

Наша беседа текла так же свободно, как и «Мимозы», которые мы продолжали заказывать. Мы разговаривали, пока тех, кто завтракал, не сменили те, кто пришли на обед. Я никогда не встречала никого, кроме своего отца, с кем могла бы говорить так же легко, как с Уильямом. Он искренне интересовался всем, что я ему рассказывала. Ни разу не посмотрел в свой телефон и не вышел за рамки, как большинство знакомых мне парней. Конечно, многие из тех, с кем я встречалась, были примерно моего возраста, а пока мы болтали, я узнала, что Уильяму тридцать два. Почти на десять лет старше меня.

Мне было интересно слушать о нем. Я узнала, что, хотя тот вырос в Атланте, образование и футбольную стипендию он получил в Университете Теннесси. Футбольная

карьеру закончилась на втором курсе, когда Уильям повредил колено, но он трансформировал свою любовь к спорту в преподавание и тренерскую работу. Я позавидовала путешествиям, которые тот совершил в течение жизни — он отдыхал в Европе, исследовал пещеры в Австралии и Новой Зеландии.

Когда подошло время ужина, возле нашего столика появился нетерпеливый официант. Мне сложно было винить его, ведь мы просидели за столиком много часов. По крайней мере, Уильям подсунил ему пятьдесят долларов, чтобы восполнить чаевые, которые тот мог заработать, обслуживая наш столик.

— Вы готовы получить расчет, господин?

Как только вокруг начало включаться искусственное освещение, Уильям посмотрел в мои глаза пытливым взглядом. И дело было не в том, что заканчивалось наше свидание за завтраком. Дело было в разрыве связи, появление которой ни один из нас не мог предугадать. Мы оба знали, что прощание будет окончательным — я поеду домой, чтобы преподавать, а Уильям вернется в «1740», чтобы найти новую Госпожу.

Так как знала, что он ждет именно моего решения, я сказала:

— Да. Мы готовы.

— Сейчас принесу.

После того, как официант ушел, Уильям подарил мне легкую улыбку.

— Полагаю, это единственный раз в моей нынешней жизни лайфстайл, когда меня называли «господин».

Я рассмеялась.

— Да. Точно.

Он удивил меня, придвинув свой стул еще ближе к моему. Положив одну из рук на стол, другую Уильям забросил на спинку стула и наклонился. Почувствовав его теплое дыхание на своей щеке, я поборола желание отклониться. Домина и сильная женщина во мне всегда стойко держали свои позиции.

— Подари мне ночь.

От его просьбы мое сердце пустилось вскачь.

— Ты несерьезно.

— Серьезно.

Я покачала головой.

— И что изменит одна ночь?

— Подарит мне шанс быть внутри тебя.

От его слов я резко выдохнула. Независимо от всех тех причин, по которым я не должна была хотеть этого, я жаждала того же, что и он. Увидев его прошлой ночью, почувствовав его, я не могла не задаться вопросом о размере и толщине, о том, как тот будет ощущаться в движении, внутри меня. Блядь, да я мечтала об этом буквально сегодняшнем утром. Несмотря на его слова и мои собственные тайные мысли, решила поспорить и тихо спросила:

— Твой язык был внутри меня вчера ночью. Этого разве недостаточно?

— Нет. Это была просто дразнилка. — В его глазах мелькнула злость. — Только призрак вкуса, прости за каламбур.

С моих губ сорвался смех, немного ослабив окружающую нас напряженность.

— Хочешь пойти в «1740»?

Уильям покачал головой.

— Нет. Хочу побыть наедине с тобой без декораций и сложностей.

Выгнув бровь, я сказала:

— Полагаю, частью этих сложностей является Госпожа Калла.

— Частью, да.

— Это правда, что она хотела отношений с тобой?

— Правда. Но еще больше ей хотелось взять меня под ошейник.

Я не смогла скрыть отвращение.

— Извини, никогда не понимала этой нужды — взять нижнего под ошейник. Сама идея, что ты принадлежишь кому-то, кто полностью владеет твоим телом и мыслями, является для меня странной.

— Кто-то говорит, что обручальное кольцо — это тоже своеобразный символ принадлежности.

— Наверное, в этом есть скрытый смысл. — Прежде чем задать следующий вопрос я заколебалась. — Ты боялся ответственности?

— Мне тридцать два. Я к ней готов.

— Так в чем проблема?

— Она — не та самая.

— Ох, — пробормотала я.

— Чтобы полностью отдать себя кому-то, нужно любить этого человека. И я понимаю, что хотя и заботился о Калле или о Брук в реальной жизни, я не любил их.

— Значит, в конечном итоге ты разбил ей сердце, а когда разбиваешь сердце такой женщине, как Калла, то она становится реальной сукой.

— Да, к сожалению, это так. Но мне не хотелось ее ранить.

Я не могла не улыбаться.

— В это верю. И, вообще, я не верю, что ты можешь хотеть ранить хоть кого-то. Ты как большой милый плюшевый мишка.

— Звучит так, будто я тряпка.

— Нет, Уильям. Ты мужчина, от головы до невероятно большого члена.

— Ну, спасибо, — рассмеялся он.

Поскольку нам необходимо было сменить тему, я сказала:

— Раз мы исключили «1740», то куда ты предлагаешь пойти? Я имею в виду, конечно, я живу в отдельной квартире подвального типа, но это и близко не Темница.

— Мы можем поехать ко мне в отель.

Я не стала спрашивать его, почему он не зовет меня в свой дом. Многие клиенты «1740» не были жильцами этого города, а просто приезжали в город поиграть. И, естественно, снимали номера в отелях.

Я ухмыльнулась.

— М-м-м... В городе нет пентхауса с игровой. Ты разочаровываешь меня, богатенький мальчик.

— Чтобы ты знала, есть такой пентхаус. Но, учитывая, что у моего дедушки есть ключ, я не могу поставить Андреевский крест в прихожей. И так как они с бабушкой на этих выходных в городе, я вынужден был остановиться в отеле.

— Какая жалость.

Уильям улыбнулся.

— Да, и не говори.

— Тогда, я думаю, придется ехать в твой номер. Хотя, конечно, когда дело дойдет до игры, нам придется импровизировать.

— У меня в грузовике есть веревка.

— Какой подготовленный саб. Никогда не угадаешь, где тебя будут связывать, да?

Он игриво подтолкнул мою ногу своей.

— Использую ее для скалолазания. Я рассказывал, прежде чем побывать веревочным девственником, помнишь?

— Помню. Тебе понравилось?

— Да, понравилось. Мне бы хотелось попробовать более сложные обвязки.

— А мне бы хотелось тебя в них увидеть, — в задумчивости произнесла я.

Я меньше всего об этом думала и понятия не имею, почему это вырвалось. Хотя мы и собирались быть вместе, это всего лишь на одну ночь. У меня больше не будет возможности увидеть его связанным. И пусть это не было тем, чего мне реально хотелось до дрожи в коленях во время секса, но с Уильямом, очевидно, я наслаждалась процессом.

Вернулся официант и принес наш счет. Я начала искать сумочку, но Уильям покачал головой.

— Я угощаю.

— Мне не нужна благотворительность.

— Считай, что это добавка к чаевым с прошлой ночи.

— Но ты мне не платил. Мы просто играли.

— Но я же все еще могу оставить чаевые, не так ли?

Я надула губы.

— Полагаю, что так.

— Тебя просто убивает, когда ты теряешь контроль, не так ли? — спросил он с улыбкой.

— Вообще-то да.

Улыбка Уильяма стала шире, потом он добавил к счету еще пятьдесят долларов.

— Готова?

Я кивнула.

— Но сначала подвези меня к моей машине.

— Ты не хочешь просто поехать в отель?

— Нет. Я хочу иметь возможность прийти и уйти, когда захочу.

— Госпожа такая властная, — пробормотал он, вставая со стула.

Я поджала губы.

— Ты что, боишься, что я уеду и не вернусь?

— Возможно, — подождав мгновение, ответил он.

— Могу тебя уверить, что я — женщина слова.

Он наклонил голову в сторону, а потом появилась его эта великолепная улыбка с ямочками. Ох, черт. Ямочки — это моя слабость.

— Я верю тебе, Софи.

— Хорошо.

Встав, я поняла, что мне стало легче опираться на большую лодыжку. Я все еще немного хромала, но уже было не так плохо. И, конечно, вокруг маячил Уильям, готовый броситься меня спасать в любую минуту, если я вдруг буду падать.

Когда мы вернулись, количество машин на парковке сильно сократилось. Уильяму удалось припарковать грузовик возле моей машины.

— Хочешь поехать за мной?

Я рассмеялась.

— Думаю, сейчас ты пытаешься контролировать меня снизу.

Сняв руки с руля, он поднял их в воздух.

— Я просто хотел быть полезным, клянусь.

— Просто расслабься, хорошо?

— Тебя, знаешь ли, не убило бы, если бы тебе время от времени помогали.

Хотя меня так и подмывало подсказать ему, где он может проявить свою полезность, серьезное выражение лица Уильяма заставило меня передумать.

— Я попробую.

— Хорошо. Увидимся в центре, отель «Ритц».

— Я была бы разочарована, назови ты другой адрес, — фыркнула я.

— Рад услужить Вам, Госпожа, — подмигнул он.

Открывая дверь, я удивилась, что Уильям не помчался мне помогать. Оглянувшись, я увидела, что он улыбается.

— Просто делаю, как Вы приказали. Не лезу, но остаюсь полезным.

— Хорошая работа.

— Пожалуйста. Увидимся в отеле.

— Увидимся.

Глава 6

Борясь с унижением, я остановила свою дряхлую «хонду аккорд» на парковке отеля «Ритц» и мгновенно упрекнула себя за то, что из-за своего маниакального контроля (*примеч. пер.: Control freak (маньяк контроля) — неформальное название особенности характера, связанной с навязчивым стремлением управлять всем, что происходит вокруг*) не поехала вместе с Уильямом. Его «эскалада» отлично подходила клиенту высокого класса, в то время как моя «хонда» выглядела, словно шляха в церкви.

Передав ключи парковщику, я расправила плечи и постаралась держать голову как можно выше, учитывая, что на мне была одежда для бега из плотного спандекса. Уильям встретил меня у двери с сияющей улыбкой на лице.

- Видишь, я — женщина слова.
- Никогда в Вас не сомневался.
- Ну да, конечно.
- Ладно. Может только чуточку.

Через вращающиеся двери мы прошли в изысканно обставленный холл.

- Здесь так красиво, — отметила я, глядя на хрустальные люстры над головой.
- Когда я приезжаю, то всегда останавливаюсь тут. Мое любимое место.

Чтобы не спросить, где он живет, я прикусила язык. Хотя мы уже поделились огромным количеством личной информации, кое-какие вещи все еще оставались тайной. Уильям повел меня в сторону лифтов и, как только мы оказались внутри одного из них, нажал кнопку четырнадцатого этажа.

Я с облегчением выдохнула, и он странно посмотрел на меня.

- Что?
- Глупо, — ответила я, покачав головой.
- Что глупо?

— Страх, который я испытываю. — В ответ на озадаченное выражение его лица, я закатила глаза. — На минуту подумала, что ты нажмешь на тринадцатый этаж. А у меня фобия. Я боюсь троек.

Вместо того, чтобы посмеяться над нелепостью моего страха, Уильям остался серьезным.

- И что такого произошло, что ты их боишься?

Створки лифта раздвинулись, и мы вышли на плюшевый ковер.

- Маму убили третьего марта 1993, в три часа пополудни, когда мне было три года.
- Жуть какая.

Я кивнула.

— Но это еще не все. Двадцать третьего июня, когда мне было тринадцать, во время прыжка упала моя любимая лошадь, и ее пришлось пристрелить. Было 6:33 утра. Потом диагноз папы пришел тридцатого числа. В общем, кажется, все плохое, что происходит в моей жизни, связано с цифрой три.

- Понятно, почему ты хочешь ее избежать.
- Не думаешь, что я крышей поехала из-за суеверия?

Уильям покачал головой.

- Нет. Моя прабабушка была из Ирландии, и она передала все свои суеверия моей

бабушке. Я слышал их все. Например, передавать кому-то нож лезвием вперед — это к неудаче, поэтому перед этим нужно просто положить его на стол. И что, если упал стул, на котором ты сидел — это тоже к неудаче, — он улыбнулся. — Это еще не самые страшные. Ирландская католичка в ней сказала бы, что твое суеверие о числах вполне оправдано из-за важности библейского числа тринадцать, влияющего на легенду пятницы 13-го.

— Звучит так, словно твоя бабушка очень интересная женщина.

На лице Уильяма появилось выражение неприкрытой любви.

— Она такая. Каждое воскресное утро ходит на мессу и играет в бинго. И даже не пытайся объяснить ей, что это азартная игра.

Я рассмеялась.

— Звучит так, будто они сошлись бы с моей Grand-Maman.

— У них наверняка нашлось бы много общего.

— Наверняка.

Уильям остановился напротив одной из дверей и указал на номер 1422.

— Без троек.

— Я практически уверена, что будь в номере тройки, нам бы пришлось снять другую комнату.

— Я был бы счастлив сделать это для Вас.

— Все что угодно, чтобы осчастливить временную Госпожу, да? Даже если она не такая уж Домина в жизни?

Уильям усмехнулся.

— Конечно. Если бы Вы даже не были моей Госпожой, мне хотелось бы сделать Вас счастливой и убедиться в безопасности.

— Спасибо.

Он приложил к замку магнитную карту и разблокировал дверь. Я вошла внутрь, ожидая увидеть огромный номер, но комната оказалась гораздо более функциональной. Королевских размеров постель, столик с двумя креслами и письменный стол, выглядящий словно это антиквариат. В дальнем конце комнаты была дверь, ведущая в ванную.

Осматривая комнату, я мысленно проводила инвентаризацию того, что можно было бы использовать в игре. Увидев на полке открытый чемодан, я начала в нем копаться.

— Что ты делаешь? — спросил Уильям.

— Я уже объясняла, что проведение сцен вне клуба «1740» означает, что придется импровизировать с сопутствующим инструментарием.

— Да, но...

Я ткнула в Уильяма пальцем.

— Не слишком умно задавать твоей Госпоже кучу вопросов. Продолжи — и я не стану с тобой играть, просто закажу еды в номер и буду смотреть реалити-шоу по ТВ.

Хотя ему и хотелось поспорить, желание подчиниться оказалось сильнее.

— Прошу прощения, Госпожа. Мне нужно знать свое место.

— Именно. Нужно. Раздевайся.

Прежде чем стянуть рубашку через голову, Уильям снял кроссовки. И я снова не была разочарована — сняв шорты, он оказался без нижнего белья.

— Любопытства ради, ты вообще носишь нижнее белье?

Он тихо рассмеялся.

— Да, но только на работе. На сессии — не ношу.

— И когда бегаешь, тоже?

— Тоже.

— Понятно.

— Это Вас не беспокоит, не так ли?

— Нет, конечно. Мне нравится, что до твоего члена можно быстро добраться. — Я кивнула в сторону ванной. — А теперь иди в душ. Я уверена, что ты весь вспотел от бега, а потные члены — не мой профиль.

— Вы ко мне присоединитесь?

— Нет. Мне нужно подготовиться к сессии.

Он кивнул, прошел в ванную и закрыл за собой дверь. Я достала из чемодана аккуратно сложенный бирюзовый галстук из шелка. И хотя можно было бы позвонить на ресепшен и попросить маску для сна, другая идея понравилась мне больше. Взглянув на брюки и рубашку на пуговицах, мне стало любопытно, почему Уильям взял с собой такую официальную одежду, ведь было еще лето, а значит, преподавать он пока не мог. Может, тот планировал навестить бабушку и дедушку, одевшись именно так?

Также я не смогла сдержать радость, увидев, что у меня был выбор из двух ремней, потому что волновалась, что для порки придется использовать телефонный кабель. Выбрав более широкий ремень, я продолжила копаться в вещах дальше. На дне чемодана я обнаружила буквально сокровище для любого любителя боли — ТЭНС (*примеч. пер.: ТЭНС — транскутанная электрическая нервная стимуляция — метод лечения, основанный на стимулировании биологически активных точек для высвобождения эндорфинов, блокирующих боль*). Подняв коробочку базы, я начала распутывать четыре провода с контактами.

Перед тем как покинуть клуб «1740» и уйти в корпоративный мир, моя приятельница Линдси передала мне свои знания об электроплея (*примеч. пер.: игры с электрическим током*). И пока большинство людей при слове «электростимуляция» думали про ультрафиолетовые палочки (*примеч. пер.: портативные приборы, содержащие в качестве источника излучения бактерицидную лампу, предназначенные для обеззараживания*), ТЭНС открывал гораздо более широкие возможности для подобных игр. Пары электродов помещались на член, яйца или клитор, и мягкий импульс давал те же ощущения, что и вибратор. Но в то же время поворот реле мог вызывать и гораздо более интенсивные, даже болезненные, спазмы.

Однако в целом, приборчик давал ощутить довольно сильные оргазмы — это я могла засвидетельствовать лично, так как испробовала его на себе. И пусть пыталась убедить себя, что это лишь для того, чтобы иметь возможность говорить со знанием дела, как те, кто продавал косметику, но правда оставалась правдой — его использование возбуждало меня, и я чувствовала себя полной приключений. Просто нужно было следить, чтобы участки кожи, на которые крепились электроды, были чисто выбриты — проводки тянули за волосы, и боль получалась просто адской. Это я тоже узнала на собственной шкуре, когда не брила между ног перед использованием. А вот яйца Уильяма выглядели довольно безволосыми, хотя вчера я их не особо разглядывала. Впрочем, так ходило большинство сабов.

Закрыв и застегнув чемодан Уильяма, я разложила выбранное на богато украшенном письменном столе, который удачно стоял возле кровати. Добавив в эту мешанину веревку, отступила, чтобы оценить, готова ли я к игре. Еще немного льда — и все будет идеально.

— Неплохо, — кивнув, пробормотала я.

И ощутила гордость за свои навыки импровизации. Педагог во мне встрепенулся и пошел дальше, предложив провести мастер-класс по использованию игрушек для всего клуба «1740».

Дверь ванной открылась и во всей своей обнаженной красе появился Уильям. Я зарылась пальцами ног в ковер, чтобы не подбежать и не начать лапать его. Темные мужские волосы все еще были мокрыми, а капли воды стекали по широкой груди на накачанный живот. Мне ничего так не хотелось, как, слизывая оставшуюся влагу, пройти по всему его телу языком.

— Ты не вытерся, — неубедительно промямлила я, чувствуя себя глупо, как Бэйби из фильма «Грязные танцы», когда она объясняла, что несла арбуз.

Мне всего лишь хотелось донести до него, что сейчас Уильям вел себя не как сабмиссив.

— Прощу прощения, Госпожа. Мне показалось, что я должен выйти и предложить Вам принять ванну.

Ну конечно же. Он просто думал обо мне.

— Спасибо. Мне это действительно необходимо.

Несмотря на собственные слова, я осталась на месте, будто приросла к полу, наблюдая, как он яростно вытирает полотенцем волосы. Мне ничего так не хотелось, как сделать это за него. Боже, что со мной творилось? Я себя чувствовала как впервые влюбившаяся девочка-подросток. Это же не начало отношений — это должна быть всего лишь одна ночь безудержного фантастического секса. Не больше, ни меньше.

Натянув на лицо самую строгую маску Домины, я взяла сумочку и прошла мимо него, вырвав полотенце из рук.

— Я в душ. Оставайся в позе «внимание», пока я не вернусь, и не дергайся.

Он немедленно встал, как я сказала. Проходя мимо, шлепнула его по заднице и вошла в огромную комнату с мраморным полом и душевой кабиной. Достав с полки гостиничный гель для душа, я увидела сумку Уильяма с ванными принадлежностями. В ней нашла зубную нить и улыбнулась, придумав еще один трюк.

Я быстро приняла душ, но волосы мыть не стала, потому что пришлось бы их слишком долго сушить. Учитывая, что сменной одежды не было, мне пришлось надеть махровый халат отеля. Эта одежда, конечно, не соответствовала образу суровой Домины, но что было делать.

Я распустила волосы и расчесывала их, пока локоны не засияли. Потом открыла свою косметичку, слегка припудрилась, нанесла румяна, нарисовала глаза и подрисовала стрелки. Последний мазок помады, и я была готова. Положив в карман зубную нить, я открыла дверь ванной.

Подойдя ближе, встала перед Уильямом.

— Посмотри на меня.

Он поднял глаза, и те расширились от удивления.

— Что такое? — спросила я.

— Я никогда не видел Вас с распущенными волосами.

— Обычно я собираю волосы только на работе и когда бегаю.

— Мне так больше нравится. Распущенные волосы смягчают Ваш облик.

— Вот поэтому на работе я их собираю, — улыбнулась я. — Не хочу выглядеть как милашка, которую легко превратить в сабу.

— Вы прекрасны в любом случае, — искренне сказал он, — но так мне нравится больше всего.

— Спасибо.

От его комплимента между ног моментально стало влажно. Мне приятно было слышать комплименты от мужчин, которые рассказывали, насколько я прекрасна и сексуальна. Но вишенкой на торте оказалось то, как именно он это произнес. Его слова были не просто обычным комплиментом, они просто сочились эмоциями. Благодаря этому я точно знала, что Уильям искренне считал меня красивой. Хотя, конечно, то, что он осознавал себя как саб, не позволило бы ему солгать его Хозяйке.

И снова я была вынуждена натянуть свою маску суровой Госпожи. Кивнув в сторону кровати, я произнесла:

— А сейчас наклонись.

Уильям послушно подошел к кровати. Раздвинув ноги шире, он оперся ладонями о матрас. Прежде чем сложить ремень, я пропустила всю его длину через свои ладони, а потом громко хлопнула сложенными концами. Тело Уильяма дрогнуло в ответ.

Я положила руку ему на поясницу, чтобы удерживать на месте, а также для того, чтобы защитить уязвимую область почек от случайного удара. Потом размахнулась правой рукой, в которой держала ремень, и ударила по правой ягодице так сильно, как только смогла. Кожа на этом месте мгновенно покраснела. Потом с той же силой ударила по левой ягодице, а затем повторила процесс еще раз, только била сильнее.

Уильям зашипел, выдыхая. Его пальцы впились в простыню, а бедра начали подаваться вперед во время ударов. Скользя между его бедер рукой, я обхватила ладонью эрекцию.

— Да, Госпожа, — простонал он, когда я начала гладить его по всей длине между ударами.

Когда ладонь стала мокрой, а член полностью покрылся липким предсеменем, я убрала руку и прекратила его шлепать. Уильям опустил голову, уткнулся лицом в матрас и отчаянно застонал (*примеч. пер.: порка без разогрева — болезненна и неприятна для саба, даже если он мазохист; делать так не рекомендуется даже при наказании*).

— Ляг на спину, — приказала я.

Когда саб поставил на матрас колено, потом другое, матрас прогнулся под его весом. Достигнув центра кровати, Уильям перевернулся и лег на спину. Взяв его за руки, я связала запястья веревкой, которую прихватила из своей машины. В этот раз вязка была простой, просто база, похожая на обычные наручники. Я закрепила руки над его головой и привязала их к изголовью.

— Повязка на глаза. Легко или трудно перенести?

— Легко.

— Хорошо. — Я взяла со стола галстук и повернулась к Уильяму.

— Вы будете использовать мой галстук?

— Это лучше, чем твоя футболка или шорты.

Уильям улыбнулся.

— Галстук идеален, Госпожа.

Прежде чем завязать концы галстука на затылке, я просто положила его на глаза Уильяму.

— Как оно?

— Нормально.

— Видишь что-то?

— Нет, Госпожа.

Завязав импровизированную повязку, я взяла зубную нить, лед и ТЭНС. Поскольку это был пятизвездочный отель, лед заказывать не пришлось — он уже ждал в очень пафосном ведерке. Потом сложила все вещи на прикроватной тумбочке.

Взяв кусочек льда в рот, я наклонилась к губам Уильяма. Мягко поцеловала и обвела мужские губы кубиком, а потом спустилась чуть ниже, к подбородку. Оставив след влаги на коже, я скользнула льдом по его адамову яблоку, к горлу.

Добравшись до правой груди, я обвела сосок, добившись того, чтобы он затвердел, и продолжила водить кубиком, пока не убедилась, что возбудить его еще больше просто невозможно. Всосав лед обратно в свой рот, я вытащила кусок зубной нити и обвязала торчащий сосок.

Поскольку я знала, что Уильям достаточно любопытен и не спрашивает только из уважения, то пояснила:

— Зубная нить, как и леска, с легкостью может заменить зажимы на соски (*примеч. пер.: НЕ МОЖЕТ! И даже не пробуйте. Это травмоопасно! Лучше использовать специальные зажимы — они дешевые и не нанесут травму*).

— Мне нравится. Я имею в виду, раньше на мне регулярно использовали зажимы, но так гораздо интереснее.

Я потянула за нитку и Уильям зашипел.

— Ты уверен?

— Да, Госпожа.

— Хорошо. Один готов, остался другой.

Взяв другой кубик льда, я повторила процесс со вторым соском и позволила достаточно длинной зубной нити спуститься вниз по животу. Туда, где лежал его возбужденный член. И обернула концом головку, связав все нити вместе, чтобы потом, когда придет время, было легче тянуть.

— Ты говорил, что игры с электричеством близки к табу. А что, если мы не будем играть в пытки члена, а просто подразним тебя?

На лице Уильяма появилось задумчивое выражение.

— Думаю, сойдет.

— Обещаю, тебе понравится. Если нет — скажи стоп-слово и все закончится, хорошо?

— Да, Госпожа.

Взяв ТЭНС, я разместила электроды ближе к основанию его члена, а один прикрепила на яйца. Уильяма слегка напрягся, а потом и вовсе задержал дыхание. Я включила аппарат на самой малой мощности.

— Как?

— Хорошо.

Зажав пульт в руке, я встала и снова взялась за ремень, потом повернула реле на несколько делений, чтобы воздействие было мощнее, и сильно ударила Уильяма поперек груди.

— Хочешь кое-что другое?

— Да, Госпожа.

Когда я ударила его еще раз, он выгнулся, откинув голову назад, и застонал. Потом положив базу прибора на матрас, ударила по нижней части живота и сразу же потянула за

соединенные зубные нити. Уильям напрягся и вскрикнул, одновременно от удовольствия и боли, и я продолжила чередовать удары и подергивание за нитки, пока ТЭНС дразнил его самые чувствительные места.

— Ну как, близок к тому, чтобы кончить?

— Да, Госпожа, — ответил он с горловым стоном, — очень.

Бросив ремень, я выключила аппарат и, отсоединив электроды, произнесла:

— Ты кончишь только у меня внутри.

— Презервативы в бумажнике, — выдохнул Уильям, кивнув в сторону прикроватной тумбочки.

Откопав три блестящих квадратика, я вернулась на кровать и забралась на Уильяма, оседлав его. Когда моя киска коснулась его промежности, мы оба застонали. Я начала тереться болезненно набухшим клитором по всей длине его члена.

Пять долгих лет я приносила желанную и необходимую боль мазохистам. И пару раз действительно ощущала возбуждение, но мне никогда не хотелось заниматься с ними сексом. До Уильяма. Его член был очень твердым. Таким идеальным. В нем все казалось охренеть каким сексуальным. Пока я дразнила его, моя смазка практически целиком покрыла ему член. Он не мог видеть моего возбуждения, но я — могла. Однако, уверена, тот ощущал этот запах. Влагу. Желание.

От движения рук веревки натянулись — Уильям отчаянно жаждал освободиться. Я наклонилась и потерлась о его щеку левой грудью. Он быстро повернул голову и с открытыми губами потянулся к моему соску. Нашупав распаленную плоть, саб втянул ее в рот. От ощущения посасываний я с исступлением застонала, продолжив тереться о возбужденную длину.

Выпустив мой сосок изо рта, он не стал искать второй, а вместо этого сказал:

— Пожалуйста, Госпожа. Позвольте мне быть внутри Вас.

Конечно, я могла бы позволить ему умолять дольше, но решила избавить от страданий нас обоих. Взяв один из презервативов, я надорвала обертку и раскатала его по всей длине, направив тот себе между ног.

И медленно скользнула вниз, усаживаясь на него. Мне не следовало торопиться, поскольку прошло уже достаточно много времени с тех пор, когда у меня кто-то был. От ощущения растягивающего меня члена, я прикусила нижнюю губу. Но, несмотря на небольшую боль, чувство было великолепным.

— О, Боже, — пробормотал Уильям, — ты так шикарно ощущаешься.

Как только он оказался глубоко внутри, я качнула бедрами, чтобы привыкнуть. И, откинув голову назад, не смогла сдержать удовлетворенный стон. Так здорово было снова ощутить внутри мужчину — ощутить внутри его, Уильяма.

Я привстала на колени, позволив ему практически выскользнуть из меня. Потом, подавшись вперед, схватила его за плечи и начала насаживаться, подпрыгивая, будто еду галопом. Уильям подавался вперед бедрами с каждым моим движением. Эхо вскриков и стонов удовольствия наполнило комнату. На затылке выступили капельки пота, скатываясь вниз по спине.

Хотя то, что Уильям был связан, возбуждало меня — как эмоционально, так и визуально — мне очень не хватало ощущения его рук на своем теле. Хотелось, чтобы он сжимал мою грудь и щипал соски. Хотелось, чтобы его большой палец тер мой клитор, пока я скачу на самом Уильяме. Вместо этого я только прижималась к нему сильнее, когда подпрыгивала.

— Я почти, Госпожа... — прохрипел он.

— Запрещаю тебе кончать раньше меня, — выдохнула я.

— Развяжите меня, и я помогу.

— Сессия этого не предполагает.

— Прошу прощения, Госпожа, но сессия — это то, чего желает Домина, и Вы это отлично знаете.

Чтоб я сдохла, в его словах был смысл. Поэтому подалась вперед, схватилась за концы веревки и отвязала их от изголовья, однако не развязывая Уильяму руки. Теперь он мог сделать хоть что-то, хотя использовать пальцы было не так легко.

Подтянув руки к груди, Уильям сложил ладони вместе и просунул их между нашими телами. Я продолжила движения, а он ласкал мой клитор, и эти движения были именно теми, которые были нужны мне. Я подошла к краю буквально за несколько минут. Закрыв глаза, в последний раз толкнулась к нему, а потом закричала в оргазме.

После того, как спазмы удовольствия прекратились, я с удивлением поняла, что Уильям еще не кончил. Было очевидно, что тот прилагал к этому большие усилия — лицо и грудь мужчины оказались покрыты потом.

— Кончай, Уильям, — приказала я.

Тело подо мной напряглось, и он кончил с гортанным ревом. Я упала к нему на грудь, уткнувшись в шею лицом. Перекинув свои связанные руки через мою голову, Уильям притянул меня поближе. Мы лежали так, полностью истощенные, стараясь восстановить дыхание. В тот момент, в полной эйфории после оргазма я никак не могла понять — как вообще могла думать о том, чтобы попрощаться с ним?

— Это было... ШИКАРНО, — наконец, произнесла я.

— Согласен.

Повернув голову, я посмотрела ему в глаза.

— Точно?

— Ты в себе сомневаешься?

Я пожала плечами.

— Возможно. Просто я никогда не доминировала вне клуба, особенно в сексе. Вот мне и интересно, как оно по сравнению с остальными.

Уильям улыбнулся и потянулся, чтобы поцеловать меня.

— Представить не мог, что ты можешь в себе сомневаться.

— Ну, в клубе нет. Но тут другое... ты другой.

— Могу заверить, вне клуба ты ошеломляешь не меньше, чем в нем.

Ошеломляю? Ни один парень не был таким заботливым после секса. Большинство думали только о себе и о собственном удовольствии. Они могли продержаться достаточно долго, чтобы я получила оргазм, но это совершенно отличалось от того, что сделал Уильям. Возможно, идея доминирования все время не так уж и плоха. Я имею в виду, а кому бы не захотелось иметь такого мужчину, который сосредоточен на том, чтобы сделать ваш секс таким умопомрачительным? Конечно, так, наверное, будет не всегда. Скорее всего, дело больше в самом Уильяме.

— Серьезно?

Тот кивнул.

— У меня до сих пор звездочки стоят перед глазами от того, как ты управилась с ТЭНС. Теперь я не смогу использовать его для лечения своих колен без того, чтобы не думать, что делала ты.

— Подумала, тебе понравится, если я простимулирую член и яйца таким образом, — рассмеялась я.

— Было немного мучительно, когда ты усилила воздействие и начала тянуть за соски.

— Но вышло хорошо.

— Очень хорошо. — Он снова поцеловал меня. В этот раз наши языки сплелись. Отпрянув, тот улыбнулся. — Спасибо, что подарила мне сегодняшнюю ночь.

— Могу сказать то же самое. Прошло довольно много времени с тех пор, когда я занималась сексом, думаю, ты уже понял.

— Я боялся, что причиню тебе боль. Ты в порядке?

Я сдвинула бедра и между ног откликнулось.

— Больновато. Но это приятная боль.

— У тебя почти не было прелюдии. Нужно было позволить мне помочь, я бы сделал так, чтобы тебе было легче.

— Все хорошо, клянусь.

Блин, это было чертовски лучше, чем просто хорошо. Это было судьбоносно, потрясающе, ошеломляюще.

— Ни за что в мире мне не хотелось бы сделать тебе больно, клянусь.

— Знаю. И, как ни странно, боль мне понравилась. Может, ты делаешь из меня

мазохистку? Как думаешь, может я — свитч?

Уильям откинулся назад, смеясь:

— Если ты будешь моей Доминой, тебе придется быть садисткой, а не мазохисткой.

— Ну, я могла бы возбуждаться, связывая и шлепая тебя, но никогда не смогла бы сделать тебе больно по-настоящему.

— Мне хотелось бы остаться так, но мне нужно в туалет. Развяжешь меня?

— Думаешь, смог бы пописать прямо так?

В его взгляде появилось выражение «только не это, черт возьми!».

— Если так пожелает Госпожа.

— И вот поэтому я не поддерживаю постоянных отношений Д/с с сабами. Зачем вообще кому-то хотеть, чтобы его заставляли писать со связанными руками?

— Людям нравится разное. Некоторые любят, когда каждый аспект их жизни находится под контролем.

Я закатила глаза и выбралась из его объятий.

— Это напомнило мне сцену из фильма «Поездка в Америку», где Эдди Мерфи смеялся над своей невестой, когда та начала лаять, как собака, и прыгать на одной ноге по его приказу.

— Нравится Эдди Мерфи? — рассмеялся Уильям.

— Обожаю его, — ответила я, развязывая ему руки.

— И я. «Поездка в Америку» — один из моих самых любимых фильмов.

Я улыбнулась.

— А Рэнди Уотсон и группа «Сексуальный Шоколад»?

— Мне больше нравится Арсенио Холл, исполняющий роль преподобного Брауна.

— О, да! Он там шикарен! — Я растерла руки Уильяма, чтобы восстановить кровообращение.

— Спасибо, Госпожа.

— Всегда пожалуйста.

После всего, что случилось, никогда бы не подумала, что Уильям скромный, но, встав с кровати, тот наклонился, чтобы надеть шорты. Это движение — было в нем что-то такое, что говорило о завершении всего. Хотя я знала, что мы говорили о целой ночи, меня почему-то охватило волнение, словно наше время закончилось. А это не то, чего мне хотелось.

— Нет, — внезапно сказала я.

Уильям перевел взгляд на меня.

— Нет — что?

— Не надевай их. Я хочу, чтобы ты оставался голым.

— Но я...

— Ты решил послушаться Госпожу?

В его глазах промелькнули возбуждение и удовольствие.

— Нет.

— Хорошо.

Сложив шорты, Уильям положил их на тумбочку и направился в ванную. А когда вернулся, то выглядел так, словно ему совсем не хотелось, чтобы я уже ушла.

— Что моя Госпожа пожелает сейчас?

Я откинулась на мягкие подушки.

— Найди для нее что-то восхитительно-грешное, чтобы съесть.

— А «восхитительно-грешное» — это какое?

Я постучала кончиком пальца по щеке:

— Что-то с кучей калорий и углеводов.

Уильям улыбнулся.

— Это я могу.

Прежде чем присоединиться ко мне в постели, он подошел к столу и взял меню для обслуживания номеров, потом раскрыл его, чтобы мы могли посмотреть вместе.

— Хм-м-м... а не заказать ли мне чизбургер?

— А как насчет стейка с картофельным пюре и овощами на пару?

Я вырвала меню из его рук и ударила по бедру.

— Ты зачем предлагаешь мне здоровую пищу, когда я специально просила что-то вредное?

— Я подумал, что Вам нужен белок, — рассмеялся Уильям, — чтобы восстановить силы на будущее.

— Ты очень заботлив, но я обещаю не отставать.

Он подался ближе, и наши губы почти соприкоснулись. На мгновение наше дыхание слилось — в танце, в котором ты принимаешь и отдаешь одновременно.

— Вы не представляете, насколько я вынослив.

— А ты не думаешь, что можешь использовать свою выносливость только тогда, когда я тебе скажу? — придвинулась еще ближе я.

В ожидании поцелуя он закрыл глаза, а я зажала его полную нижнюю губу зубами и прикусила. Сильно.

Его стон, полный наслаждения и боли, прошел сквозь меня, посылая дрожь желания по всему телу. Если мы продолжим в том же духе, то в воскресенье я не смогу ходить, и совсем не из-за лодыжки.

— Мне чизбургер и жареную картошку. — Когда Уильям потянулся за телефоном, я добавила: — И чизкейк на десерт.

— Да, Мэм.

Сделав заказ, он снова лег рядом. Прежде чем повисло неловкое молчание, Уильям взял пульт и включил телевизор. Когда он остановился на ESPN (*примеч.: ESPN (Entertainment and Sports Programming Network) — американский кабельный спортивный телевизионный канал*), я застонала и закрыла глаза ладонями.

— Серьезно?

— Я так понимаю, ты не фанат спорта.

— Нет, совершенно. Я была вынуждена смотреть футбол только потому, что его любит брат.

Без лишних слов Уильям сменил канал. Убрав руки от лица, я с любопытством посмотрела на него.

— Что, даже доводов не приведешь?

— Ты сказала, что тебе не нравится, и я переключил.

Я выпрямилась.

— А что, если бы я сказала, что хочу смотреть только Lifetime (*примеч.: Lifetime Television — американский кабельный телеканал, специализирующийся на фильмах, комедиях и драмах, где главные роли играют исключительно женщины*)?

— Тогда мы бы смотрели его.

— Из-за отношений Д/с.

— Да.

— Ого. Я думаю, мне уже начинает нравиться.

— Мне бы этого хотелось, — серьезно сказал Уильям.

В дверь громко постучали, и раздалось приглушенное:

— Обслуживание в номерах.

Поднявшись, Уильям снова потянулся за шортами.

— Ты что делаешь?

Он бросил на меня озадаченный взгляд через плечо.

— М-м-м... надеваю шорты.

— Но я сказала тебе оставаться голым.

Повернувшись, Уильям уставился на меня так, будто я сошла с ума.

— Ты серьезно хочешь, чтобы я открыл дверь с торчащим членом?

— Да.

— Это унижение и табу, — возразил он.

Я пожала плечами.

— А еще приказ твоей Хозяйки. Это значит, либо ты подчиняешься, либо говоришь стоп-слово, и мы больше не играем и просто ужинаем.

На его лице отразилась внутренняя борьба. В дверь постучали еще раз. Я скрестила руки на прикрытой простыней груди и сказала:

— Выбирай.

Распрямив широкие плечи, он направился к двери, и пока Уильям шел, для меня открылся просто фантастический вид на его задницу. У входа он отомкнул замок, на мгновение застыл, но затем открыл. К нашему общему удивлению доставщиком оказался не мужчина — это была молоденькая девушка.

При виде Уильяма ее глаза удивленно расширились. Она окинула его взглядом сверху вниз, задержавшись на члене, но я не могла ее винить. Затем слегка встряхнула головой, будто придя в себя.

— Об-бслуживание н-номеров, — заикаясь повторила она.

— Входите, — произнес Уильям и отступил в сторону.

Несколько раз моргнув, она толкнула тележку на колесиках, но та ударилась о дверную раму. Мне пришлось прикусить язык, чтобы не рассмеяться от того, как подействовал на нее вид обнаженного Уильяма. После повторной попытки, девушке удалось вкатить тележку внутрь. Она докатила ее до кровати, а потом бросила взгляд на меня и покраснела.

— М-м-м... вам оставить все здесь?

Я послала ей свою самую ослепительную улыбку.

— Да, здесь будет замечательно.

Она быстро повернулась спиной и начала накрывать на стол.

— Не нужно, — остановила ее я, и она вопросительно взглянула на меня через плечо. — Он будет кормить меня в постели. Не так ли, раб? — И перевела взгляд на Уильяма.

— Да, Хозяйка, — опустил голову он.

— Хорошо. Не хотелось бы, чтобы мне снова пришлось тебя отшлепать.

Пока мы с Уильямом обменивались любезностями, девушка застыла с крышкой в руке. Казалось, она обдумывала, а не сбежать ли ей из комнаты.

— Принеси мне счет, раб, чтобы я могла его подписать. И оставь молодой леди щедрые

чаевые.

Кивнув, Уильям прошел через комнату, взял с сервировочного столика черный кожаный планшет со счетом и передал мне, чтобы я его подписала.

— Ручка? — спросила я.

— А? — откликнулась девушка.

— Мне нужна ручка, чтобы подписать счет.

— Ой, да, верно.

Она пошарила по столику и вытащила ручку. Я поставила свою подпись и положила в специальный кармашек пятидесятидолларовую купюру, которую передал мне Уильям. Затем вернула счет ему. Он, в свою очередь, отдал его девушке, которая тотчас уронила планшет, так у нее дрожали руки.

Она поспешно подняла его и, прежде чем направиться к двери, пробормотала:

— Хорошего вечера.

— И вам, — произнесла я, но дверь за ней уже захлопнулась.

— Вам обязательно нужно было пугать бедную девочку до смерти? — с улыбкой спросил Уильям.

Я рассмеялась.

— Если она хочет работать в отеле, ей нужно кое-что узнать. Поэтому подумала, что с тем же успехом могу помочь девочке пройти боевое крещение.

— О, ну Вам удалось. Она наверняка будет в шоке до конца дня.

Наклонив голову, я улыбнулась.

— «В шоке» довольно хорошо описывает мое впечатление от первого дня работы в «1740».

— Ты была такой же зеленой?

— В сексе нет, а в БДСМ — да.

Уильям подтолкнул сервировочный столик ближе к кровати, и мы приступили к импровизированному пикнику.

— У меня был курс обучения в течение месяца. И хотя меня пригласила подруга, Линдси, учила меня совсем другая Домина. Сорокалетняя женщина, у которой вообще не было никаких табу в том, что она делала с сабами.

Уильям перестал резать свой стейк.

— Полагаю, было нелегко. Все равно что швырнуть в воду того, кто не умеет плавать.

— О да. Это было похоже на глубокий, темный колодец, в котором ты отчаянно пытаешься не утонуть. В первый же день я увидела ЗД (Золотой Дождь), бэби-плей и сиссификацию (*примеч. пер.: сиссификация — практика одевания покорного партнера как женщины и/или поощрения или обучения его действовать по-женски или быть преувеличенно женственным образом*). Той ночью Линдси накачала меня алкоголем и пообещала, что все будет не так уж плохо. — Я окунула картофелину в кетчуп. — Но излишне говорить, что тогда я определила для себя табу в том, что буду практиковать в роли Домины.

— Ты когда-нибудь пробовала переступить свои табу с сабмиссивом?

— Однажды я пробовала фэйр-плей. Цена была хорошая.

— Серьезно?

Я кивнула и рассказала ему эту историю, не упустив ни одной кровавой подробности.

— Ты не испугалась?

— Немного. Но страшнее, наверное, было сабу. В конце концов, я больше боялась, что папе не хватит денег.

— Господи Боже, — пробормотал Уильям.

Выражение его лица изменилось с любопытства на печаль. Я ненавидела, когда на меня так смотрели.

— Не делай так.

— Как?

Я дернула на себя салфетку.

— Не жалею меня. Ненавижу, когда так делают.

— Я тебя не жалел.

— Жалел. Это у тебя на лице написано.

— Я не жалею тебя, Софи. И поверь, мне подобное нравится не больше, чем тебе. «Бедный Уильям, его мама больше любила себя, чем его, и выпила пузырек таблеток, покончив с жизнью». Я этого в жизни наелся, так что очень хорошо тебя понимаю. И знаешь, что я на самом деле думаю?

— Что?

— Думаю, что мне ненавистно осознавать, какой сложной была твоя жизнь. Что твоему папе пришлось пережить такое. И думаю, что больше всего на свете хотел бы облегчить для тебя это бремя.

Я проглотила комок, внезапно появившийся в горле.

— Ты уже это делаешь, потому что понимаешь, каково мне пришлось.

— Я то же самое чувствую к тебе, — улыбнулся Уильям. — Крайне редко можно найти того, кто тебя понимает. Ничто не злит меня больше, чем люди, которые ни черта не понимают в том, о чем пытаются говорить. Это практически принижает и обесценивает твою боль.

— Знаю, о чем ты. Большинство просто понятия не имеют, о чем говорят.

— Согласен.

Понимая, что нужно сменить тему, Уильям спросил:

— Как твой чизбургер?

— Вкусный, как грех, как я и просила. А твой стейк?

— Очень вкусно. Хочешь кусочек?

— Хочу.

Уильям протянул мне мясо, наколотое на вилку, и я позволила ему покормить себя.

— Действительно, очень вкусно.

— Хочешь еще?

— Да, пожалуй.

— Тогда он твой.

Наклонив голову, я спросила:

— А если бы мне захотелось забрать у тебя всю еду? Ты бы мне ее отдал, да?

— Конечно. Но я сделал бы это в любом случае, даже не будь Вы моей Хозяйкой. Просто я такой.

Я знала, что это чистая правда. Он насквозь был пропитан добротой и самоотверженностью.

— Ты действительно нечто, знаешь?

Он протянул мне еще один сочный кусочек мяса.

— Спасибо за комплимент, Госпожа.

— Хотя бы картошки у меня возьми, — настояла я.

— Хорошо. Если это сделает Вас счастливой.

— Сделает.

С улыбкой он взял соломку картошки фри и положил в рот.

— Теперь я припоминаю, почему перестал есть это дерьмо. Оно вызывает зависимость.

— Никто еще не смог удержаться, — рассмеялась я.

— И чипсы. Эту дрянь я тоже бросил есть.

— Каждый раз, когда я вспоминаю о том, что нужно питаться правильно, сразу съедаю что-то пережаренное и очень жирное. Затем бегаю или иду тренироваться. И предпочитаю думать, что это уравнивает друг друга.

— Продолжайте, потому что тело у Вас просто божественное.

— Спасибо, — ответила я и протянула ему еще картошки.

Уильям застонал, но наклонился, чтобы взять ее губами.

Проглотив последний кусочек бургера, я поднесла руку ко рту.

— Блин, я так наелась, — простонала я. Потом вытерла рот салфеткой, бросила ее на поднос и посмотрела на Уильяма. — Что теперь?

Тот сделал глоток вина.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты меня покормил, мы потрахались. Обычно на этом свидание заканчивается.

Покачивая головой, он усмехнулся.

— У тебя такие красивые губы...

Я дерзко подмигнула в ответ.

— Ну, спасибо, с учетом того, что мои оральные навыки ты еще не оценил.

— Живу надеждой, — задумчиво произнес он. — Но что касается твоего предыдущего заявления, то это не просто свидание. У нас ночь игр.

— Я, конечно, довольно креативна, но не уверена, что смогу придумать что-то еще без девайсов.

— Если Вы позволите, у меня есть идея.

— Если она не предполагает слишком сильной активности. Я объелась.

— Мне нужно пару минут.

Уильям встал с кровати и пошел в ванную. Прошло несколько минут, и я услышала звук наполняющейся ванны. О, черт, этот мужчина наливал для меня ванну... никто другой для меня такого не делал. Лучшее, что я когда-либо получала — это совместный душ после секса, где мне даже не могли потереть спину.

В дверях появился Уильям.

— Ваша ванна готова, если Хозяйка изволит.

Я медленно покачала головой.

— Не могу поверить, что ты это сделал.

— Вы не хотите в ванную?

— Хочу, конечно. Просто ни один мужчина раньше для меня ничего подобного не делал... — Я собиралась сказать «романтичного», но подумав лучше, подобрала другие слова: — Если подумать.

— Вы, наверное, встречались с какими-то неудачниками.

Я фыркнула.

В моем городке не так много романтиков, а студенты — это синоним придурков.

Уильям оперся о косяк.

— Твои парни когда-нибудь знали, что ты Домина?

— Нет. За пять лет работы в «1740» — в течение трех я ни с кем не встречалась. За последние два года у меня было двое парней, и они знали, что я работаю в клубе, но не знали, кем.

— А они никогда не хотели пойти с тобой, чтобы посмотреть, чем ты занимаешься?

— Я сказала, что это гей-клуб, — с усмешкой ответила я.

— Да, — улыбнулся Уильям, — думаю, это их держало подальше. Если, конечно, они не были заинтересованы в обратном.

— Хм, верно подмечено.

Откинув простыню, я пошла по ковру прямо к нему. И, наверное, слегка прихрамывала, потому что Уильям спросил:

— Как твоя лодыжка?

— Выживу.

В комнате витал цветочный аромат. Сама мраморная ванна была заполнена шапкой пузыристой пены.

— Выглядит потрясающе.

— Давай, попробуй.

Я осторожно опустила неповрежденную ногу в воду. Решив, что температура подходящая, поставила ногу на дно, потом другую, с опухшей лодыжкой, и села. Погрузившись в воду, в блаженстве закрыла глаза, способная произнести только:

— М-м-м...

— Хорошо, да?

— Очень.

Открыв один глаз, я посмотрела на Уильяма, все еще стоящего в дверях.

— Ты разве не присоединишься ко мне?

— А Вы бы хотели?

— Конечно. Почему нет?

— Я просто подумал, что Вам хотелось бы наслаждаться в одиночестве. Просто чтобы стать счастливее.

— Заманчиво, конечно. Но я предпочла бы, чтобы ты был здесь, со мной.

— Минуту, — сказал Уильям, подняв палец.

— Ладно, — ответила я, и тот исчез.

Я потянулась и включила гидромассаж. Бурлящая вода коснулась моей кожи, вызвав мой стон.

— Все в порядке? — прокричал он.

— О-о-о, даже больше, чем просто в порядке.

Уильям снова появился, на этот раз держа два бокала для шампанского в одной руке и бутылку в другой.

— Я подумал, что Вам нужно немного освежиться.

— Нужно, спасибо.

Вытащив пробку, Уильям наполнил бокал и подал его мне. Я взяла бокал в покрытую пеной руку и поднесла к губам.

— Вау, как хорошо.

Налив бокал и себе, Уильям подошел к ванне.

— Подвинься.

— Думала, что тут командую я, — заметила я и, затаив дыхание, подалась вперед.

Поставив бокал на бортик, Уильям залез в ванную и сел позади меня. Затем развел ноги шире, прежде чем взять меня за плечи, и прижал мою спину к своей груди. Я хотела сказать, как это приятно, но тот поднес руки к моим плечам и начал разминать мышцы.

— Боже, — пробормотала я.

— Достаточно, или усилить нажим?

— Сильнее.

И он надавил пальцами сильнее.

— Ты по совместительству еще работал массажистом? — шутливо подразнила его я.

Позади меня раздался смех.

— Нет. Этот навык остался после игры в футбол и тренерской работы.

— И часто ты кого-то массажировал голым и в ванной?

Удивив меня, Уильям опустил голову и поймал мои губы своими. Чуть отстранившись, он куснул меня за нижнюю губу.

— Такой нахальный ротик.

Я моментально забыла, о чем мы говорили. Мужчина, который может заставить меня потерять ход мыслей только одним поцелуем — у меня серьезные проблемы. И конечно, этот укус меня очень возбудил.

— Так все это, — я обвела рукой ванную комнату, — часть отношений Д/с вне клуба?

— И да, и нет. Забота о своей Хозяйке — это только часть отношений, если ей не хочется принимать ванну или обниматься, то этого и не будет. Делается все, что нужно, и все, что будет угодно Хозяйке.

— Кажется, удовольствие получает только Госпожа, а сабмиссив просто используется.

— Это работает в обе стороны, Софи. Саб получает равно столько же, сколько и Хозяйка, уверяю. — Уильям поцеловал меня в плечо и шею. — Точно так же, как я получаю удовольствие, доставляя его тебе.

— Правда?

— М-м-м-гм-м-м, — промычал он, дыша мне в кожу. — Я могу сделать больше?

— Да.

Уильям пододвинул нас обоих, чтобы мы опирались на стенку ванной. Когда он подтолкнул меня вперед, я начала протестовать, но быстро поняла, зачем. Передо мной оказалась одна из больших форсунок, и, раздвинув ноги, я почувствовала, как струя попала прямо на мой клитор. Ощувив первые импульсы, я ахнула и приподняла бедра. Уильям обхватил мои груди руками и перекатывал соски между большим и указательным пальцами, сжимая твердые вершинки.

Желая более острых ощущений, я выгнулась, чтобы быть ближе к форсунке, и перебросила ноги за край ванной, каскадом расплескав мыльную воду на пол. Сзади к моим ягодицам прижался напряженный член.

Когда оргазм начал приближаться, я сжала бедра Уильяма, используя их как рычаг, чтобы двигаться сильнее и быстрее. В такт моим движениям вода в ванной поднималась и опадала, словно волны в океане. Я кончила с криком, откинув голову назад, на грудь Уильяму.

Когда спазмы оргазма схлынули, я обернулась и приказала:

— Отнеси меня в постель.

Уильям сразу же встал из ванной и, после того, как помог подняться мне, взял меня на руки и отнес к кровати. Вытираться я не захотела. Мне хотелось быть скользкой от воды.

Надев презерватив, он забрался на постель и навис надо мной.

— Скажите мне, как Вы любите?

На меня нахлынуло дежавю, потому что слова Уильяма были теми же, что и в моем сегодняшнем сне. Но, в отличие от сна, не хотелось секса по-быстрому. Мне хотелось заниматься любовью, медленно и сладко.

— Покажи мне, как ты понимаешь разницу между «трахаться» и «заниматься любовью».

В его глазах мелькнуло удивление.

— Повинуюсь, Хозяйка.

Я раздвинула ноги, чтобы он мог разместиться между бедрами. Уильям направил напряженную длину к моему входу и медленно начал скользить внутрь, дюйм за дюймом. И все время смотрел на меня. Выражение его глаз заставило меня вздрогнуть — в глубине темных глаз отражалось все, что мог бы увидеть только самый любимый человек. Хотя меня обмануть было сложно. Все это было для того, чтобы угодить Хозяйке.

Уильям начал двигать бедрами, его член скользил внутрь и наружу. Опустив голову, мужчина приблизился ко мне и, после поцелуя, начал нежно касаться губами то щеки, то уха. Его шепот стал моей погибелью.

— Ты такая красивая, Софи. Твои губы, глаза, такой умный ротик. Я мог бы оставаться в тебе, такой тесной, всю ночь, дарить оргазм за оргазмом.

Будто почувствовав, что я сомневаюсь в его искренности, Уильям чуть откинулся назад, чтобы я могла видеть его глаза. В них отражалась непреложная истина — все, что мне было необходимо знать. Тот не просто хотел кончить в меня — он желал подчиниться моему приказу заниматься любовью. И действительно имел в виду каждое сказанное им слово.

Я захныкала от ощущения пустоты, когда Уильям внезапно выскользнул из меня. Он поднялся и сел на колени, приподняв меня так, чтобы я могла обхватить его ногами, а потом подхватил меня под ягодицы, дав возможность обнять его за шею. Мягко толкаясь внутри, тот одновременно дарил мне глубокие и чувственные поцелуи.

Мы кончили практически одновременно, и Уильям прижимал потом меня к себе довольно долгое время. Но я даже не думала двигаться. Было так хорошо. И когда я почти задремала, он спросил:

— Хочешь спать?

— Да. Ты меня вымотал.

— Да, и ты меня.

Выпустив из объятий, он уложил меня на постели и лег рядом. Потом повернул меня на бок и обнял за талию, притянув к себе.

— Так хорошо?

— Да, замечательно.

Но правда была в том, что все было не просто замечательно. Я была в полной безопасности. И уснула, ощущая себя счастливой, чего не было уже очень долгое время.

Проснувшись, я обнаружила, что на груди лежит что-то теплое и волосатое. Подумав, что это Оукли, я оттолкнула ее и, перевернувшись, пробормотала:

— Слишком рано.

А потом ощутила, как к бедру прижимается нечто твердое, и поняла, что это совсем не Оукли. Это мужчина. Открыв глаза и увидев рядом сопящего Уильяма, я снова повернулась. Он так и спал, прижавшись головой к моей груди. Несколько мгновений все, на что я была способна — это смотреть на него. Конечно, ведь последние 48 часов были просто прекрасным сном. Разве могла я предположить, что встречу мужчину своей мечты, и у нас с ним будет секс? Правда он был сабмиссивом. Прикрыв глаза ладонью, я застонала. И почему, блин, все так сложно? Убрал руку, снова посмотрела на Уильяма. Во сне он выглядел таким умиротворенным. Рассматривая щетину на его лице — он ведь не брился — я не могла отделаться от мысли, как бы эти едва отросшие волоски ощущались у меня между бедер. Подумав об этом, я закатила глаза. Извращенка. У меня был секс всего несколько часов назад, и я потеряла счет оргазмам, которые этот человек мне подарил.

На лоб Уильяма упали волосы, почти закрыв один глаз. Не в силах противостоять искушению, я потянулась и пропустила локон между пальцев. От прикосновения тот пошевелился.

— Просыпайся, соня, — промурлыкала я.

Открыв свои темные глаза, он посмотрел на меня. На полных губах появилась улыбка.

— Доброе утро, — сказал тот грубым и хриплым голосом.

— И тебе доброе утро, — я опустила взгляд ниже, на выпуклость под простыней, — и тебе.

На щеках Уильяма тут же вспыхнул румянец, что сделало его крайне очаровательным. Может парень и был на восемь лет старше меня, но в нем было полно мальчишеского обаяния. Наконец Уильям растянул губы в застенчивой улыбке.

— Прости. Он живет своей жизнью, — и, приподнявшись на руке, добавил, — почувствовав рядом присутствие красивой и сексуальной женщины, он просто обязан встать и отдать ей честь.

— Какая изощренная сказка про обычный утренний стояк, — рассмеялась я.

Указав на свой пах, Уильям ответил:

— В этом конкретном члене ничего обычного нет.

— Это правда. И об этом нужно срочно позаботиться, потому что он очень отвлекает.

Удивленно подняв брови, Уильям ответил:

— Правда?

— Да, очень.

Я стащила с него простыню до колен. Член подскочил вверх и лег к нему на живот, почти касаясь пупка. Уильям посмотрел на меня, ожидая инструкций.

— Лизни свою ладонь, — сказала я.

Уильям поднес руку ко рту, но вместо того, чтобы лизнуть, два раза плюнул. Потянувшись к нему между ног, я взялась за яйца и сжала их, усилив нажим пальцами. Уильям задохнулся.

— Ты не сделал то, что тебе было сказано, не так ли?

Его глаза сверкнули.

— Да, Госпожа.

Я отпустила, и тот тихо выдохнул.

— Теперь лизни свою ладонь, как я и приказала.

Уильям поднес руку ко рту и медленно, не отрывая от меня взгляда, протяжным движением облизал себя до кончиков пальцев. Это так походило на то, как тот ласкал языком меня, что я непроизвольно сжала бедра.

— Теперь медленно погладь себя.

Парень, обхватив рукой член, провел ею снизу-вверх, от основания к кончику.

— Какие ощущения? Хорошо? Хочешь ускориться?

— Да, Госпожа.

— Ну так давай. Быстрее.

Закрыв глаза, он ускорил движения и прикусил губу. Его дыхание стало тяжелым, грудь поднималась и опускалась в такт движениям бедер, пока Уильям скользил ладонью по своему члену. И я безумно возбуждалась, просто глядя на эту картину.

Внезапно Уильям остановился и потянулся к презервативам, лежащим на тумбочке.

Я ударила его по заднице.

— Разве я разрешила тебе остановиться?

— Нет. Но мне хотелось бы иметь возможность кончить у Вас внутри, чтобы подарить Вам удовольствие.

— Ты кончишь, когда я тебе скажу это сделать.

Я знала, что его действие было просто ошибкой, а не дерзостью. И, учитывая, что продолжала обращаться с ним, как с сабом, это стало просто вопросом времени. Правда в том, что я понятия не имела, как лайфстайл-Доминантки занимаются сексом. Доминированием я могла заниматься весь день, но это было лишь для того, чтобы удовлетворить желание клиента. Сейчас же — удовольствие должно было стать обоюдным, и этот факт просто выносил мне мозг. Впрочем, жалоб от Уильяма не последовало, а значит, стоило поработать над дисциплиной.

— Давай, надень презерватив.

После того, как парень упаковал член в латекс, я развела бедра и прикоснулась к себе рукой. И, лаская себя, смотрела на Уильяма. При виде такого зрелища тот застонал.

— Вы убиваете меня, Госпожа, — напряженно выдохнул он.

— Ты хотел бы, чтобы это была твоя рука, правда?

— О, да.

— Тогда потрогай меня.

С рычанием Уильям отпустил свой член. Затем повернулся на бок, поднес руку к моей промежности и проник внутрь двумя пальцами, заставив меня задохнуться. А потом стал медленно двигать рукой, потянувшись ко мне с поцелуем. Уильям начал повторять языком движения своей руки, и от этого я почти испытала оргазм. Стенки влагалища сжимались вокруг его пальцев, я вскрикнула и впилась в его плечи пальцами.

Уильям убрал свои пальцы и стал устраиваться между моих ног.

— Какой нетерпеливый, — остановила его я. И добавила: — Хочу, чтобы ты взял меня сзади.

— Да, Госпожа.

Развернувшись на кровати, я встала на четвереньки и призывно покачала задницей

перед Уильямом.

— Возьми меня. Сейчас же.

Он не ответил вслух. Вместо этого, вошел в меня, и его бедра ударились о мои с гулким шлепком.

— Потяни меня за волосы, — хрипло скомандовала я.

Собрав мои волосы ладонью, Уильям обернул их вокруг своих пальцев и сжал кулак. Затем дернул так, что я с силой насадилась на член. Внутри у меня и так слегка болело из-за прошлой ночи, но после такого — уверена — я запомню Уильяма до конца дня.

Да черт, до конца недели точно.

Выгнувшись, я сжала простыню в кулаках и поддалась назад, прижимаясь к бедрам Уильяма. Из нас обоих вырывались какие-то первобытные, животные звуки удовольствия.

Уильям потянулся, сжал мой клитор, и это стало последней каплей. Уткнувшись лицом в матрас, я закричала в оргазме. Он сделал еще пару фрикций и последовал следом, тяжело навалившись на мою спину.

— Простите. Я кончил без разрешения, — пробормотал Уильям, и его дыхание бархатом прокатилось по моей коже.

— Ничего. Я не говорила, что ты должен ждать. А еще уверена, что тебя это все чертовски смущает, ты же привык к Д/с отношениям.

Он поцеловал мою спину.

— Мне очень понравилось, Госпожа.

— И мне, — обернувшись через плечо, я добавила, — думаю, было бы неплохо принять душ вместе, да?

— Согласен.

Когда Уильям вышел из меня, я поморщилась.

— С Вами все в порядке, Госпожа?

— Это все твой гигантский член.

— Мне жаль, — рассмеялся он.

Посмотрев на него, я улыбнулась.

— Не за что извиняться. Ты трахнул киску Госпожи именно так, как она хотела.

Встав с постели, Уильям протянул мне руку. Красота жеста согрела мое сердце. То, что кто-то ставит мои потребности выше собственных, было единственным, что нравилось мне в Д/с. Казалось бы, обычное поведение джентльмена, но как же трудно оно давалось мужчине вне Темы.

Проверив температуру воды, Уильям жестом пригласил меня в ванную. Почувствовав горячие брызги на коже, я застонала.

— Слишком горячо? — спросил он, вставая за мной.

— В самый раз.

— Отлично. — Парень взял бутылку с гелем и вылил немного себе на ладони. — Если вы не против этого запаха, я могу помыть Вас.

— Мне нравится, как ты пахнешь, — рассмеялась я.

Поменявшись местами, Уильям начал гладить меня мыльными руками по груди. Массировал ладонями, скользя пальцами по моим возбужденным соскам. Ощувив, что достаточно намылил грудь, он перешел на живот. Когда Уильям опустил мыльную руку между моих бедер, у меня перехватило дыхание.

— Ты хочешь возбудить меня или что?

— Возможно. — Он нагнулся и поцеловал меня. — Хотите, чтобы я закончил мыть Вас после того, как Вы кончите?

— Да, — ответила я, потому что никогда не отказывалась от оргазма.

После этого Уильям своими искусными руками начал творить с моей киской что-то невероятное. Я откинулась на стенку душевой кабины и раздвинула ноги. Толкнувшись бедрами в его направлении, я буквально насадила себя на мужские пальцы. Зажмурив глаза в экстазе, я схватила его за плечи.

— Уильям, — выдохнула со стоном.

— Мне так нравится, когда ты кончаешь, произнося мое имя, — пробормотал он мне на ухо.

Стараясь избежать сентиментальности момента, я скользнула вниз и встала на колени. Взяла полутвердый член в руки и погладила по длине своими мыльными ладонями, пока он не окреп. Потом провела по головке языком — по кругу пару раз. И взяла в рот, чередуя быстрые и медленные глубокие проникновения.

— Я так кончу, Госпожа, — выдохнул Уильям.

Игнорируя его предупреждение, я продолжила насаживаться на его член. Мне было все равно, если он кончит мне в рот — в клубе существовали строгие правила по ЗППП. Все члены клуба сдавали анализы каждые три месяца, чтобы быть допущенными к безопасной игре.

— Госпожа? — вопросительно произнес он, давая мне шанс отстраниться.

— Кончай, — промурлыкала я и снова взяла его член в рот.

С довольным ворчанием Уильям тяжело кончил. Теплая сперма хлынула на мой язык и заполнила рот. Когда он закончил, я поднялась с колен. Взяв мое лицо в ладони, Уильям поцеловал меня с языком, а потом отстранился и улыбнулся.

— Спасибо, Госпожа.

Я знала, что в мире БДСМ сделала для него нечто особенное, дав кончить в рот. Но мне не было жаль.

— Пожалуйста. Теперь давай вылезать отсюда, пока мы оба не сморщились, как чернослив.

Уильям засмеялся и открыл дверь душевой. Потом схватил одно из больших полотенец и начал вытирать меня. И я снова убедилась, что наслаждаюсь заботой, которую дарят мне Д/с отношения. Или, может быть, все дело было в том, что это все делал Уильям.

Внезапно он остановился. Выражение его лица стало серьезным, почти несчастным.

— Что дальше? — спросил парень.

— Ну, мы оденемся и покинем номер, пока не закончилось время пребывания.

Уильям ущипнул меня за зад.

— Я не это имел в виду.

— Это неправильное поведение саба.

— Тогда обещайте меня наказать. В следующий раз.

Я покачала головой.

— Ты же знаешь, я больше не работаю в клубе.

— Необязательно делать это в клубе. Вы можете выбрать любой из отелей этой сети. А если бабушка и дедушка не в городе, к вашим услугам не только я, но и пентхаус.

Я уже открыла рот, чтобы возразить, но тот прижал палец к моим губам.

— Расстояние не имеет значения. Я приеду к тебе. — Уильям провел по моей скуле

большим пальцем. — Мне нравится заниматься сексом с тобой, Софи. И мне хочется понять, куда это может привести нас в долгосрочной перспективе.

— У нас действительно разговор об отношениях, когда мы оба голые?

— Учитывая то, как мы встретились, это имеет смысл, — ответил Уильям, улыбнувшись.

— Нам невозможно быть вместе. Тебе необходимы отношения в стиле Д/с, а мне — нет. Так что совершенно очевидно, что это — тупик. Как у Роберта Фроста в «Две дороги вели в лес». Только в нашем случае — одна ведет в одну сторону, а другая — в другую.

— Почему это?

— Потому что я ненастоящая Домина.

— Ты была чертовски хороша вчера и сегодня утром.

— Видишь ли, хотя мне и понравилось играть роль твоей Домины, я знаю, что не смогу играть эту роль постоянно — в спальне и вне ее. В клубе мне легко оставаться в роли, но, когда я с тобой, во мне слишком много... этого. И это не я настоящая.

Уильям начал протестовать, но я покачала головой и положила ладонь на его щеку.

— Даже на это короткое время, которое мы провели вместе, я пришла в основном для того, чтобы позаботиться о тебе. Мне хотелось сделать тебе приятно, сделать тебя счастливым. Но ты заслуживаешь ту, которой не нужно притворяться, ту, которая будет Госпожой не в роли, а в сердце и душе.

— Но отношения — это всегда про то, как брать и давать. Почему бы не попробовать перенести это в спальню?

— А что про остальное в Д/с отношениях?

— Тебе действительно неприятно ставить свои потребности выше, чем мои?

— Мне приятно твое отношение. Но я не могу перестать думать, что ты делаешь нечто ненавистное только потому, что я так приказала.

На минуту Уильям остановился, обдумывая мои слова.

— Иногда выражение любви — это делать то, что ты не хочешь, чтобы любимый тобой человек был счастлив. И это снова про взаимообмен, про то, как нужно давать и брать. Например, сходить на балет, если ты его ненавидишь или терпеть семейный ужин, даже если тебе не хотелось туда вообще идти.

Уильям говорил искренне, я знала это. И он специально использовал слово «любовь», чтобы вызвать реакцию у меня. И даже сломай я голову, у меня бы не нашлось ни единой причины ответить отрицательно на просьбу о том, чтобы хотя бы просто попробовать.

— Ладно, ладно. Думаю, мы можем встретиться в следующие выходные, — подняла я руки.

В глазах Уильяма мелькнуло удовольствие.

— Правда?

— Да, правда.

Он прижался ко мне губами, потом отстранился и улыбнулся.

— Позволь показать, насколько счастливым ты меня сделала.

— А что насчет времени выселения? — спросила я, пока Уильям вел меня в спальню.

— В жопу время выселения. Я тебя хочу.

— М-м-м, как по-мужски.

— Как и в любом мужчине, во мне живет пещерный человек.

— Серьезно?

Неожиданно он поднял и перекинул меня через плечо.

— Ты что делаешь?

— Несу тебя в свою постель.

— Это постель отеля «Ритз».

Уильям рассмеялся, и сквозь меня прошла дрожь.

— Кажется, вы пытаетесь саботировать мой план по демонстрированию альфы-самца,

Госпожа.

— Нет, я просто уточнила. — Он бесцеремонно бросил меня на кровать, и я зарычала. — А вот за это, думаю, тебя придется наказать!

Он улыбнулся.

— Жду с нетерпением, Госпожа.

— Но сначала я хочу, чтобы твой рот был тут, — я раздвинула ноги и указала на свою киску. — И я жду, что ты заставишь кончить меня минимум дважды, прежде чем я подумаю о том, чтобы хоть что-то сделать для твоего удовольствия.

В глазах Уильяма мелькнуло дьявольское выражение. Матрац прогнулся под его весом.

— Да, Госпожа.

Вернувшись домой после свидания с Уильямом, я сразу же легла в кровать и выпала из жизни на целых семь часов, проспав всю ночь напролет, и проснулась только от звонка телефона.

— Д-да?

— Чувиха, ты что, еще спишь? — требовательно пробубнил мой брат Ансель.

Потерев глаза, я пробормотала:

— Может и сплю. А что?

— Ну вообще-то уже практически полдень, тупица.

— Что?! — Я отодвинула телефон от лица, чтобы посмотреть на время. Вот такие дурацкие шутки были в стиле моего дорогого младшего братишки. Но увидев, что уже действительно полдень, я застонала. — Я не услышала будильник.

— Это фиаско, сестренка.

Я посмотрела на Оукли, развалившуюся рядом.

— О, так значит, именно сегодня ты решила, что мы можем поспать подольше? — В ответ собака только зевнула. — Сколько тебе ехать?

— Минут десять.

Бля-я-я...

— Я буду готова.

Ансель аж хрюкнул от смеха.

— Ага, конечно.

— Заткнись.

— Лю тя, сучка ты эдакая.

— И я тебя люблю, говнючонок, — рассмеялась я.

Нажав отбой, я сбросила с себя одеяло и поспешила к кофемашине — одному из немногих кухонных приборов, которые пока не упаковала. Включила ее и бросилась обратно в спальню, чтобы накинуть хоть какую-нибудь одежду.

Ансель привел с собой нескольких своих приятелей-футболистов, чтобы помочь с переездом. Мы начали поздно, потому что им пришлось ждать окончания утренней тренировки. У парней шла последняя свободная неделя летних каникул перед началом учебы.

Одевшись и выпив кофе, я наконец почувствовала, что готова встретиться лицом к лицу с миром. И братом. Оглядевшись по сторонам, стало ясно, что упаковывать в общем-то особо нечего. Мебель принадлежала Лоле. Исключением были кресло-качалка и пуфик, которые принадлежали бабушке.

Потом я услышала стук в дверь, достаточно громкий, чтобы даже мертвого разбудить, и побежала через всю комнату, отчего моя лодыжка тут же напомнила о себе.

— Черт, — пробормотала я, запнувшись и дальше поковыляв к двери. Оукли лаяла позади меня, словно была доберманом, а не таксой. За дверью, как я и ожидала, стоял мой младший брат, ростом метр девяносто. Рядом, как горная гряда, возвышались двое его приятелей. — Привет, ребята.

— Привет, Соф, — с ухмылкой поздоровался Ансель и сгреб меня в медвежьи объятия.

Я взвизгнула и попыталась вырваться из его рук.

— Блин, ты отвратительный.

— Ой, ну уж извини, времени на душ не было. Нам хотелось побыстрее закончить со всем этим дерьмом.

— Ну ты прямо сама милота.

— Я в курсе, — снова ухмыльнулся он.

Братишка отпустил меня, и я потянулась, чтобы ущипнуть его за щеку — так всегда поступала с нами бабушка.

Как и мне, Анселю дали французское имя в честь Grand-Maman. На самом деле, он был Майклом Анселем Джеймсоном-младшим, но его звали просто Анселем, чтобы не путать с нашим отцом.

Зато внешне он был точной копией отца — от светло-рыжих волос до васильковых глаз.

Какое счастье, что тот совсем не похож на свою мать-шлюху, которая бросила отца, когда Анселю было всего три года. Потом она несколько лет навещала его на Рождество, но последние лет десять мы о моей мачехе ничего не слышали.

Обо мне она никогда особо не заботилась, но мне этого и не хотелось. Даже в семь лет я с подозрением относилась к другим людям. И в данном случае оказалась права.

— Я скучала.

Ансель закатил глаза так, как умеют только подростки.

— Господи, Соф, — пробухтел он, — ты же видела меня на прошлых выходных.

В этот раз я ущипнула его за щеку сильнее.

— Не говори так.

— Блин, ты говоришь как Grand-Maman, — он развернулся к друзьям. — Моя бабуля ругается как портовый грузчик, но никогда не говорит: «Господи» или «Боже мой».

— И если она услышит такое от тебя, то обязательно перекрестится, прежде чем надавать люлей, — заметила я.

— Миленько. У моей бабушки случился бы второй инсульт, если б я ругалась рядом с ней, — сказала Джоди, высокая рыжая девушка с усыпанным веснушками лицом.

— Когда окажусь в классе, ругаться будет трудно, — улыбнулась я.

— А есть шансы, что ты попадешь к нам и станешь нашим учителем литературы? — спросил Джейсон.

Я покачала головой.

— Мне дали младшие классы.

Его темные брови опустились.

— Лентяйка.

— Вообще-то я специально попросила не определять меня в старшие классы. Подумала, что это слишком большой конфликт интересов — учить друзей Ансея.

Брат хлопнул в ладоши.

— Ладненько. Хватит болтать. Начнем свистопляску.

— Да-да, танцор, — сказала я и снова ущипнула его за щеку.

Пока мальчишки загружали вещи в грузовик Джоди, я упаковала последние коробки. С тремя сильными, здоровыми молодыми парнями процесс продвигался довольно быстро. Лола спустилась в час, настояв, чтобы мы поднялись на прощальный обед. В свои восемьдесят пять она была потрясающей кухаркой.

Набив животы вкуснейшей едой, мы загрузили последний ящик. Я уже собиралась запрыгнуть в машину, когда в кармане зажужжал телефон.

Уильям: Добрый день. Хотел пожелать доброго утра, но побоялся, что буду слишком похож на сталкера.

Я усмехнулась и отправила ответное сообщение.

Я: И тебе добрый день, мой маленький саб-сталкер.

Уильям: Знаю, что не должен спорить со своей Госпожой, но... я думал, мы уже решили, что во мне нет ничего маленького.

Я: О, поверь, я вспоминаю размер каждый раз, когда делаю шаг.

Уильям: Рад, что Вы думаете обо мне. Я тоже не переставал думать о Вас с той секунды, как Вы ушли.

Я: Звучит вообще не по-сталкерски.

Уильям: Зануда. В любом случае, работа в самом разгаре, нужно бежать. Я просто хотел поздороваться.

Я: Рада, что ты написал.

Я все еще стояла у открытой двери машины и пялилась в телефон, когда Ансель спросил:

— Что за дурацкая ухмылка?

— Да так, просто.

Его глаза блеснули.

— Ты же с мужчиной переписываешься, я прав?

— Без комментариев, — отрезала я и сунула телефон в карман.

Он хлопнул в ладоши и рассмеялся.

— Ага, так это реально мужик. А я-то думал, что это за запах, когда обнял тебя.

— Гадость какая, — сказала я и понюхала себя.

Ансель фыркнул.

— Я имел в виду, что от тебя пахнет мужским одеколоном, извращенка. И, если так, значит ты была очень плохой девочкой.

Джоди и Джейсон подошли к задним дверям грузовика и захихикали. Я резко обернулась и бросила на них убийственный взгляд.

— И кто он?

— Ты можешь просто заткнуться и сесть в машину?

— Дорога домой длинная, сестричка. А я хочу уточнить кое-что.

Меньше всего на свете я собиралась рассказывать Анселю о том, что произошло. Естественно, даже если бы хотела поговорить об Уильяме, мне пришлось бы выдумать большую часть истории. Потому что мы познакомились в БДСМ-клубе, где я связала его и шлепала, пока он не кончил. Романтично, да?

Одарив Ансея тошнотворно приторной улыбкой, я сказала:

— Или ты оставишь эту тему, или я рассказываю твоим друзьям несколько неловких историй о тебе. Выбирай.

— Например?

— Например, могу начать с истории о Бубби.

При мысли, что я расскажу о том, как он спал со своим плюшевым кроликом до тех пор, пока ему не исполнилось пятнадцать, голубые глаза Ансея расширились.

— Ты не посмеешь, — прошипел он.

— О да, я сделаю это.

— Ладно. Оставь свой говняный секрет при себе.

— Спасибо, так я и сделаю.

Дорога от Атланты до дома обычно занимала час, но с моей собственной скоростью путь удавалось преодолеть за пятьдесят минут. За это время даже получалось остановиться, чтобы погулять с Оукли. Обычная поездка, привычная для субботнего утра, которую я могла бы совершить с завязанными глазами. В дороге Ансель переписывался по телефону как сумасшедший, а я работала над планами уроков в своей голове.

Мы жили в стороне от главного шоссе. Нужно было проехать по длинной извилистой дороге, окруженной огороженными пастбищами. Мои папа и мама построили этот дом, когда поженились. Двухэтажный фермерский коттедж в стиле Кейп-Кода, с широким крыльцом. Двадцать пять акров земли были свадебным подарком от бабушки и дедушки. Они поделили принадлежавшую им землю между отцом и его братом Марком. Мой дядя, который был театральным деятелем, не имел никакого желания жить в деревне, поэтому продал свою землю моему отцу, прежде чем переехать в Нью-Йорк.

За последние шесть месяцев состояние отца ухудшилось еще больше, и теперь он нуждался в ежедневной помощи. Кто-то должен был готовить еду и прибираться в доме, когда Ансель находился в школе. Сьюзи, двоюродная сестра моего папы, предложила взять на себя эту работу, и мне было приятно, что рядом находится член семьи, а не незнакомый человек.

Я выскочила из машины, Ансель последовал за мной и направился к ребятам.

Пока они разгружали грузовик, я взяла Оукли и пошла в дом, к папе. И нашла его читающим газету в кресле-подъемнике, в кабинете.

— Вот и моя девочка, — сказал он.

Опустив Оукли на пол, я крепко обняла папу.

— Да. Теперь я вернулась домой.

— Я так рад, что двое моих детей находятся под одной крышей. Пусть даже недолго, ведь Анселю предстоит уехать.

— Долго вдалеке он не выдержит. Слишком привык, что кто-то ему готовит и стирает за него.

Папа засмеялся.

— И то верно.

В комнату торопливо вошла Сьюзи с мокрым кухонным полотенцем в руке.

— Привет, незнакомка, — поздоровалась она и улыбнулась, из-за чего морщины на

лице моей двоюродной тети стали более глубокими.

Ее каштановые волосы были собраны сзади в пучок, а несколько прядей выбивались по бокам. С тех пор как Сьюзи приехала, я видела ее, только когда приезжала домой на выходные. Ее муж и мой отец — были двоюродными братьями и выросли вместе. Они с отцом были близки, и иногда она чувствовала себя скорее тетей, чем двоюродной сестрой.

Я обняла и ее.

— Я тоже рада тебя видеть.

— Волнуешься из-за завтра?

— Даже нервничаю, — кивнула я.

— Ты справишься, я уверена, — ответила Сьюзи.

— Конечно, справится, — улыбнулся папа. — Нет ничего, с чем не может справиться Софи.

— Да, да, продолжайте, — махнула рукой я, поддразнивая этих двоих.

В дверном проеме появились Ансель с ребятами.

— Мы сложили коробки и мебель в твою комнату.

— Спасибо, — ответила я и, посмотрев на Джейсона и Джоди, добавила, — ребята, буду должна за помощь.

— Да не, нам было в радость помочь, — сказал Джейсон.

Джоди улыбнулась.

— Или ты сможешь нас прикрыть, если мы когда-нибудь проспим начало занятий.

— Посмотрю, что можно с этим сделать, — рассмеялась я.

— Е-е-е!

Они помахали на прощание и направились к двери. Ансель остался в кабинете и рухнул на диван.

— Ты уже рассказала папе о своем парне? — выдал он со злой усмешкой.

— Парне? — спросил папа, подняв брови в удивлении.

Взглядом я просигналила брату — «я надеру тебе зад».

«Попробуй» — просигналил он в ответ.

Ха, тот даже не представлял, что я могла бы выбить из него дерьмо даже несколькими способами. Но встретившись с папиным выжидающим взглядом, я сказала только:

— Никакого парня. Ансель просто хочет меня подставить.

— Да есть там парень, зуб даю. Она аж светилась, когда он писал смски.

— Ладно. Есть парень, с которым я просто общаюсь.

Глаза папы сверкнули.

— Это же замечательно! Где вы встретились?

Блядь. Ну почему из всех вопросов он выбрал именно этот?

Быстро прикинув, я придумала самую правдоподобную историю.

— Мы встретились, когда я бегала, на горе Кеннесо, в субботу. И это просто болтовня, ничего больше. Поэтому называть его моим парнем определенно рановато.

Папа подмигнул мне.

— Тут не угадать. Я захотел жениться на твоей маме, как только ее увидел. Она участвовала в родео на собственной лошади, брала высокие барьеры. Такая красивая и решительная.

Несмотря на то, что я слышала эту историю миллион раз, мне никогда не надоедало. Слишком потрясающее выражение лица было у папы, когда он рассказывал.

— Подождем и посмотрим, как оно пойдет.

— Надеюсь, из этого выйдет что-то хорошее. Больше всего на свете я хочу, чтобы ты была счастлива.

— Но я счастлива, — возразила я.

— Счастлива и влюблена.

Хотя в душе он был романтиком и искренне хотел, чтобы я нашла свою любовь, я знала, что папа не это имеет в виду.

Поскольку его время истекало, он хотел, чтобы я вышла замуж. Чтобы знать — есть тот, кто позаботится обо мне, когда тот уйдет.

— Да, да, понятно. — Я встала с дивана. — Лучше пойду распакую вещи.

— Я приготовила твою любимую курицу с травами, — сказала Сьюзи.

— Ух ты, — усмехнулась я, — а я думала, что не попробую ее до Дня Благодарения. Спасибо.

Она поцеловала меня в щеку.

— Пожалуйста.

Еще раз посмотрев на Ансея, я добавила:

— Тебе лучше спать чутко, братишка.

— Рискни, — рассмеялся он в ответ.

Утро во вторник выдалось ярким и прекрасным. Лазурное небо пронизывали красные и оранжевые лучи солнца. Я почти никогда не вставала настолько рано, чтобы встретить рассвет, но сегодня специально поставила будильник на час раньше.

Я не могла опоздать сегодня, ни за что на свете. Несмотря на то, что школа находилась в двадцати минутах езды от дома, я планировала дать себе фору в сорок, просто на всякий случай. Хотя Уитфилд это вам не Атланта, так что шансы попасть в крупную пробку были невелики.

Приняв душ и приведя себя в порядок, я зашла проведать папу. И нашла его в добром здравии, смотрящим новости.

— Доброе утро.

Он повернулся и с улыбкой посмотрел на меня.

— Действительно, доброе. Первый день работы моей девочки в качестве учителя.

Я присела на край его кровати.

— Ну, я не буду преподавать сразу. На этой неделе меня ждут скучные рабочие встречи и подготовка кабинета.

— Я уверен, что ты отлично справишься. Попроси Ансея помочь тебе в классной комнате, после того, как у него закончится тренировка.

Я фыркнула.

— Черт побери, ему это так понравится. Уверена.

— Это поможет ему избежать уборки конюшен, — усмехнулся папа. — А это он ненавидит больше.

— Это верно. Хочешь, я принесу тебе поесть?

— Я подожду Сьюзи.

— Но у меня есть время, я могу помочь.

Папа покачал головой.

— Просто сосредоточься на том, что нужно сделать сегодня. Хорошо?

Я проглотила комок, образовавшийся в горле.

Мало что в мире могло растрогать меня так, как забота и сострадание отца.

— Окей. Так и сделаю. — Я встала и наклонилась, чтобы поцеловать его в щеку. — До свидания, папочка.

— До свидания, малышка.

Даже потратив время на печенье и кофе из «Макдоналдса», я все равно приехала до смешного рано. На стоянке оказалось всего несколько машин. Войдя внутрь, я прошла регистрацию в главном офисе и получила ключ от кабинета у секретарши. Директор — доктор Ньюсом — показал мне что нужно было сделать в тот день, когда принял на работу.

Отперев дверь и включив свет, я встала в дверях, осматриваясь вокруг. И мысленно начала украшать комнату, переставлять столы, вешать плакаты на стены. Но прежде всего мне нужны были мои коробки из машины, в которых хранились книги и личные вещи.

Следующие два часа я провела, бегая от кабинета к машине и обратно за коробками, а затем распаковывая их. Когда я достала последнюю коробку из машины и вернулась в здание, завибрировал мой телефон.

Поставив коробку на один из столов, я вытащила мобильник из кармана. И, хотя

ненавидела себя за это, не смогла сдержать «глупую улыбку», как называл ее Ансель.
Это был он.

Уильям: Думаю о Вас.

Три коротких слова, но черт возьми, они попали прямо в сердце. И я тоже думала о нем. Несколько долгих секунд я просто сидела и пялилась в телефон.

От моего взгляда не укрылось то, что Уильям написал не «ты», а «Вы». Я быстро настрочила в ответ.

Я: А ты разве не должен сейчас работать, неудачник?

Уильям: Сосредоточиться на чем-либо, когда так сильно ждешь ответ, непросто.

Мое сердце заколотилось так неистово, что на нескольких последующих вдохах мне не хватало воздуха. Этот человек поистине невероятен. Богатый, красивый, добрый, с телом греческого бога и, к тому же, фантастический любовник. Правда, он еще и сабмиссив, которому нужен извращенный секс, чтобы кончить.

При мысли, что всегда существует хоть какое-то «но», я вздохнула.

Я: Что делаешь?

Ожидая ответа, начала разбирать коробку, которую только что принесла. Телефон снова завибрировал, и я взглянула на экран.

Уильям: Мне хотелось бы, чтобы между заседаниями Вы были рядом и выпороли мою голую задницу.

Книги, которые я держала в руках, упали на пол.

С идеальной ясностью я вспомнила его упругую задницу, как она краснела под шлепками, а мышцы сжимались от боли и удовольствия.

Желание прокатилось по моему телу от макушки до кончиков пальцев ног, заставив меня содрогнуться. Почувствовав, что трусики намокли, я покачала головой.

Что, черт возьми, со мной не так?

Я, по-видимому, была полной извращенкой, если стояла в классной комнате с трусиками, намокшими от чтения смс.

Я: Прекращай ерничать.

Уильям: Я думал, что Вам нравится, когда я ерничаяю, и меня можно наказать.

Мое дыхание участилось.

Я: Я на новой работе. В намокших из-за тебя трусиках.

Уильям: Если бы я был там, я бы вылизал Вас досуха, только для того, чтобы Вы снова могли намокнуть.

Застонав, я сжала бедра.

Я: Я собираюсь наказать тебя за это.

Даю 100 %, что именно на это он и надеялся.

Уильям: Может быть, я могу заехать в субботу, чтобы Вы смогли осуществить свои желания?

Учитывая, как мне хотелось кончить, четыре дня казались вечностью.

Я: Я могу взять все в свои руки.

Уильям: Я предпочел бы в свои.

Поняв, что это идеальная возможность поиграть, написала:

Я: НЕ ДРОЧИТЬ! Только я могу сделать это для тебя, понял?

Уильям: Да, моя Госпожа. Но я должен идти. Мой перерыв закончился.

Я: До свидания.

Из-за стука в дверь я подпрыгнула, чуть не выронив телефон из рук. Он упал к ногам Джейн, заведующей кафедрой английского. Я нырнула вниз, чтобы поднять мобильник, но новая коллега меня опередила.

— Извините, что напугала вас, — сказала она, протягивая мне телефон.

— Ничего. Все в порядке, — ответила я и быстро спрятала телефон в карман.

— Я хотела заглянуть и удостовериться, что ты хорошо устроилась, — улыбнулась Джейн.

— Хорошо, — тоже улыбнулась я. — Хотя мне потребуется время, чтобы привести это место в надлежащий вид.

— Не спеши. Скоро ты поймешь, что проводишь тут кучу времени, так что лучше оборудуй все так комфортно, как сможешь.

— Мне хочется, чтобы и студентам нравилось.

— Если что-то понадобится говори, я постараюсь помочь.

— Спасибо.

— Еще для новых преподавателей существует небольшая стипендия, чтобы можно было купить что-то в кабинет. Хотя, к сожалению, с сокращением бюджета, сумма уменьшается с каждым годом.

— Да, меня предупреждали об этом, когда я проходила практику.

— Это действительно хреново, — сказала Джейн и подмигнула.

Я усмехнулась, потому что было приятно знать, что она не будет похожа на стереотипного занудного начальника.

— Несколько человек из нашего коллектива сегодня собираются пообедать вместе. Надеюсь, ты сможешь присоединиться.

— Буду рада. Спасибо за приглашение.

Джейн кивнула.

— А пока я еще немного поработаю. К счастью, обязательное собрание преподавателей сегодня перенесли. — Она закатила глаза. — Сначала на нас давили этим дерьмом, а потом поняли, что никто не обращает на это внимания. Все думают только о том, что нужно сделать в своем собственном классе.

— Боюсь, что тоже буду думать только об этом, — рассмеялась я.

Джейн повернулась к двери, но вдруг остановилась.

— Ой, небольшое предупреждение. Через несколько минут приедет новый директор, чтобы встретиться с учителями. Так сказать, маленький тет-а-тет, чтобы поднять боевой дух.

Я в замешательстве нахмурилась.

— Новый директор? А что случилось с доктором Ньюсомом?

Он был не только завучем, во времена моей учебы в Милтоне, но и знал моего отца.

Зеленые глаза Джейн в удивлении расширились.

— Ох, милая, ты не в курсе?

Я покачала головой, а она зашла в класс и захлопнула дверь.

— Его поймали неделю назад в номере отеля «Мариотт». Под амфетамином, в объятиях проститутки.

— Блядь, — пробормотала я себе под нос.

И, невольно представив себе доктора Ньюсома, подумала: «Какого хрена?»

— Да, я знаю, — согласилась Джейн.

Учитывая то, чем я раньше занималась, судить людей я не имела права. Однако, в то же время, понимала, что как только начнется учебный год, я не смогу вернуться в клуб «1740».

Хотя Клуб надежно защищал личности сотрудников и клиентов, рисковать мне не хотелось. Я слишком много работала, чтобы потерять все свои достижения. Доктор Ньюсом, должно быть, сильно накурился, чтобы так подставить свою карьеру.

— Похоже, с новым директором будет легко работать. Между нами, Ньюсом иногда был настоящим придурком.

— Ну тогда, наверное, все к лучшему.

— Большинство из нас не слишком огорчились, услышав эту новость. Конечно, будет трудно привыкнуть к новому боссу. — Она посмотрела на часы. — Я лучше пойду и дам тебе поработать. Вернусь позже, заберу тебя на ланч.

— Хорошо. Спасибо.

Джейн ушла, и я наклонилась, собираясь поднять книги, которые уронила после одного из сообщений Уильяма. Две из них оказались далеко под столом, и я застонала.

Пришлось встать на колени и наполовину залезть под столешницу, чтобы их достать.

— Добрый день? — раздалось от двери.

Я дернулась, чтобы поднять голову и ударила головой о столешницу.

— Блядь!

— Мисс Джеймсон? Я доктор Фостер, новый директор.

— Да, извините. Секунду, — потеряв ноющую макушку, я покраснела от стыда.

Ну вот. Я не только выставила себя полной идиоткой перед новым директором, но и выругалась перед ним, словно какой-то матрос. Как еще расписаться в собственном непрофессионализме?

Выбравшись из-под стола, я услышала шаги, эхом отдающиеся по кафелю.

— Я могу вам помочь?

— Все хорошо. Спасибо.

Взмахивая руками, я пыталась убрать мешающие волосы от лица. Уверена, в этот момент я была похожа на кузена Оно из Семейки Аддамс.

Обретя, наконец, способность видеть, я заставила себя улыбнуться. А потом шагнула вперед, чтобы пожать руку новому боссу.

И посмотрела ему в лицо.

Мое сердце остановилось в груди, дыхание покинуло легкие. Ощущение было такое, будто каждая молекула в теле взорвалась. Прошое и настоящее столкнулись.

— У-Уильям?!

Мой сабмиссив стоял напротив меня, одетый в черные брюки, красную рубашку на пуговицах и красно-белый клетчатый галстук. Эта цветовая гамма являлась элегантным реверансом в сторону школьных цветов. И, хотя он был так же красив, мужчина напротив не был тем Уильямом, с которым я провела выходные. Все следы его покорности исчезли. Он излучал властность и превосходство. Это было одновременно и привлекательно, и пугающе.

Конечно же, мое появление испугало его. Уильям уставился на меня, его глаза, наверное, были размером с пятак. Показалось, что ему потребовалось несколько секунд, чтобы обрести дар речи.

— Значит, вот где ты собираешься преподавать.

— Да.

— Господи, — пробормотал Уильям и потер лицо руками.

— Мне тоже хотелось это сказать. — Я бросила поднятые с пола книги на парту. — Ты не говорил, что работаешь в административном секторе.

— Ты и не спрашивала.

— А ты не спешил делиться информацией, даже когда я сказала, что буду работать учителем.

— Тогда это не показалось важным. Я же был честен с тобой. Даже сказал, что работаю в сфере образования. Тогда были другие вопросы — узнать друг друга и решить что-то с Д/с отношениями.

— Ну что ж, теперь это стало чертовски важно.

Только Уильям открыл рот, чтобы добавить что-то еще, как в комнату вбежал Ансель, весь в поту после утренней футбольной тренировки.

— Эй, сестренка, тебе все еще нужна моя помощь в твоем кабинете? — спросил он. Когда Уильям обернулся, Ансель усмехнулся и протянул ему руку, — Эй, доктор Ф, как оно?

— Вы двое знакомы? — уточнила я.

Уильям улыбнулся. Нет, хрен там, это доктор Фостер улыбнулся. Этот человек не был сабмиссивом Уильямом. Это был большой босс, доктор Фостер. Тот самый мужчина, которого я увидела в клубе «1740» и еще подумала, что он — Доминант.

— Мы встретились на той неделе. Считаю своим долгом познакомиться со всеми своими спортсменами, особенно с такими одаренными.

Услышав похвалу Уильяма, Ансель раздулся от гордости.

— Понаблюдав за нашей тренировкой, доктор Ф сказал, что, возможно, он мог бы попытаться поднять свои связи в Университете Теннесси, чтобы те посмотрели на меня в игре.

Я быстро посмотрела на Ансея и Уильяма.

— Это отлично.

— Ну так что, тебе нужна моя помощь?

— Да, мне необходимо разобраться с этими плакатами. — Я многозначительно посмотрела на Уильяма. — Было очень мило с вашей стороны зайти и поздороваться, доктор Фостер. Не буду больше отнимать у вас время.

— Да, мне действительно нужно встретиться с остальными сотрудниками. Очень надеюсь, что смогу поговорить с вами в будущем, мисс Джеймсон.

Кивнув в ответ, я направилась к учительскому столу. Как только Уильям закрыл дверь, Ансель присвистнул. Я резко обернулась.

— Что?

Он упер руки в бока.

— Сестричка, я как раз собирался намекнуть тебе и доктору Ф, что вам не помешало бы снять отдельную комнату.

— Ты о чем вообще?

— Между вами почти искрило электричество. — Ансель поиграл бровями. — Знаешь, такое «я-б-те-вдул» напряжение.

— Ой, я тебя умоляю. Ты, наверное, сильно ударился на тренировке, потому что начал думать не тем местом.

— Он не женат.

— Спасибо, что сообщил.

— Это из-за чувака, который тебе писал? Потому что если да, то он официально тебе не парень, и ты можешь встречаться с кем хочешь.

— Ты уж извини, но я не собираюсь слушать советов по отношениям от семнадцатилетнего брата!

Ансель подпрыгнул и сел на один из столов.

— Брось, Соф. Назови хотя бы одну вескую причину, по которой тебе не следует встречаться с доктором Ф.

— Блин, даже не знаю. Хотя бы потому, что он мой босс?

Плечи Ансея на мгновение поникли.

— Бла-бла-бла.

— Это только вершина айсберга.

— А если бы он не был твоим боссом, — брат наклонил голову к плечу, — что тогда?

Конечно, я бы хотела с ним встречаться. В конце концов, я уже занималась с ним сексом. И десять минут назад даже обдумывала наше с ним возможное будущее.

— Даже не знаю. Возможно.

— Возможно? Господи, Соф, ну когда ты в последний раз встречалась с мужиком, не считая той встречи на пробежке?

— Не твое дело, спасибо большое.

— Папа все время волнуется, что ты ни с кем не встречаешься. Вот почему он вчера чуть не описался от волнения, когда услышал о твоём таинственном мужике из смс.

— Правда?

— Он волнуется, что ты отфутболиваешь мужиков, чтобы за ним ухаживать, — кивнул Ансель.

Мне было больно, что папа так думает. На деле, то, что он сказал Анселю, ощущалось так же, как лезвие ножа, которое вонзили в мое сердце и поворачивают. Мне потребовалось мгновение, чтобы перевести дыхание.

— Не хочу, чтобы он беспокоился обо мне.

— Соф, он наш папа. И может тот болен физически, но родителем от этого быть не перестал.

— Я знаю. Просто у него и так достаточно забот, а тут еще моя личная жизнь.

Ансель пожал плечами.

— Ну не знаю. Может, дело не в том, что он беспокоится. Может хочет выдать тебя

замуж, чтобы иметь внуков.

Дети.

Да уж. Как раз их в ближайшее время я и не планировала. Конечно, мне хотелось иметь семью, но еще хотела несколько лет преподавать и немного попутешествовать, прежде чем просто даже задуматься о беременности. При мысли, что папы скорее всего не будет, чтобы увидеть внуков, меня пронзило сожаление.

— Ну, сейчас ему нет смысла задумываться о моих будущих детях.

— Ну, так и о моих тоже. Мне еще рано об этом думать.

Покачивая головой, я рассмеялась.

— Одновременно и отвратительно, и приятно это знать. Не забывай, что слова не должны расходиться с делом, — сказала я, сгоняя его со стола, и добавила, — кстати, о деле. За работу!

Остаток дня я провела между сном и явью. За обедом смеялась и болтала с другими учителями английского. Но в это же время, казалось, что я играю роль Софи Джеймсон, и на самом деле это не я. Было ощущение, будто я стою возле собственного тела и наблюдаю со стороны, как незнакомка общается с людьми. Я была потрясена. То, что Уильям оказался моим новым боссом, было похоже на сейсмический сдвиг на линии разлома, что в итоге привело к землетрясению эпических масштабов.

Впервые я была не готова к событию, которое настолько изменило мою жизнь. Когда я столкнулась с ухудшением здоровья папы и болезнями, которые забрали моих любимых бабушку и дедушку, у меня было время, чтобы перевести дыхание и надеть эмоциональную броню. С Уильямом было похоже на то, как если бы меня столкнули с края утеса, и я упала в огромную расщелину. Он завладел моими мыслями — как саб и как мужчина. Я позволила себе пойти с ним не только в игровую — но и дальше, связавшись с ним эмоционально. Дала увидеть те стороны моей жизни, о которых не знал ни один мужчина. И теперь даже намек на совместное будущее с ним отправился к чертовой матери — как только он появился в дверях моего кабинета и представился директором.

Вернувшись с обеда, мы все пошли на первое общее собрание персонала. Я шла рядом с Джейн, и мне показалось, словно я бреду по зыбучим пескам. Больше всего на свете хотелось отсюда убежать. Мне требовалось время, чтобы все обдумать, прежде чем я снова столкнусь с Уильямом.

Усевшись, я постаралась не отрывать взгляд от бумаги, на которой была изложена повестка дня. Но в конце концов, любопытство взяло надо мной верх, и я взглянула на сцену. Уильям стоял, окруженный помощниками директора. Несмотря на то, что округ был маленький, всего с двумя старшими школами — увидеть суперинтенданта, доктора Левинсона, идущего к трибуне, оказалось удивительно.

— Добрый день. Я хотел бы воспользоваться моментом, чтобы поприветствовать вас всех и пожелать продуктивного и позитивного учебного года. — Он переступил с ноги на ногу. — Главная причина, по которой я оказался здесь — обеспечить плавную смену начальства здесь, в Милтоне. То, что случилось с доктором Ньюсомом, очень печально. Однако школьный совет и я нашли самую лучшую замену, какую только могли. Уверен, что некоторые из вас удивлены, что мы наняли кого-то не из нашего округа. Нет, это не говорит о слабости наших прекрасных помощников директора. Мы просто хотели начать все с чистого листа. Вот почему мы с гордостью приняли на работу доктора Уильяма Фостера.

В этот момент Уильям присоединился к суперинтенданту на трибуне, и раздались

короткие аплодисменты.

— Доктор Фостер с отличием окончил Университет Теннесси. Потом получил степень магистра и доктора в области управления образованием в Университете Джорджии. Преподавал историю и тренировал футболистов в течение восьми лет в средней школе Ласситера в округе Кобб, прежде чем перейти на должность помощника директора. А также получил докторскую степень, помогая улучшить результаты тестов и выпускные баллы в социально-экономических школах, и именно поэтому мы решили пригласить его.

— Впечатляющий опыт, — заметила Джейн.

— Так и есть.

— Не говоря уже о том, что на него приятно любоваться.

— Полагаю, что и это так и есть.

Джейн хихикнула.

— Не пытайся обмануть меня, дорогая. Я точно могу сказать, что ты бы трахнула его в следующий вторник, если бы тебе дали такую возможность.

Я резко повернула голову и уставилась на нее. Она подмигнула мне, а потом указала подбородком в сторону сцены. Я подняла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть Уильяма, занимающего свое место за трибуной. Он был самоуверен и спокоен.

Точно так же, как я, когда играла роль Госпожи Джульетты.

Очевидно, образ для социума у него был выстроен более чем тщательно.

— Добрый день. Для меня большая честь и удовольствие стоять перед вами. Я знаю, что большинство из вас беспокоится о том, как покажет себя новый директор, ведь доктор Ньюсом занимал пост очень долго. Хочу успокоить и заверить вас, что собираюсь прислушиваться ко всем. Хотя у меня есть опыт работы в качестве помощника, директором я буду впервые. Мне понадобится помощь каждого из вас, от учителей-ветеранов до только начинающих. — Уильям чертовски удивил меня, посмотрев в мою сторону.

— У всех вас есть что-то, что вы можете дать. Внести свой вклад, чтобы сделать меня лучшим лидером. Моя дверь всегда открыта для всего, что вам нужно. И надеюсь, что это будут лучшие годы, которые когда-либо вдел Милтон.

В конце его речи в зале раздались аплодисменты.

Немного подождав, Уильям хлопнул в ладоши.

— Теперь, когда официальная часть закончена, давайте перейдем к удивительно захватывающему делу — презентации в PowerPoint, об обязательных школьных и районных делах, которые вы все с нетерпением ждете каждый год.

Услышав горестные стоны, Уильям улыбнулся.

Свет погас, и я постаралась не думать о том, как в совершенно другой день мы с Уильямом остались в темной комнате.

Услышав стон разочарования, Джейн спросила:

— Все хорошо?

— Нога затекла.

Надеюсь, в темноте не было заметно мою улыбку.

— Ой.

Пришлось переключить внимание на презентацию.

Но как бы я ни старалась, сосредоточиться ни на чем, кроме Уильяма, не вышло. Вместо этого, все, о чем я могла думать — это о двух дорогах Роберта Фроста.

О том, что две эти дороги все-таки расходились в лесу.

Дерьмо.

Из-за того, что я решила провести чуть больше времени в клубе «1740», мой мир сошел с орбиты. Все пошло к чертям.

У меня осталась только я сама, мое либидо, и, если быть по-настоящему честной с собой, мое разбитое сердце.

Как только часы над доской показали четыре, я выскочила из зала через запасной выход. Я помнила, что должна отметить перед отъездом, но не хотела вновь столкнуться с Уильямом. И если бы мне на это не указали — просто притворилась бы глупенькой новой училкой.

Потом бросилась к своей машине и наверняка оставила почерневшие следы шин, выезжая с парковки. Я снова не чувствовала себя собой, пока не вошла через дверь гаража в кухню дома. Бросив сумочку на пол, направилась прямо к холодильнику и достала пиво.

Услышав голос позади, я подпрыгнула и часть пива выплеснулась на пол.

— Черт подери!

— Тяжелый первый день? — улыбаясь спросила Сьюзи.

— Ты даже не представляешь.

Сделав еще один глоток, я поставила бутылку и присела, чтобы убрать за собой.

— Я слышала, что новый директор реально красавчик.

Ее слова заставили меня завозиться с бумажными полотенцами, а потом рулон и вовсе упал со стойки.

— Бля, — пробормотала я.

— Я смотрю, тебе сегодня действительно досталось, — задумчиво прокомментировала Сьюзи.

Чтобы вытереть пиво я снова наклонилась.

— На самом деле, все не так уж плохо. В моем учреждении есть только один придурок, который пытается запугать меня, потому что я новенькая, — солгала я.

— Стыд какой. Держись, девочка моя, главное стоять на своем, и все получится.

— Обязательно.

— Так что там про нового директора? — спросила Сьюзан.

Господи, ну вот обязательно ей давить на больное?

— Он, вроде, милый.

— Говорят, он выглядит как этот... Супермен.

— Ага, как Генри Кавилл.

Она щелкнула пальцами.

— Точно, он самый.

— Вроде немного похож.

Значит, не только я заметила, насколько он шикарный.

— Я бы рискнула. Если бы в школе был такой симпатичный директор, я бы каждый день к нему в кабинет приходила. — Подмигнула она. — Тогда его можно было бы прибрать к рукам.

Я даже пивом подавилась, перед тем, как ее поддразнить.

— Сьюзи, извращенка!

— Мне нравится хорошая порка.

На мгновение я попыталась представить себе Сьюзи в «1740», но это было слишком травмирующе.

— Спасибо за вкусняшку.

На кухню вошел Ансель.

— Вы о чем тут шепчетесь, девушки?

— Поверь, ты не хочешь знать, — ответила я, подняв руки.

— Я спросила ее о новом директоре, — захихикала Сьюзи.

По лицу Ансея расплылась улыбка.

— Ты имеешь в виду директора Сексуальность? Его так наши чирлидерши окрестили.

Будто им больше нечего обсуждать на тренировках рядом с нашим полем.

Подумав о том, что некоторые из малолетних шлюшек положили глаз на Уильяма, я закатила глаза.

— Ой, ну пожалуйста, — вырвалось у меня.

— Думаю, что они все будут просто убиты горем, когда он начнет встречаться с Софи. — Ансель положил ладонь мне на плечо.

— Ты такой говнюк.

Сьюзи перевела взгляд с Ансея на меня.

— О чем он?

— Просто игнорируй его. Он бредит.

— Я знаю, что видел, — фыркнул мой брат.

— И что ты там такое видел? — поинтересовалась Сьюзи.

— Интермедию.

— И с каких пор ты используешь слово «интермедия»? — уперев руки в бедра, спросила я.

— С тех самых, когда начал использовать дурацкую программу «Слово Дня», которую ты же мне и установила.

— Я бы сказала, что горжусь тобой, если бы ты не использовал эти знания против меня.

— И чего плохого в интермедии с привлекательным мужчиной? — рассмеялась Сьюзи.

Из меня вырвался рык разочарования.

— Да что с вами всеми такое? Он мой *босс*! Всякие там интермедии или отношения на работе — это жутко непрофессионально. После шести лет в колледже, мне, типа, хотелось бы сохранить свою работу при себе!

— Что-то я сильно сомневаюсь, что они тебя уволят, если ты начнешь встречаться с боссом.

— Мне не сильно хочется проверять, знаешь ли.

— Так, ладно, мне нужно уйти, — сказала Сьюзи. — А вы двое постарайтесь не убить друг друга, пока меня не будет. Ладно?

— Очень постараюсь, — ответила я с улыбкой. — Кстати, а что у нас на ужин?

— Я хотела приготовить курицу с рисом, но Ансель настоял на вечере пиццы и сам позвонил в доставку.

— Доставка? Да они с нас вдвое сдерут за поездку сюда! — уставилась я на Ансея.

— Не-не, — он поднял руку, — я уже обо всем позаботился. Все будет предельно дешево.

— Знаешь что?

— Да у них Минди Дэвис курьером работает, и она на меня запала. Я просто пригласил ее на свидание после игры в пятницу.

— Ты что, за пиццу продался? — усмехнулась я.

— И да, и нет. Последней каплей стали их булочки с корицей.

Я фыркнула.

— Рада, что тебе удалось сохранить хоть какое-то достоинство.

Он свел указательный и большой пальцы вместе.

— Ну, вот столько буквально.

— Засранец.

Я взъерошила его волосы, получив в ответ игривый шлепок по заднице.

— Увидимся завтра, — сказала Сьюзи нам обоим и направилась к гаражной двери.

— Пока! — крикнули мы одновременно.

— Скажи мне, когда привезут пиццу. Я пока к папе зайду.

— Когда я пришел, он дремал в кабинете, — подсказал Ансель.

Кивнув, я вышла из кухни. Мне было известно, что папа захочет услышать все о первом дне в школе. Естественно, как и Сьюзи, его ждет сильно отредактированная версия.

Не успев дойти до кабинета, я услышала звонок в дверь.

— Ансель, пиццу привезли!

Но открыв дверь я ахнула. потому что передо мной стоял Уильям.

— Ты что тут делаешь?

— Нам нужно поговорить.

— И поэтому ты за мной до дома проследил? — прищурившись спросила я.

— Я твой босс, так что у меня есть доступ ко всей личной информации.

— Вот ни капельки на сталкера не похож, — цокнула я языком.

— Только в качестве необходимости.

Я отрицательно покачала головой.

— Слушай, сейчас действительно неподходящее время.

— Так сделай его подходящим.

— Тебе не кажется, что это я тут должна командовать?

— Софи, я серьезно.

— Соф, это Минди приехала? — проорал Ансель из прихожей.

Закрыв глаза, я молча пожелала, чтобы пол разверзся и меня поглотил ад. День становился все хуже и хуже. Ситуация четко подливала керосин в огонь любопытства Ансея, который и так подозревал, что между мной и Уильямом что-то было.

Брат выглянул из дверного проема и захихикал, увидев Уильяма.

— О, директор Ф, классно увидеть вас снова.

— Я тоже рад тебя видеть, Ансель.

— Что, сис, неприятности? — толкнул тот меня в плечо.

— Нет, мелкозадый. Не дожدهшься.

— И чего тогда твой босс приехал?

Я уже открыла рот, но поняла, что не знаю, как ответить.

— Ну, вообще, я приехал посмотреть на ваших лошадей, — вклинился Уильям.

— Серьезно? — переспросили мы с братом в один голос.

Уильям кивнул.

— Я слышал о ферме, и твоя сестра любезно согласилась показать мне окрестности. Я же городской и никогда не был на частных владениях раньше.

— Поверьте, вы вообще ничего не потеряли, — заметил Ансель.

— Сначала мне нужно увидеть, а потом уже судить об этом, — рассмеялся Уильям.

— Так, ладно, вы тут вдвоем сами повеселитесь, — с издевкой пожелал мой брат.

Когда он исчез в коридоре, мы с Уильямом неловко остановились в дверях.

— Ну так что, покажешь мне сарай?

— Вот ты сейчас серьезно?

— А почему бы и нет.

— Я думала, это просто прикрытие.

— Я же еще в Атланте сказал, что мне интересно посмотреть на твою ферму.

Блин, это тот завтрак на три часа в «Люмьере».

— А, ну да.

Я вышла на крыльцо, и Уильям попятился. Мы оба спустились по лестнице и пошли к подножью холма к сараю.

Шли абсолютно молча, только хруст гравия под ботинками раздавался в тишине. Не знаю, почему мы не разговаривали. Не то чтобы нам не о чем было говорить. Просто мне было непонятно, ждет ли Уильям, чтобы я взяла инициативу в свои руки.

Он заговорил в момент, когда я совершенно этого не ожидала.

— У вас тут действительно очень красиво.

— Спасибо.

— В Атланте было трудно поверить, что ты живешь в таком месте. Но теперь так хорошо видно, что ты — часть этого всего.

Повернувшись, я в упор уставилась на Уильяма.

— Слушай, ну ты же не поболтать сейчас приехал.

В уголках его губ мелькнула улыбка.

— Ты всегда такая прямая.

— Уильям, я серьезно! Или мне стоит называть тебя директор Фостер?

— Уильям звучит идеально.

— Ты явился, потому что нам надо поговорить. Я тебя слушаю.

— Теперь, когда я приехал, я не знаю, что сказать, — выдохнул он.

— Зашибись.

Наконец мы пришли к сараю. Взявшись за ручку, я открыла дверь. Внутри находились стойла для лошадей — по пять с каждой стороны. В задней части когда-то был кабинет отца, теперь его использовал надзиратель.

— Ну вот. Это и есть амбар, — саркастически сказала я.

Уильям благоразумно промолчал, вместо ответа, он вошел внутрь и начал оглядываться.

— А где лошади?

— Они на пастбище, там, где остальной скот. Мы их тут только ночью держим.

— А кто тут работает? Твой папа же уже не может.

— У нас есть человек, который приезжает на пару часов в день. Он кормит скот и делает все, что необходимо — тут практически все механизировано. Но почти все, что связано с лошадьми — это наша с Анселем забота.

В задней части что-то сверкнуло, привлекая внимание Уильяма, и он направился мимо пустых стойл, чтобы выяснить что это. Просто в окно чердака проник свет послеполуденного солнца и осветил мерцающим золотом висящие на стене пряжи.

— А это тут откуда?

— Это папины награды с чемпионата по владению лассо.

— Он был мастером своего дела, — заметил Уильям.

— Был. Соревноваться начал еще с детства. Самые дорогие награды он хранит в спальне, в специальной коробке.

Кивнув, Уильям продолжил осматривать стену. Потом его взгляд упал на фотографии моей семьи, стоящие на папином столе.

Указав на фото молодой женщины, скачущей на бочке (*примеч.: вид соревнования, в котором побеждает тот, кто дольше удержится*), Уильям спросил:

— А тут — ты?

— Нет, это мама.

— Ого, вы с ней практически одно лицо, — заметил он, приглядевшись.

Он не был первым, кто высказал подобную мысль. Учитывая, насколько красивой была мама, это точно был комплимент.

— Спасибо. Она была чемпионом езды на бочках, именно там они с папой и встретились. Оба участвовали в родео.

Уильям повернулся ко мне.

— Тебе же было три, когда она умерла, да?

— Да.

Он нахмурился, явно что-то считая в голове, и я рассмеялась.

— Ансель не мой родной брат, у нас разные мамы. Папа женился еще раз через четыре года после того, как ее не стало.

— Что, настоящая злая мачеха, как в сказке? — спросил Уильям, услышав в моем голосе отвращение.

— Не совсем. Она была одной из тех дамочек, которые выступают на родео, и рассматривала папу, как свой собственный золотой билет. Он тогда еще горевал по маме, но у мужчины есть свои потребности. И тут на него набросилась двадцатилетняя девушка.

— Давай угадаю. Она забеременела, и он попался?

— Опять же, не совсем. Не то, чтобы он не хотел детей, просто ему хотелось ребенка от женщины, которая хочет стать матерью. А Венди не хотела.

— И как долго она с ним оставалась?

— Пока папа не принес справку от врача, что больше не может участвовать в родео.

— А сколько было Анселю?

— Только три.

— Еще одна плохая тройка, да?

Он запомнил. У меня перехватило дыхание, и Уильям это увидел.

— Нет, я не забыл. И я помню, что сегодня за день.

— Третье августа, — пробормотала я.

— Да, оно самое, — Уильям повернулся посмотреть на фото, где я сидела на лошади и держала совсем маленького Анселя на руках. — Ты заменила ему маму, да?

— Да. Но бабушка очень сильно помогала.

— Это интересно, — сказал Уильям, опершись спиной на дверь стойла.

— Ты о чем?

— В Вашей жизни было много такого — да и сейчас есть — из-за чего обычно хочется передать контроль и быть сабмиссивом. Но Вы выбрали контроль и доминацию.

— Потому что я не реальный Доминант. Это все работа.

— В глубине души Вы знаете правду. Вы — Домина.

— Только с тобой. Больше ни с кем это так не ощущалось. — Уильям сделал шаг навстречу, но я отступила. — Нам нельзя. Мы не можем.

— Но вчера же смогли.

— Вчера ты не был моим начальником. Все поменялось.

— Для меня ничего не изменилось, — возразил он.

В отчаянии я запустила пальцы в собственные волосы.

— Есть границы, которые нельзя пересекать. И это — одна из таких границ. Если кто-то узнает, это может разрушить мою и твою репутацию. Это то, что я вбила себе в голову на уроках преподавания — на работе репутация слишком важна. И я слишком долго работала, чтобы все это потерять.

— И что теперь делать? Притворяться, что ничего не было?

— Да.

— Не знаю, смогу ли я.

— Ты должен. — Уильям открыл рот, чтобы возразить, но я его перебила. — В глубине души ты знаешь, что я права. Ты прошел ту же школу и знаешь, насколько это все опасно для нас обоих.

— Знаю. Но я пришел сюда, надеясь, что — не знаю каким образом — но ты дашь шанс этим отношениям. Дашь шанс нам обоим.

— Никаких «нас» нет.

Уильям вздрогнул.

— Ты серьезно сейчас?

— Перепихон в выходные вряд ли сильно много значит.

— И ты, и я знаем, что это был гораздо больше, чем просто перепихон, — покачал головой он.

Я пожала плечами.

— Может да, а может и нет. Может, если бы ты не был моим боссом, через пару недель мы бы выяснили, что это просто физическое влечение.

На лице Уильяма мелькнуло отвращение.

— Ну, если ты в это веришь, то я ничего не могу поделать. — Он шагнул к двери сарая, но остановился. — И если ты беспокоишься, что я скажу или сделаю что-то странное на работе, то не стоит. Ты заслуживаешь самого лучшего первого года работы, и я не собираюсь делать что-то, чтобы помешать.

— Спасибо, — пробормотала я.

— До свидания, Софи.

— До свидания, Уильям.

Когда я смотрела, как он выходит из сарая, мою грудь пронзила боль, на секунду парализовав легкие. Дышать стало чертовски сложно. Я знала, что иного выхода, кроме как попрощаться не было, но все это было чертовски больно.

Следующие несколько недель пролетели быстро. С каждым днем в классе я ощущала себя все увереннее, чувствуя, что нашла дело всей жизни. Безусловно, практикуя как Домина, я получила те самые навыки, которые позволили мне уверенно стоять перед классом. А студентам потребовалось всего несколько дней, чтобы понять, что я под них не прогнусь — не смотря на возраст и отсутствие опыта.

Конечно, был кое-кто, кто мог пошатнуть мою уверенность. Уильям. Требовалась железная воля, чтобы сохранять контроль всякий раз, когда я его видела.

После того, как он пришел ко мне домой, мы старательно держались друг от друга подальше. Но, несмотря на то что он обещал, ситуация выглядела максимально странной.

Было что-то крайне раздражающее в том, что мы виделись вне клуба. И причина была не только в том, что Уильям являлся постоянным напоминанием о прошлой жизни, которую я желала оставить позади. Я ощущала его присутствие физически.

Вспоминать его губы и язык на моей груди и между ног, и то, как он наполнял и растягивал меня своим членом, оказалось почти болезненно. А как еще реагировать на мужчину, с которым у тебя был лучший в жизни секс? Тем более он тот, кто каким-то образом сумел разрушить стену, которую я старательно строила вокруг себя.

В общем, нам весьма успешно удалось перейти на профессиональное общение.

Если мы сталкивались в офисе или в коридорах, Уильям всегда вежливо улыбался мне и здоровался — как и с любым другим сотрудником. Но за тщательно выстроенным фасадом я видела все. Он боролся с этими чувствами так же, как и я.

В окна моего класса стучал дождь. Но единственным звуком, эхом, разносившимся по комнате, был скрип моей ручки — я пробиралась через гору повествовательных эссе. Последний урок закончился около десяти минут назад, и сейчас шли утренние планерки у учителей.

Над головой пискнул интерком, и я подпрыгнула на стуле.

— Мисс Джеймсон? — раздался женский голос.

— Да? — ответила я, потерев грудь, чтобы успокоить бешено колотящееся сердце.

— Директор Фостер ждет вас в своем кабинете прямо сейчас.

Меня накрыло волной беспокойства.

— Уже иду.

Стук моих каблучков эхом отдавался от кафеля в коридоре. Толкнув стеклянную дверь кабинета, я заставила себя сделать несколько успокаивающих вдохов, потом рассеянно поговорила с несколькими людьми по пути. И, подойдя к двери секретарши Уильяма, легонько постучала.

Миссис Клири оторвала взгляд от компьютера, за которым работала. Должно быть беспокойство было написано на моем лице, поэтому она ободряюще улыбнулась.

— Все в порядке, дорогуша. Это не про то, как ты ведешь уроки. Дело в твоём брате.

Облегчение оказалось мимолетным, сразу сменившись тревогой и беспокойством. Я автоматически подумала о худшем и выпалила:

— Он пострадал?

— Нет, но в целом у него неприятности, — с застенчивой улыбкой ответила секретарь.

Паника, пульсирующая в моем теле, медленно испарилась, сменившись гневом.

— Ясно. — Я махнула рукой в сторону кабинета директора. — Можно войти?

Миссис Клири кивнула. Но ее слова заставили меня застыть на середине пути.

— Полегче с ним, милая. Ему приходится не сладко с... людьми твоего характера.

Упоминание об отце заставило мой гнев на мгновение рассеяться. Знакомая печаль заполнила грудь, заставляя меня бороться за дыхание. Не в силах посмотреть на миссис Клири, я просто кивнула в знак согласия. Выровняв дыхание, я пошла в кабинет Уильяма.

Открыв дверь, осмотрела комнату.

Мой босс сидел за столом, а Ансель — в кресле перед ним. При виде меня Уильям встал.

— Мисс Джеймсон, спасибо, что пришли. Пожалуйста, присаживайтесь. — Он указал мне на место рядом с Анселем.

Проигнорировав его жест, я обошла комнату и встала напротив Анселя.

— Ну, и что ты натворил? — требовательно произнесла я.

— Прикрыл себе спину, сис, — фыркнул он.

— Извини за поспешные выводы, но, по моему опыту, в кабинет директора за хорошими новостями не ходят, — брат открыл рот, чтобы возразить, но я подняла руку, останавливая поток речи. — Не пытайся спорить, что ты мог прийти сюда из-за стипендии. Миссис Клири уже сказала, что у тебя неприятности.

Ансель повернулся и посмотрел на меня в упор. Левая сторона его лица была покрыта царапинами и ссадинами.

— Что случилось? — ахнула я.

Уильям прочистил горло.

— Присядьте, пожалуйста.

— Не нужно говорить мне, что делать. Лучше бы сообщили, что мой брат ранен! — отрезала я.

В глазах Уильяма мелькнуло нечто темное, смешанное с удивлением. Нечто, что мигом заставило меня забыть о злости и беспокойстве за Анселя. В суете я совершенно забыла, что Уильям мой босс и включила Домину, начав им командовать.

— Господи, Соф, успокойся уже, — перебил Ансель.

Я сглотнула.

— Прошу прощения, директор Фостер. Мне не следовало говорить с вами таким образом.

На этот раз в глазах Уильяма мелькнуло веселье, а уголки губ слегка приподнялись, как будто он боролся с улыбкой. Он знал, как трудно мне было извиниться и подавить свою натуру.

— Понимаю, мисс Джеймсон. Однако в будущем, надеюсь, Вы будете помнить, что я ваш босс и заслуживаю уважительного обращения.

— Да, господин директор, — ответила я и заняла предложенное им место.

Ох. Вот так ирония. Уильям же серьезно думал, что звание «господин», как тогда, в кафе, не повторится. И посмотри, что мы сейчас делаем.

— Между переменами ваш брат поучаствовал в ссоре между классами.

— В ссоре? Я полагаю, это такой аккуратный способ сказать, что он подрался?

— В общем, да.

Я развернулась к Анселю.

— Три недели от начала учебы, и ты уже попал в неприятности. Как ты думаешь, в

личном деле это будет выглядеть хорошо? Думаешь стипендии дают хулиганам?

Ансель молча уставился вперед. Только вцепился в подлокотники кресла так, что побелели костяшки пальцев.

— Поскольку именно ваш брат ударил первым, мы вынуждены его отстранить.

— Отстранить? — произнесли мы с Анселем одновременно.

Уильям кивнул.

— Такова политика школы. Полностью отстраняется ученик, начавший драку, остальным запрещено посещать занятия.

Ансель подпрыгнул на месте.

— Но вы даже не знаете, что он сказал!

— Сядь! — приказала я.

— Но...

— Неважно, что он сказал, — покачала я головой. — Тебе не следовало его бить.

— Да он всегда о тебе хрень несет, Соф!

Я закатила глаза.

— Мы уже обсуждали это. Я говорила, что понравлюсь не всем, и некоторые будут нести чушь. Это неважно, просто игнорируй.

— Это не была просто чушь.

— А что тогда это было?

Ансель перевел глаза на Уильяма и тот неловко заерзал на стуле.

— Ансель? — окликнула я.

— Ладно. Он распинался о том, как драл бы тебя каждую ночь. В деталях. И сделал три фотки в классе. Не такие, знаешь, нормальные, а сзади, когда ты нагибаешься. Или спереди, когда отвечаешь другим, чтобы была видна грудь через блузку. — Ансель ударил кулаками по подлокотникам. — Он твои сиськи всем вокруг показывал!

Из меня вырвался сдавленный крик, а жгучее унижение обожгло кожу. Я быстро спрятала взгляд от Ансея, переведя глаза на свои колени. Просто невозможно было смотреть на него, а особенно на Уильяма. Но смущение быстро сменилось ощущением оскорбления. Меня предупреждали, что с учетом возраста и внешности вокруг будут ученики, которые могут влюбиться. Из-за этого мне пришлось тщательнее выбирать свой повседневный гардероб.

— Мне очень жаль, мисс Джеймсон, — прервал гробовое молчание Уилл. — Я знаю, что это вас расстроило.

— Очень, — прошептала я.

Рука Ансея сжала мое плечо, а потом медленно подняла мой подбородок, чтобы я на него посмотрела.

— Теперь ты понимаешь, почему я должен был сделать то, что сделал?

Протянув руку, я погладила брата по щеке. Той, что не была в ссадинах.

— Мне не нравится, что ты дерешься, хотя я очень ценю, что ты защитил мою честь.

— Пожалуйста.

— Но я хочу, чтобы ты пообещал — независимо от того, что обо мне говорят, ты не будешь драться и попадать в неприятности.

Ансель сжал челюсть, будто находился в отчаянии, но наконец кивнул.

— Ладно, черт с ним.

— Хорошо.

Потом я взглянула на Уильяма.

— В свете новой информации, — наклонившись вперед в своем кресле, сказал он, — я считаю, что наказание Анселя необходимо пересмотреть.

— Так я не отстранен? — переспросил тот.

— От школы нет. Но от занятий ты отстраняешься на неделю.

Ансель начал протестовать, но я потянула его за рукав, чтобы остановить.

— Вроде бы звучит честно. Спасибо, директор Фостер, за понимание и доброту.

Судя по выражению лица Анселя, он предпочел бы съесть немного навоза, с которым ему приходилось работать на конюшне, но, переборов себя, брат улыбнулся.

— Спасибо, директор Фостер. Я ценю, что вы выслушали меня и поняли, почему я сделал то, что сделал.

— Не за что, — ответил Уильям, потом взял один из блокнотов на столе и что-то нацарапал. Закончив, оторвал листок и поднялся. Обойдя стол, он протянул свои записи Анселю. — Можешь отнести записку своему учителю, потом забрать свои вещи и доложить службе безопасности.

Ансель заглянул в записку, но ничего не сказал. Просто быстро обнял меня, пока Уильям не вывел его из кабинета.

После того, как за моим братом закрылась дверь, я встала.

— Мне нужно у тебя кое-что спросить, и я хочу, чтобы ты ответил максимально честно.

Брови Уильяма приподнялись.

— Ладно.

— Ты смягчил наказание Анселя, потому что у тебя были скрытые мотивы?

— Ты имеешь в виду, что я надеялся, что ты меня вознаградишь? — спросил Уильям, скрестив руки на груди.

— Да.

— Сексуальные домогательства недопустимы. Студенты или сотрудники — все равно. Сейчас я хочу создать прецедент, чтобы ученики знали — сексуальные домогательства по отношению к учителю недопустимы. Преподавать и так достаточно тяжело, и вообще, никто не должен чувствовать себя униженным во время работы. — Он впился в меня глазами. — Особенно ты.

— И почему же я такая особенная?

Вместо ответа Уильям завел руку за спину. Щелчок замка, запершего нас внутри, заставил мое сердце бешено забиться.

— Мы больше не можем игнорировать происходящее.

— Что игнорировать? — спросила я, делая вид, что ничего не происходит.

Из груди Уильяма вырвался рык, и мои трусики моментально намокли.

— Не разыгрывай из себя скромницу, черт возьми. Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю.

— Вот почему, мне интересно, почему ты вообще об этом заговорил? — раздраженно выдохнула я. — Мы уже говорили об этом, Уильям. Забыл, как обещал, что все будет максимально обыденно?

— Я погорячился, когда пообещал такое. Последние три недели были чистой пыткой в самом худшем понятии этого слова. И не говори, что это только моя проблема. Я видел, что ты тоже мучаешься.

— Вообще не понимаю, о чем ты.

Он понизил голос, но его голос все еще был грубым и наполненным желанием.

— Точно так же, как Домина может прочесть сабмиссива, саб способен читать свою Хозяйку. Когда она счастлива или грустит... или когда борется со своими эмоциями.

Уильям притянул меня к себе, прижимая к своему телу. Его тепло прожгло ткань моего платья и прокатилось по коже жаром.

— Разве ты не должен попросить позволения прикоснуться ко мне? — попробовала сопротивляться я.

— Я устал от этого дерьма. Отчаянные времена требуют отчаянных мер.

Его рука скользнула вниз по моей спине и остановилась на изгибе ягодиц. Моя грудь потерлась о его грудь, соски затвердели от трения, превратившись в твердые вершинки, которые мгновенно болезненно заныли.

Его горячее дыхание обожгло мочку моего уха.

— Между нами глубокая связь.

— Еще раз, это всего лишь одни выходные с суперским сексом. Мне сложно назвать это чем-то, кроме «совпадение по физическому фактору», — зашпорила я.

— Это было больше чем «совпадение по физическому фактору», и ты это знаешь.

Протянув между нами руку, я крепко сжала твердеющий член, действуя прямо через брюки, заставив Уильяма застонать и толкнуться бедрами вперед.

— Вот сейчас — все, что я чувствую, это чистая физика.

— Потому что именно это происходит, когда я так близко. Когда я вижу тебя в коридоре, мне хочется встать на колени у твоих ног. Я хочу затащить тебя в ближайшую комнату, где смогу поклоняться каждому дюйму твоего тела. Лежа ночью в постели, я все еще чувствую твой вкус на своем языке. И когда я ласкаю свой член, мне хочется, чтобы на нем были твои руки и язык.

Его слова.

Близость.

Эмоции.

Они переполняли меня.

Мне показалось, что земля под ногами задрожала и сдвинулась, а комната начала вращаться.

— Софи, пожалуйста.

Черт подери, я так его хотела. Особенно, когда он умолял. В этот момент мне было совершенно все равно, что мы в его кабинете или что в соседней комнате сидит секретарь. И, честно говоря, это понимание заставило меня хотеть Уильяма еще больше.

Дальше я действовала на чистом инстинкте.

Неожиданно, но... о, боже, как же правильно. Мне было это необходимо. Но и он нуждался в том же.

Положив руки к нему на грудь, я оттолкнула Уильяма. Он открыл рот, чтобы возразить, но я схватила его за галстук и повела к столу, таща за собой, будто на поводке.

— Ты действительно хочешь называть меня именно так?

— Нет.

Я толкнула его в его же кресло.

— Ну так скажи... как?

— Прощу Вас... Госпожа.

Развязав галстук, я выдернула его из-под воротника рубашки и скомандовала:

— Руки за спину.

Уильям не спорил. Он наклонился вперед прямо в кресле, чтобы сцепить руки за спиной. Взяв галстук, я наклонилась над ним и быстро связала его запястья. Никаких причудливых узлов. Убедившись, что не нарушу кровообращение, я встала.

Под обжигающим взглядом Уильяма я медленно потянула вверх подол юбки. Потом взобралась к нему на колени, оседлала и начала вращать бедрами, пока не нашла идеальное место для того, чтобы тереться об эрекцию в его штанах. Вцепившись пальцами в широкие плечи Уильяма, я стала двигаться. Медленно.

— О, черт... Госпожа... — простонал он.

— Ш-ш-ш-ш... — выдохнула я, приблизив свои губы к его. А потом накрыла его рот своим, лизнув по контуру губ. — Впусти меня.

Поцелуи, сначала нежные и сладкие, быстро сменились отчаянными и требовательными. Наши языки переплелись, а стоны вырывались синхронно. Движение моих бедер стало быстрее, я так отчаянно прижималась влажным центром к его закрытому штанам члену. Обхватив плечи Уильяма руками, я толкалась сильнее. И снова чувствовала себя живой, даже если трахалась с парнем просто через одежду.

С приближением оргазма мне захотелось кричать, но я закусил губу и, дрожа, захныкала. Кончив и отдышавшись, я посмотрела на Уильяма.

— Хочешь кончить?

— Да, Госпожа.

— В штаны, как подросток?

Уильям хмыкнул и толкнулся вверх бедрами.

— Да, пожалуйста, Госпожа.

Запустив пальцы в его волосы, я прижалась к щеке Уильяма. Теплое дыхание возле уха заставило его вздрогнуть.

— Прости. Но я не могу.

— Что? — растерялся он.

Отстранившись, я мило улыбнулась ему.

— Скоро звонок, нужно привести себя в порядок, прежде чем я вернусь. В конце концов, мне нельзя опаздывать.

Он дышал прерывисто и быстро. Грудь Уильяма вздымалась, а я потянулась ему за спину и развязала руки. Поднявшись, бросила галстук ему на колени.

На его влажные колени, которые пахли мной.

— Спасибо за шикарный оргазм. Если пойдешь в туалет, чтобы подрочить, думай обо мне.

С раздувшимися ноздрями он уставился на меня, будто у меня выросла вторая голова.

— Ты реально вот так вот меня кинешь?

Я кивнула.

— Ох, ну ты прямо Ромео: «И ты уйдешь, меня не успокоив?». Прости, но вы оба пролетели.

Быстро заскочив в маленькую уборную в его кабинете, я поправила юбку и стерла размазанную помаду. Вернувшись, я обнаружила Уильяма, все еще сидящего в кресле, вцепившегося пальцами в подлокотники.

— Хорошего дня, — попрощалась я тошнотворно сладким тоном.

Остаток дня прошел будто в тумане. Как только схлынула эйфория, я поверить не могла, что вытворяла такое в кабинете у Уильяма. И даже не знаю, что хуже — то, что я, фактически, трахнула своего босса на рабочем месте или что оставила его с жестким стояком и мокрым пятном на брюках.

Конечно, отказ в оргазме был значимой составляющей отношений Д/с, но допустимо такое было только при полном согласии обоих партнеров. Уильям никогда не передавал мне свое право на оргазмы. И конечно, я сама никогда не соглашалась на отношения в формате Д/с, так что, думаю, такое обстоятельство отменяло все договоренности. Но в то же время то, что мы оба делали в кабинете Уильяма, так заводило.

Как только прозвенел последний на сегодня звонок, я схватила свои вещи и понеслась к запасному выходу. Я не осмелилась выйти через парадную дверь, потому что там как раз располагались офисы, а встретить сейчас Уильяма не хотелось бы. Хотя с учетом того, что мне предстояло его видеть почти каждый день до конца учебного года, это, конечно, было смешно. Думаю, я просто надеялась потянуть немного времени, чтобы тот остыл.

Вернувшись домой, я пошла в кабинет к папе, но нам совсем недолго удалось посидеть вдвоем. Раздался звонок в дверь.

— Кто там может быть, — с удивлением посмотрел на меня отец.

Гребаный ад! У меня была отличная догадка о том, кто стоял за дверью.

— Свидетели Иеговы? — предположила я, встав с кресла.

И неохотно направилась к двери.

Конечно же, там стоял Уильям.

— Серьезно?

— Нам необходимо поговорить.

— Ты про телефон когда-нибудь слышал?

Застав меня врасплох, он протиснулся в прихожую.

— Хватит игр, Софи. Нравится тебе это или нет, но нам нужно присесть и обстоятельно поговорить о наших отношениях.

Руки сами собой сжались в кулаки.

— Я бы прямо сейчас тебя отпинала, если бы не была уверена, что тебе понравится, — прорычала я.

— Солнышко, кто там? — спросил папа.

— Спасибо, блядь, большое. Теперь мне надо придумать, что ты тут вообще делаешь.

— Давай я объясню.

Прежде чем я смогла поймать его за руку, Уильям вошел в кабинет. Папа перевел взгляд с меня на гостя.

— У нас компания?

— Прошу прощения, что не позвонил заранее, мистер Джеймсон. Я — Уильям Фостер, директор школы, где преподает Софи, и ее начальник.

Уильям протянул руку для пожатия, а я вздрогнула. Но папа только улыбнулся.

— Не считите за грубость, мистер Фостер, но я просто не смогу протянуть руку так далеко.

На щеках Уильяма появился румянец, и я могла бы поспорить, что это от смущения.

— Прошу прощения.

Он шагнул ближе и мягко взял руку отца в свою ладонь. После рукопожатия тот положил руку папы обратно на его колено.

— Очень приятно с вами познакомиться. Мы не смогли встретиться лично в ваш прошлый визит.

И я, и Уильям взглянули на отца с удивлением. Он понимающе улыбнулся в ответ.

— Ансель говорил, что вы приезжали, чтобы посмотреть на ферму.

— Приезжал.

— Хотите осмотреться еще раз? — спросил папа с нотками поддразнивания в голосе.

— Вообще он приехал, чтобы прокатиться на лошади.

— Да? — переспросил Уильям и, уловив мой намек, быстро добавил. — А, да. Осмотрев ферму, я действительно очень хотел попробовать прокатиться.

Папа посмотрел на того с любопытством.

— Разве вы заядлый наездник?

На лице Уильяма появилось застенчивое выражение.

— Вообще-то я никогда не ездил верхом.

— Не ездили? — переспросили мы с папой в один голос.

— Нет. Не ездил. Поэтому просто обязан был приехать, чтобы попробовать.

— Я рад, что вы решились. Софи — опытный наездник и будет отличным учителем.

— Уверен, что это так, — улыбнулся Уильям моему отцу.

Взглянув на свое платье, я вздохнула.

— Пойду переоденусь.

— Наверное, мне тоже стоило бы, — заметил Уильям. И в ответ на мой скептический взгляд добавил. — У меня в машине есть джинсы.

— Смотрю, ты всегда готов, — пробормотала я в дверях, поворачивая к лестнице.

Переодевшись в джинсы и рубашку, я вернулась вниз, но Уильяма не нашла.

— Он в ванной, — подсказал отец, видимо уловив в моем взгляде вопрос.

Я собрала волосы в хвост и затянула резинкой с запястья.

— Я рад, что Уильям решил заехать.

— Мгм, — пробормотала я и посмотрела на себя в зеркало, висящее в холле.

— Мило, что он так интересуется... лошадьми.

Я заглянула в кабинет.

— Не думай, что обманешь меня. Я знаю, на что ты намекаешь.

— И что такого плохого в том, что парень заинтересован тобой?

— Я не готова сейчас об этом говорить, — убрав свой нос из кабинета, ответила я.

Папа только улыбнулся, и тотчас же появился Уильям.

Он сменил брюки на джинсы, но не снял черную рубашку на пуговицах. Просто закатал рукава до локтей, что по какой-то смешной причине показалось мне дико сексуальным.

— Готов? — уточнила я.

— Конечно.

— Мы скоро вернемся, пап. Если тебе что-то понадобится, у тебя есть мой номер.

— Не волнуйся, я справлюсь. Кроме того, скоро должен приехать Ансель.

Уильям придержал для меня дверь. Спускаясь по ступеням, я не смогла не спросить:

— Ты реально никогда не ездил на лошади?

— Нет, не ездил.

Я открыла рот, чтобы задать следующий вопрос, но Уильям покачал головой.

— Пожалуйста, давай без комментариев про выходцев из богатых семей и то, что это смешно.

— Молчу вообще! — я подняла руки в знак капитуляции.

— Уверен, что ты бы не промолчала, — ухмыльнулся он в ответ.

— Ладно. Может я сказала бы что-то похожее. Слегка.

— Я в курсе. Твой умный ротик не смог бы устоять.

Мы дошли до ограды пастбища, и я указала на одного из жеребцов, щиплющего траву.

— Повезло тебе. На пастбище сейчас Самсон. Отличный конь для начинающих.

— Это значит, что он не будет нервничать и не скинет меня?

— Именно.

Я открыла задвижку в заборе и подошла к жеребцу. Услышав шаги, он поднял голову и застриг ушами.

— Эй, хороший мой, хочешь сегодня покатать всадника? — Я почесала коня вдоль морды.

Потом взяла его под уздцы и отвела к забору, чтобы Уильям, ждавший снаружи, мог дотронуться до коня и подержать поводья.

— Знакомьтесь давайте, а я его пока оседлаю.

Мужчина нахмурился.

— Разве мне не надо дать ему морковку или что-то такое?

— Хочешь подкупить его едой, чтобы задобрить? — рассмеялась я.

— Возможно.

— Сейчас принесу пару кубиков сахара.

— Спасибо, — ухмыльнулся Уильям.

— Самсон, я Уильям. Как ты сегодня? — услышала я, поднимаясь вверх по холму, к сараю, и не смогла сдержать улыбку.

Схватив седло и положив несколько кубиков сахара в боковой карман, я направилась обратно к Уильяму и Самсону. Все вроде шло хорошо. Уильям почесывал коня между ушами.

— Кажется вы подружились, — заметила я, идя к этим двоим вдоль забора.

— Да, точно. И, чувствую, сахар поможет скрепить дружбу.

Я рассмеялась и водрузила седло на спину Самсона, а потом достала из сумки сахар и передала его Уильяму.

Хрупанье сахара, которым хрустел Самсон, заполняло мои уши, пока я затягивала подпругу.

— А какой он породы? — уточнил Уильям.

— Арабский гнедой, — и, поскольку Уильям выглядел так, будто я начала говорить по-гречески, пришлось пояснить. — Гнедой — значит, что он красновато-коричневого окраса с черной гривой, хвостом и нижней частью ног. А арабский скакун — это порода.

Уильям отдал Самсону последний кусочек сахара.

— Интересно.

Я затянула подпругу как надо и посмотрела на Уильяма.

— Готов?

— Как никогда раньше.

— Ладно. Тогда первое, что ты делаешь, — кладешь левую руку на гриву, а правой держишься за луку седла. — Когда Уильям так и сделал, я продолжила. — Теперь ставь

левую ногу в стремя и перекидывай правую через седло.

Уильям начал подтягиваться.

— Аккуратно, — добавила я, — не пни его.

— Я постараюсь это учесть, когда буду приземляться.

— Но у тебя замечательно получается, — рассмеялась я.

В этот момент Уильям оказался в седле и продел обе ноги в стремяна.

— Ну и как оно?

— Хорошо, — кивнул он, — хотя ощущение, что я сейчас свалюсь.

— Ты привыкнешь. Теперь бери поводья. Я повожу его по кругу, чтобы ты мог привыкнуть.

— Хорошо.

Я потянула Самсона вперед за уздечку и тот пошел. Уильям по инерции отклонился назад.

— Бля.

Оглянувшись назад, я рассмеялась.

— Ты никуда не денешься, ковбой.

— Хотелось бы тебе верить.

— Уж поверь. Это приказ.

Он легонько улыбнулся.

— Да... Госпожа.

— Поверить не могу, что ты меня сейчас так назвал.

— Ну, если так подумать, то, что ты сейчас делала, было похоже на проверку безопасности до сессии. Не говоря уже о том, что я переступил сейчас одно из своих табу.

— Езда на лошади — это табу?

На его лице отразилась застенчивость.

— Это связано с моим отношением к высоте.

Я резко остановилась.

— Ты что, высоты боишься?

Уильям закатил глаза.

— Ну спасибо, что заставила меня почувствовать себя истеричкой.

— Извини, — улыбнулась я, — но ты выглядишь так, будто не боишься ничего. Не говоря уже о том, что я тебя встретила на спуске с горы.

— Это другое. Мне не нравится определенное ощущение. Я могу взойти на гору, если под ногами будет твердая почва, так что, смотря вниз, я не буду ощущать себя в высоте. Но на лошади очень хорошо заметно, что есть куда падать.

— А ты уверен, что дело в этом? — попробовала нажать я, снова начиная шагать вперед вместе с Самсоном.

— Что ты имеешь в виду?

— Я просто подумала, что, возможно, в глубине души ты боишься лошадей, а не высоты.

— Это смешно. Зачем кому-то бояться лошадей?

— Я боялась. Давно.

— Серьезно?

Я кивнула.

— Мне было десять, когда я упала из седла Белль, своей лошади. И сломала руку. После этого много времени прошло, прежде чем я снова смогла ездить.

Уильям застыл, обдумывая мои слова.

— Ладно. Это правда, я боюсь лошадей.

— Ха, я знала!

— Но, как и в твоём случае, страх появился после падения.

— Сколько тебе было?

— Пять, — вздохнул Уильям. — Это был мой день рождения. Мама наняла человека, который катал детей на пони. Я был очень нервный, потому что жил в городе и не видел лошадей. Ну и, конечно, потребовал быть первым, кто станет кататься.

— Избалованный негодник.

— Целиком и полностью виновен, — с усмешкой заявил он. — Не знаю, почему мама позволила мне командовать.

— Потому что несмотря на то, что ты был засранцем, ты был очень милым. Уверена.

— Наверное.

— И что случилось?

— В общем, тот человек посадил меня на пони, и я поехал по кругу. Проехал раз и захотел быстрее, хотя мне это запретили. И вот я сжал бока этого пони и шлепнул его по крупу. Естественно, ему не понравилось, и он решил сделать все сразу — и понести, и сбросить меня одновременно.

— Я бы еще раз назвала тебя негодником, но, думаю, ты уже достаточно наказан.

— О, да! Пока другие дети были на празднике и отмечали мой день рождения, я сидел в скорой, где мне накладывали гипс на руку и ногу.

У меня приподнялась бровь.

— У тебя было два перелома?

— Пони сбросил меня и отступил назад, прямо на мою ногу. Еще немного и перелом был бы осколочный.

Я не могла не поморщиться от этой мысли.

— Бедный. Неудивительно, что ты боишься ездить верхом.

— Я смог вернуться в седло только через двадцать семь лет.

— Тебе необязательно было начинать сегодня. Можно было соврать папе и просто сказать, что ты уже катался.

Уильям покачал головой.

— Мне хотелось посмотреть в лицо своему страху, и я знал, что ты сможешь мне помочь лучше, чем кто-либо другой.

— Для меня много значит то, что ты настолько веришь в мою способность тебя защитить.

— Знаю, ты думаешь, будто я недостаточно тебя знаю, чтобы так доверять. Но я знаю, что ты не позволишь ничему со мной случиться. Ты приложишь все силы для этого.

— Верно, — улыбнулась я. — Приложу. Но ты и сам великолепно справляешься.

— Думаешь?

— Знаю.

Он дерзко улыбнулся.

— Для того, чтобы преуспеть, когда тебя ведут — большого мастерства не требуется.

— Ну, я как раз собиралась сказать, что ты достаточно хорош, чтобы попробовать ездить самостоятельно.

Улыбка исчезла.

— Уверена?

— Да. Почему бы нет?

Уильям пожал плечами.

— Смысла откладывать нет, я думаю.

— Уверена, можно не говорить тебе, что сильно сжимать бока Самсона бедрами, чтобы двинуться вперед — плохая идея.

— Поверь, — рассмеялся он, — этот урок я усвоил.

— Отлично.

Уильям продолжал выглядеть неуверенно, потому я спросила:

— Хочешь, чтобы я с тобой поехала?

Он с удивлением поднял брови.

— Серьезно?

— Конечно. Пока ты не поймешь, что делать.

— Хочешь сесть впереди или сзади?

— Впереди, — заявила я и с дерзкой усмешкой добавила, — я всегда впереди и сверху.

— Туше, — рассмеялся Уильям.

— Отсядь назад, — скомандовала я и подтянулась, чтобы забраться в седло, взявшись за луку. Я очень старалась не ударить ногой Уильяма по голове. — Ладно, теперь обними меня.

Как всегда, он последовал инструкции дословно, обхватив меня обеими руками. Я вручила ему поводья.

— Несмотря на то, что мы с тобой в ковбойском седле, я собираюсь тебя научить управлять лошадью двумя руками, как это принято в езде на классическом.

— А как принято управлять поводьями в ковбойском седле?

— Обычно одной рукой, но я думаю, тебе будет комфортнее управлять двумя.

— Звучит хорошо.

— Теперь заставь Самсона идти вперед.

Уильям мягко сжал бедрами бока Самсона, заставив лошадь тронуться вперед, по кругу.

— Мне нравится, — отозвался Уильям сзади.

— Ты реально так думаешь или просто так говоришь?

Тот рассмеялся, и этот звук дрожью откликнулся во мне — так тесно мы были прижаты друг к другу.

— Я реально так думаю.

— Рада это слышать.

— Наверное, в следующий раз я смогу проехать сам, — услышав в голосе намек, я слегка напряглась, и он уловил это сразу же. — Судя по твоей реакции, лучше сказать, что следующего раза не будет.

— Я этого не говорила.

— Тебе и не требуется.

— Ты, я, моя жизнь и работа... все сложно, — вздохнула я.

— А ты не усложняй.

— Думаю, что это стало невозможно в тот момент, когда ты зашел в класс и сказал, что являешься директором школы.

— Знаешь сколько раз за прошедшие три недели я жалел, что согласился на эту работу?

— Но для тебя это хороший шанс. Быть директором лучше, чем его ассистентом.

Его голос был полон сожаления.

— Нужно было в Росвелле оставаться.

— Кто знает, сколько бы ты ждал повышения там. В том районе мало хороших школ. В лучшем случае тебя бы ждала одна из школ для трудных подростков в городе.

— Вместо школы номер один в какой-то глухомани? — возразил он.

Ну, может Милтон не самая привлекательная школа, но это лучше, чем постоянная угроза жизни, вход через металлодетектор и риск быть убитым. У нас оружие в школу в последний раз приносили по ошибке, и то после выходных на охоте.

— Я бы справился с самой тяжелой работой, если бы это значило, что у нас не будет сложностей в отношениях.

Я как раз собиралась возразить, что никаких «нас» не было, когда Джордж — старая гончая моего отца, вместе с моей Оукли появились из-за угла и бросились на нас, лая и твякая в знак приветствия. Шум слегка встряхнул спокойного Самсона, заставив его отступить. У такой опытной наездницы как я проблем не возникло, а вот Уильяма ситуация застала врасплох. Он потерял равновесие и отпустил мою талию.

Потом размахивая руками, соскользнул с жеребца и упал в грязь, оставшуюся от чистки загонов.

Уведя Самсона от этого места, я спешила и бросилась к Уильяму.

— О, Господи, ты в порядке?!

— О, да, зашибись, — пробормотал он.

Рассмотрев его, я фыркнула. Он был буквально покрыт грязью.

— Ладно. Давай сюда.

Я протянула ему руку.

Яростно тряхнув головой, Уильям оттолкнул мою ладонь.

— Думаю, на сегодня хватит. Ты достаточно надо мной поиздевалась.

Его очевидное смущение только заставило меня смеяться сильнее.

— Не смешно, — отрезал он.

— На самом деле, очень.

— Думаешь, быть грязным так весело?

— Вообще, я уверена, что там не только грязь, но и лошадиные какашки, — просветила я.

Он склонил голову на бок и посмотрел на меня.

— Ну уж извини. Думаешь, забавно быть в грязи и лошадином дерьме?

— Ну вообще думаю, что да.

Даже не поняла, как это произошло, но Уильям схватил меня за протянутую руку и резко дернул на себя. Я вскрикнула и врезалась в него, но мужчина перевернулся, позволив мне упасть в грязь рядом с ним.

— Ах ты говнюк! — завопила я и одновременно его ударила.

— Ну что, уже не так и смешно? — ухмыльнулся он.

Я шлепнула его по лицу.

— О-о-о! Ты заплатишься!

В его глазах блеснула похоть.

— Валяй.

— Думаю, самое подходящее наказание — никакой сессии.

Уильям наклонился, приблизив свое лицо к моему.

— Вы можете быть такой жестокой, Госпожа.

А потом впился в мои губы своими. Одной рукой он запутался в мокрых от грязи прядях волос, а другой — потянулся к моей груди. Страстный поцелуй заставил меня ахнуть от удовольствия и, пока его язык ласкал мой, пальцами он крутил мой сосок.

Я погрузилась в ощущения, и мне было все равно, увидит ли нас хоть кто-то. То, что Уильям творил языком, вызывало благоговейный трепет. Я боролась с желанием стянуть джинсы и позволить ему делать с моей киской то же, что он сейчас проделывал с моим ртом.

Уильям уже собирался устроиться между моих бедер, когда послышался звук захлопнувшейся двери машины, и отпрянул.

— Это что, Ансель вернулся?

Я кивнула и поднялась.

— Как раз в это время он возвращается после тренировки. Пойдем. Нам нужно помыться.

— Я не могу к тебе в таком виде заявиться. Всю грязь разнесу.

— Вот. Именно поэтому у нас есть душевые.

— О, понятно.

Осторожно выбравшись из грязи, я повела Уильяма к задней двери амбара. Возле папиного офиса была еще одна дверь, похожая на вход в кладовку. Но вела она в маленькую комнату с цементным полом и водостоком. Кроме того, там был не один душ, а два — папа не только сам тут мылся, но также мыл и своих собак.

Включив воду, я подставила ладонь под струю, чтобы проверить температуру. Учитывая, что трубы были очень старыми, пришлось подождать, пока вода нагреется. Когда я поняла, что все готово, то повернулась к Уильяму.

— Можешь принять душ.

— Хорошо.

Он начал раздеваться, и я сняла рубашку через голову. С джинсами и бельем оказалось уже сложнее. Стягивать мокрые штанины пришлось со значительными усилиями, я пару раз даже недовольно зарычала.

— Давай я отнесу грязное.

— Держи.

Едва я вернулась назад, Уильям подхватил меня и прижал спиной к стене душа. Его взгляд был полон вожделения.

— Ну и что ты сейчас делаешь?

— Ты мне должна.

— Что, прости?

— О, ты точно знаешь, что я имею в виду.

— Ты сейчас про влажные штанишки, мистер?

— Именно.

— Ну извини. Ты же хотел поиграть. Так что, как твоя Верхняя, я и отдавала приказы.

— Ты не моя Верхняя, и мы не играли. — Он наклонился и прикусил мочку моего уха, заставив вздрогнуть. — Но я бы поиграл сейчас.

— М-м-м-м-да? Думаю, где-то тут была веревка, могу тебя связать.

— Нет. Я не хочу, чтобы ты была сВерху. Я хочу быть сВерху.

Блеск в его глазах и то, что он говорил, заставили меня намокнуть. И я не о воде из душа.

— Что ты задумал, м?

— Положи ладони на головку душа.

Я в шоке округлила глаза.

— Так ты серьезно?

На его лице появилась коварная усмешка.

— Черт побери, да. Я хочу побыть твоим Верхним.

— Думаешь, ты свитч?

— Может быть.

— Если даже ты свитч, я — не саба.

— М-м-м-м... А мне нравятся вызовы. — Он гордо поднял голову. — Теперь положи ладони на головку душа.

— А если я откажусь?

В ответ он просунул руку между моих ног и начал гладить вдоль половых губ, задевая клитор. Я задохнулась. Ох, блядь, как же Уильям был в этом хорош.

— Если ты не положишь свои ладони на головку душа, я сделаю то же самое, что ты сделала со мной сегодня — не дам тебе кончить.

Чтобы доказать свои намерения тот убрал свою руку, и я расстроено всхлипнула. А он поднес пальцы к своим губам и медленно скользнул по ним языком — вверх и вниз.

— М-м-м... ты такая вкусная. Думаю, я бы вылизал твою киску. Но... — он щелкнул языком, — я не смогу этого сделать, если ты не подчинишься.

— Ублюдок, — пробормотала я, но он только ухмыльнулся.

Несмотря на то, что все во мне вопило от негодования, я медленно подняла руки над головой и обхватила головку душа пальцами, вызывающе уставившись на Уильяма.

— Моя хорошая девочка.

Я одернула руки назад и погрозила ему пальцем.

— Не смей называть меня так!

Я едва успела произнести это, как Уильям снова просунул руку мне между ног и начал гладить клитор большим пальцем, вставив внутрь еще два. Он снова умело подводил меня к оргазму — все ближе и ближе.

— Будь хорошей девочкой и не убирай руки с душа.

Я знала, что он снова не даст мне кончить, потому разочарованно хмыкнула и подняла руки вверх. Как только мои пальцы коснулись стальной поверхности, Уильям добавил внутрь третий палец, и я непроизвольно начала двигать бедрами в такт его движениям. Когда я была уже готова кончить — он убрал руку.

Я приготовилась открыть рот, чтобы запротестовать, но он опустил на колени и подтянул мою ногу ближе, закинув себе на плечо, а потом приник ртом к моей киске.

— О, Боже, — промурлыкала я.

Но только я отпустила эту чертову лейку и зарылась пальцами в его волосы, Уильям остановился.

Сжав зубы, я подняла руки над головой, и он продолжил сводить меня с ума. Уильям широкими движениями проходил языком по моему клитору — с посасываниями и покусываниями — да, он использовал зубы. И когда кончила от его рта, я вцепилась пальцами в эту чертову душевую головку, как за соломинку утопающий, а с губ самовольно сорвалось:

— Уильям!

Но передохнуть тот мне не дал. Вместо этого Уильям поднял меня на руки и понес к куче тюков свежего сена, сложенных у дальней стены. Там поставил меня на ноги и наклонил над одним из них. Из-за возбуждения я не обратила внимания на то, что сено колело и царапало кожу.

Схватив меня за бедра, Уильям раздвинул мои ноги и погрузился внутрь одним быстрым толчком. И начал двигаться внутри. Я вцепилась в тюк. Это было так чертовски приятно. Сексуальное возбуждение от его доминирования было так велико, что, стоило ему только погладить мой клитор, как я практически мгновенно кончила.

Парень скользнул рукой по моей спине и схватил за волосы, а потом резко потянул. От одновременных боли и удовольствия я застонала, что заставило Уильяма мгновенно остановиться и выйти из меня.

— Ты в порядке?

Я оглянулась через плечо и ухмыльнулась.

— Да. Только давай сильнее.

— Сильнее потянуть тебя за волосы?

— Сильнее все сразу.

— Да, мэм.

Он нежно поцеловал меня в лопатку, а потом укусил туда же, дернул за волосы и снова вошел в меня.

— О, да, Уильям! Да! — простонала я.

Там, где он держал за волосы, кожу покалывало. Каждое нервное окончание ожило и требовало прикосновения его пальцев. Мое дыхание стало прерывистым, и не было смысла отрицать, насколько сильно мне нравилось такое грубое обращение. Теперь я могла понять, почему некоторым так нравится жесткий секс, смешанный с болью.

Воздух пропитался запахами секса и пота, а звуки шлепков заполнили пространство. Пожалуй, потом нам снова нужно в душ, чтобы смыть пот. Ну, и сено.

Взяв за плечи, Уильям притянул меня к себе и прижал к груди. Давление от его ладоней на бедрах оказалось восхитительно-болезненным, пока тот продолжал наполнять меня толчками. Затем Уилл скользнул рукой от талии к груди. Уильям ущипнул меня за сосок, и я застонала. Оргазм почти накрыл меня и, по напряжению его тела, я поняла, что он тоже близок.

Заведя руки за спину, я положила ладони ему на задницу и вонзила ногти в кожу. Этой боли было достаточно, чтобы подвести его к самой грани. Мы кончили одновременно — это был мой второй оргазм.

Уильям рухнул спиной на сено, утягивая меня за собой. Там мы и остались на пару минут, стараясь перевести дыхание.

— Шикарно вышло.

— В точку, — я все еще не могла восстановить дыхание.

Приподнявшись на локтях, Уилл пристально посмотрел на меня.

— Ну что, понравилось быть сабой?

— А тебе Домом?

Он ухмыльнулся.

— Я первый спросил.

Я протянула руку, чтобы убрать из его волос сено.

— Вообще было не так уж плохо.

— Ты два раза кончила и «это было не так уж плохо»?

— Ладно, ладно, — рассмеялась я и толкнула его в плечо своим, — это было чертовски сексуально. А тебе как?

— Мне понравилось. В смысле, я не смогу доминировать все время, но указывать тебе, что делать нереально заводит.

— Думаешь, тебе захочется попробовать другие практики, или все ограничится командами и отказом в оргазме?

— Ты имеешь в виду, захочется ли мне тебя связать?

— Да.

— Может быть, — он задумался. — Я не хочу использовать флоггер или плеть. Не хочу тебе навредить.

Забота в его голосе заставила меня улыбнуться.

— Не думаю, что мне самой такого захочется. Может только будешь шлепать меня хорошенько иногда.

Он удивленно посмотрел на меня.

— И ты серьезно мне разрешишь?

— Конечно. Если ты не будешь меня называть «хорошей девочкой».

— Я постараюсь запомнить.

— Уж пожалуйста.

Уильям выскользнул из меня и пробормотал:

— Ох, черт.

Поскольку это прозвучало совершенно не как выражение удовольствия, я решила переспросить:

— Что такое?

— Я не использовал презерватив.

— Мы оба проверялись в клубе. У меня точно нет никаких ЗППП.

— Слава Богу, — выдохнул он с облегчением.

— Боишься, что я тебя чем-то заражу? — поддела я.

Уильям покачал головой.

— Больше боюсь, что ты забеременеешь.

Ответ меня удивил.

— Ты вроде говорил, что не хочешь практиковать пытки члена, потому что хочешь иметь детей.

— Хотел и хочу.

От этой фразы пострадала не только моя гордость, но и чувства. В конце концов, он говорил, что готов к тому, чтобы завести семью. Вот только, получается, тот не имел в виду отношения со мной.

— Что не так?

— Ты хотел бы детей, вот только не со мной.

Глаза Уильяма расширились.

— Я не это имел в виду.

— Ну да. Конечно.

Я хотела встать, но он потянул меня к себе.

— Софи, я бы очень хотел детей с тобой. Когда-нибудь. Завтра. Вообще в целом. В тебе море любви и заботы, и я даже себе представить не могу, какой замечательной мамой ты

станешь. Но я не могу поступить так, потому что не хочу принуждать тебя выходить замуж по залету.

У меня даже рот открылся от удивления.

— Ты серьезно?

— Конечно. Я хочу, чтобы ты была со мной потому, что тебе хочется быть со мной. А не потому, что у ребенка должен быть отец. — Выражение лица Уильяма стало еще более серьезным. — Может как раз сейчас лучший момент, чтобы обсудить наше будущее.

Я закатила глаза.

— Вот почему ты всегда начинаешь такие разговоры, когда мы голые?

— Может это совпадение. Или в обнаженном виде мы более уязвимы и не сможем спрятаться за одеждой, и потому разговор выйдет свободным?

— Какая глубокая мысль.

— Я полон глубоких мыслей, пришла пора тебе это узнать.

— Я знаю, ты еще можешь быть чертовски глубоким, когда находишься во мне.

— Может ты прекратишь отвлекать меня сексуальными намеками, — прорычал Уильям.

Я подняла руки вверх.

— Ладно, извини.

— У нас все получится, я уверен, — он покачал головой в ответ на мой скептический взгляд. — У нас только что был потрясающий секс, где мне не нужно было быть снизу и не нужно было ощущать боль, чтобы кончить.

— Но ты мог просто войти в роль. Просто потому, что должен был.

— Раньше я так и делал. Но у нас отличный секс, просто шикарный, и все это не нужно. С тобой. И если ты устанешь или не захочешь быть Доминой, я запросто смогу удовлетворить свои потребности в клубе. Если тебе такое приемлемо.

Ну уж, блядь, нет. Я не могла поверить, что он только что предложил такое.

— Чтобы ты кончал для другой? Это что, похоже на здоровые отношения? — я с отвращением фыркнула.

— Значит я не пойду в клуб. Это было просто предложение, если тебе будет в тягость время от времени проводить сессии со мной.

— Ладно, давай на минутку представим, что я согласилась. Но ты вообще помнишь, кто мой босс? Как ты вообще представляешь себе отношения такого типа в маленьком городке?

Уильям задумчиво пожевал соломинку и через пару мгновений ответил.

— До конца года мы можем встречаться тайно. Ты можешь подать заявление о переводе в другую школу или район. И когда мы не будем начальником и подчиненной, будет возможность встречаться уже открыто. Там уже и на слухи все равно.

— А почему это я должна переводиться из Милтона?

— Тебе проще найти место. А я директор, куда меня распределить решает школьный совет.

В его словах был смысл, но я все еще упрямылась. Мне не нравилась сама идея.

— Ну не знаю. Стоит ли рисковать до конца года?

На лице Уильяма появилась боль.

— Может хотя бы попробуем?

Мне не хотелось отвечать на этот вопрос. По крайней мере до тех пор, пока внутри не закончат бороться ангел и демон.

— Я уже говорил и готов повторять бесконечно. У нас с тобой глубокая связь. Не только как у Домины и саба, а гораздо глубже — физически, эмоционально. Возможно даже духовно, — Уильям положил мне ладонь на область сердца. — Скажи, почему ты не хочешь впустить меня вот сюда?

— Потому что все, кто побывал там, уходят, — прошептала я.

— Но я обещаю, что не уйду.

Я грустно покачала головой.

— Ты не можешь этого обещать.

— Тогда давай это будет клятвой, как на свадьбе. «Пока смерть не разлучит нас». — Он взял мое лицо в свои руки. — Я не покину тебя, пока это будет возможно, или пока ты сама не прикажешь мне уйти.

Мне хотелось ему верить больше всего на свете. И мне очень хотелось быть с ним.

— Ладно, давай попробуем.

На минуту он завис, уставившись на меня, будто не понял, правильно ли расслышал.

— Серьезно?

— Я буду твоей девушкой. В тайне. И мы будем прятаться по углам, словно это какой-то запретный роман.

— Не говори так.

— Почему? Это же правда.

— Не правда. Когда ты так говоришь, все выглядит как убогая дешевка.

— Боже упаси, — рассмеялась я.

— Вот именно. — Уильям приблизил свои губы к моим. — Все получится, вот увидишь.

И, к сведению, я собираюсь сделать тебя такой счастливой, что все сомнения исчезнут.

Выражение его лица было таким серьезным, что я улыбнулась.

— Надеюсь, так и будет.

От громкого стука в дверь мы оба подпрыгнули.

— Ребятки, вы там одеты? — завопил Ансель.

— Ну-у-у... — затянула я.

Послышался звук, словно кого-то нещадно тошнит.

— Как закончите прелюбодействовать и оденетесь — идите в дом. Папа хочет с нами поужинать.

Я закатила глаза и встала, направившись выключать все еще работающий душ.

— Ладно. Сейчас придем.

Удаляющийся смех подсказал, что Ансель отошел от амбара.

— Прелюбодействовать, да? — спросил Уильям.

Я вздохнула.

— Мой дедушка был баптистским священником, проповедовал в лесах Алабамы. Ему нравилось использовать это слово, когда он читал нотации мне или Анселю.

Уильям усмехнулся.

— Вот это да, ты — внучка священника?

— Ну вообще-то, да.

— Только я подумаю, что сюрпризы закончились — ты сразу подбрасываешь мне что-то эдакое.

Я рассмеялась.

— Ну, мы с дедом не настолько близки. Папины родители были слишком обидчивыми.

Мы видимся только на праздники.

— Ну, несмотря на это, когда ты сквернословишь в образе Домины — ты очень впечатляешь.

— Я — человек верующий. Просто не тычу своей верой в людей, как дед.

— И хорошо. Ты не обязана быть фанатиком, как он. Позволь себе сиять.

— Ого. Теперь мы голые говорим о вере. Кажется, пора срочно одеваться, пока в сарай не шарахнуло молнией.

— Или не вернулся Ансель, чтобы к нам пристать, — усмехнулся Уильям.

— И я не уверена, что из этого было бы хуже.

Я открыла сушилку и поморщилась. Несмотря на то, что я поставила 50 оборотов, вонь от нашей одежды могла убить.

Протянув джинсы Уильяму, я увидела его помрачневшее лицо.

— Черт побери, как я их надену, когда они воняют конским навозом?

— А как еще ты планировал дойти до дома, где у тебя лежат запасные штаны, — рассмеялась я.

— В полотенце? Я готов облачиться даже в попону.

— Ну конечно. Давай. Завернись в полотенце и разрушь остатки репутации моего отца.

— Уверен, он бы понял нежелание надевать одежду, провонявшую дерьмом.

— Не знаю, — пожала плечами я. — Думаю, ты можешь спросить его сам.

Разочарованно кряхтя, Уильям неохотно надел джинсы.

— Ладно, брюки на мне. Но рубашку надевать не стану.

Услышав, как он говорит, будто капризный ребенок, я усмехнулась.

— Ладно, я одолжу что-нибудь у Анселя, когда мы вернемся в дом.

Накинув вонючую одежду, мы направились в дом, где хотели попытаться прокрасться наверх через заднюю дверь. Но планам помешали папа и Ансель, сидящие за кухонным столом. Как только мы вошли их лица стали недоуменными.

— Черт возьми, от вас двоих воняет. Вы что, ребята, копались в лошадином дерьме?

— Ансель! — перебила я.

— Я упал с Самсона и утянул Софи за собой, — вступился Уильям.

Я скрестила руки на груди.

— Вообще-то, он упал, а когда я начала над ним смеяться, утянул меня за собой в кучу грязи.

Уильям хмуро посмотрел на меня. Думаю, тот не хотел выглядеть говнюком перед папой, но плохо того знал. Отец смеялся так, что не мог остановиться, пока не закашлялся.

Мы с Анселем привыкли к такому, а вот Уильям начал ходить вокруг, заламывая руки в желании помочь папе.

— Все нормально. Дай ему пару минут, он справится, — подсказала я тихо.

Уильям кивнул, но я точно могла сказать — он переживает, что не может помочь.

Отдышавшись, папа улыбнулся.

— Извините.

— Пожалуйста, не извиняйтесь. Я волновался за вас.

— Говоря о мышечной дистрофии, все представляют только руки или ноги. Но забывают, что диафрагма — тоже мускул. Легкие не сжимаются сами по себе, им требуется помощь. И когда диафрагма ослаблена — как у меня — можно столкнуться со всякими забавными моментами, например, как этот кашель, или повышенная восприимчивость к

пневмонии и легочным инфекциям. Ну и самое худшее — удушье, потому что диафрагма не может вытолкнуть углекислый газ из легких.

Уильям покачал головой.

— Чертовски хреновые забавные моменты, сэр.

— Ну да, так и есть, — улыбнулся папа. — Но хватит этой депрессивной херни. Вы двое переоденьтесь и почистите одежду, а Ансель пока поможет мне поесть. Но я все еще жду, что вы останетесь на ужин.

Уильям скосил на меня взгляд, чтобы увидеть реакцию. Увидев кивок, ответил:

— Звучит чудесно. Спасибо за предложение.

— Отлично, — папа перевел взгляд на меня. — Софи, дай Уильяму рубашку Анселя.

Возьми в шкафу.

— Я так и хотела сделать.

Ансель начал нарезать лазанью, приготовленную Сьюзи.

— Никогда не думал, что буду с директором шмотками делиться.

Мы все рассмеялись, а затем я с Уильямом пошла на второй этаж. Уже наверху заметила, что он хочет что-то спросить, но не решается.

— Что такое?

— Твой отец сказал, что Ансель поможет ему поесть. Он больше не может делать это сам?

— Ты уже видел, у него плохо двигаются руки. Отказали до локтя. Через пару месяцев он будет похож на парализованного. Пока он может кушать, но нужно нарезать ему еду. Хотя отец уже не ест что-то типа стейка. А так у него не хватит сил даже порезать листы лазаньи, которая у нас на ужин.

— Для мужчины, который был так активен, это, наверное, как агония.

— Да. Но он прячет от нас боль или депрессию, если она у него есть.

— Теперь понятно, откуда у тебя такая удивительная сила, — грустно улыбнулся

Уильям.

От его слов я внезапно покраснела.

— Понятия не имею.

— Зато мне все видно.

— Я просто знаю, что он имеет право злиться или испытывать горечь, но папа только улыбается и относится ко всему с позитивом. Он всегда был таким, так что, я думаю, это всего лишь способ не дать выиграть докторам.

— Просто показатель большого мужества и непреклонности характера.

Я отвела Уильяма в комнату Анселя, которая выглядела далеко не как комната обычного подростка.

— Подумать не мог, что Ансель такой педант, — заметил Уильям, когда я протянула ему простую белую рубашку на пуговицах.

— У него ОКР. И ты не представляешь, что он выслушивает от своих друзей.

— Представляю, — рассмеялся Уильям.

— Можешь сходить в его ванную.

— Спасибо.

— Моя комната прямо по коридору. Можешь пойти вниз или подождать меня, как тебе будет удобно.

— Хорошо.

Прежде чем выйти, я поцеловала его. Потом быстро приняла душ и надела штаны для йоги с футболкой с символикой старшей школы Милтона. Выйдя из ванной, я не обнаружила Уильяма ни в своей комнате, ни в коридоре, ни у Анселя.

— Блин, — пробормотала я.

Предложив Уильяму спуститься самому, я не подумала, что папа наверняка начнет рассказывать какие-нибудь непотребные истории из моего детства. Черт, он мог даже послать Анселя принести детские альбомы.

Быстро спустившись вниз я увидела, что они сидят за столом — пьют вино и едят лазанью. Все посмотрели на меня, потому что, спускаясь, я расшумелась.

— Извините, — пробормотала я, подойдя к столу.

— Боишься, что я тут твои секреты выбалтываю? — с усмешкой спросил отец.

— Даже в голову такое не приходило, — соврала я.

— Конечно не пришло, — поддержал Ансель.

Папа рассмеялся.

— Тогда ты будешь рада слышать, что разговор касался меня и моей ужасной болезни.

— Миленько. А более веселой темы вы не нашли?

Уильям наполнил мой бокал вином.

— Это я виноват. Мне было интересно узнать про течение болезни. Мои реальные знания о болезнях ограничены телефонными разговорами с Джерри Льюисом на День Труда.

— Ну, папу вряд ли можно назвать «человеком Джерри Льюиса».

— Это бедные люди, — папа наклонил голову и сделал большой глоток вина через соломинку. — Вообще я очень благодарен, что смог жить полной и активной жизнью. У меня даже симптомов не было почти до тридцати — потом руки начало сводить судорогой от работы с веревкой. А уж после нескольких приступов я пошел к неврологу.

— И вам сразу поставили диагноз? — спросил Уильям.

— Ну да. И поскольку Софи с Анселем уже родились, я до смерти боялся, что заболевание передается по наследству. И слава Богу, что генетическое исследование показало, что болезнь не передалась, — папа по-доброму улыбнулся. — Все закончится на мне, и только я останусь тем счастливым, которому нужна помощь, чтобы подтирать зад.

Уильям выплюнул вино, которое только что набрал в рот.

— Что, простите?

Папа рассмеялся.

— Ты не читал «Вторники с Морри»?

— Нет, сэр. Не думаю.

— Потрясающая книга. Я свою до дыр зачитал, а потом просто не смог уже держать книги и перешел на аудио версию. Понимаете, у Морри был БАС (боковой амиотрофический склероз) или Болезнь Лу Геринга. С помощью одного из своих учеников он вел записи о течении своей болезни. Конечно, БАС и моя болезнь отличаются, — папа улыбнулся, — но смысл в том, что Морри боится дня, когда другому человеку придется подтирать ему зад. Момент, конечно, настал и Морри попытался его принять, ведь это означало, что он снова стал беспомощным, как ребенок.

— Очень интересный взгляд.

— Действительно, — папа подмигнул Уильяму. — Две недели назад время пришло, и я попытался вспомнить эту цитату.

Я в ужасе покачала головой, но Уильям только рассмеялся.

— И что? Вы ощутили себя как Морри?

— К сожалению, нет. Мне ненавистен сам факт, что мой старый сморщенный зад видит жена двоюродного брата. Лучше бы она им в молодости и расцвете сил полюбовалась.

— Пап, ну ради Бога, — сказала я.

— К твоему сведению когда-то у меня была шикарная задница, — подмигнул он.

— Спасибо, блин. Если я буду вам нужна, то я помираю от унижения под столом.

Ансель фыркнул.

— А с чего это ты вдруг ведешь себя как леди? Обычно наши разговоры за столом совершенно не такие.

— Ну да. Только вы двое очевидно забыли, что напротив сидит мой босс. Это немного меняет дело.

— Только босс? — спросил папа с озорной усмешкой.

— Даже не начинай.

— Ну, вообще, я не просто ее босс, — улыбнулся Уильям. — Мы решили попробовать встречаться.

— Так вы ее официальный бойфренд или что? — уточнил Ансель.

— Да.

Со стоном я закрыла голову руками.

— Что насчет секрета?

— Думаю, дальше твоей семьи он не пойдет.

— На твоём месте я не была бы так уверена, — просветила я, выглядывая сквозь пальцы.

— Серьезно, Софи, ну кому я скажу? — сказал папа. — Я только к доктору езжу.

Опустив руки, я посмотрела на Анселя тяжелым взглядом.

— Я больше из-за него беспокоюсь.

Брови Анселя взлетели вверх.

— Почему это?

— Потому что ты не умеешь держать рот на замке. Все что надо — это чтобы хоть кто-то упомянул наши имена, и ты тут же выложишь все подробности.

— Неправда, — возразил он.

— Пускай поклянется на крови, — подразнил Уильям.

Ансель закатил глаза.

— Блин, Соф, я клянусь, что никому не скажу. Я в курсе, как тебе нужна эта работа. Что нам всем нужна твоя работа.

Искренность в его голосе заставила мои сомнения испариться.

— Кроме того, — посмотрев на Уильяма добавил Ансель. — директор Ф не такой душнила, как все остальные в дирекции.

— Спасибо за высокую оценку, — ответил тот с улыбкой.

— Я имею в виду, что Ньюсом, например, обязательно бы меня отстранил, не глядя на смягчающие обстоятельства.

Папа прочистил горло.

— Что там про отстранение?

Ансель заметно побледнел.

— Эм... ну, да... насчет этого...

— Ансель подрался, чтобы защитить мою честь, — попыталась спасти младшего брата

я. — Уильям оказался достаточно любезен и не отстранил его полностью, а только запретил посещать занятия. Я хотела рассказать тебе до того, как брат вернулся, но к нам приехал гость.

Папа покачал головой.

— Ансель, сколько раз мы говорили, что побеждать надо головой, а не кулаками? Знаешь, сколько раз я приезжал с родео со сбитыми костяшками пальцев?

— Да, пап, — Ансель уставился в свою тарелку, — я знаю. И это не повторится, клянусь.

— Лучше бы ты сдержал слово. У тебя есть шанс получить отличное образование, и ты должен закончить школу. Конкурс на место в колледж огромный, и они смотрят на все, когда решают, кого зачислить.

— Я уже сказал, что это не повторится, хорошо? — рявкнул брат.

Отец не стал ругать Анселя за тон. Вместо этого выражение его лица смягчилось.

— Сын, я знаю, что это тяжело. И я знаю, что это неправильно. Но так это работает. И если бы я мог, то сделал бы все сам. Точно так же, как сделал бы то же самое для тебя, — папа с улыбкой посмотрел на меня.

Я потянулась и сжала его руку.

— Все хорошо, пап. Мы с Анселем не собираемся просить каких-то привилегий только потому, что на нас больше ответственности, чем на других.

— У всех есть их собственное дерьмо, чтобы его разгребать, — подытожил брат.

— Его или ее дерьмо. Без «их», — поправила я.

— Чего?

— Местоимение тут лишнее, лучше его не использовать.

Ансель закатил глаза.

— Ты чего, записалась в граммар-наци? *(примеч.: граммар-наци — это такие люди, которые, прочитав текст любой длины, и обнаружив в нём орфографическую ошибку или опечатку, начисто утрачивают способность воспринимать смысл самого текста, потому что их сознание и эмоциональная сфера на этой самой ошибке/опечатке намертво фиксируются, и дальше эти люди готовы до потери сознания только её и обсуждать, причём в самых резких, ничем не спровоцированных выражениях)* Мне достаточно слышать этого говна в школе.

— Ты безнадежен, — пробормотала я.

Папа и Уильям только улыбались, когда мы с братом продолжали препираться. Потом я встала, чтобы убрать тарелки, и Уильям вызвался мне помочь.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — ответил он с улыбкой.

— Уильям, не останетесь подольше? Я уверен, что в холодильнике есть кусок пирога.

— А я уверен, что их там даже три-четыре, — подсказал Ансель.

— Это потому, что старушки из церкви никак не могут запомнить, кто несет нам пирог на этой неделе, — заметила я.

— Так много пирогов? — спросил Уильям.

— О, да. Уверена, что еще остался лимонный, шоколадный и с орехом пекан.

— Звучит заманчиво, — понизив голос он добавил, — тебя не напрягает, что я остаюсь?

Улыбнувшись, я бросила в него кухонное полотенце.

— Ну конечно. Но я закрою на это глаза, пока ты помогаешь мне с посудой.

— Мне только в радость, Гос... м-м-м, Софи.

— Попозже я тебя награжу, будь уверен.

Я усмехнулась.

— Будь уверена, я жду с нетерпением.

Жаркие дни августовского лета перетекли в сентябрь. Затем — в морозный воздух октября. Учитывая полную занятость, время будто летело вперед, оставляя события в небытии. Дни были заполнены преподавательской деятельностью, а ночи — заботами о здоровье папы. Пятничные вечера я посвящала Анселю на футбольном поле.

Каким-то образом среди всего этого круговорота у меня все еще оставалось время на отношения с Уильямом. Они с папой отлично поладили, поэтому Уильям проводил большинство своих выходных у нас. Конечно, он был осторожен и никогда не появлялся при Сьюзи, поскольку та любила посплетничать, а мне не хотелось, чтобы о наших отношениях узнали все посетители салона красоты, где она бывала раз в неделю.

Субботы мы с наслаждением проводили вместе. Ездили в Атланту, чтобы провести время в пентхаусе, который принадлежал бабушке и дедушке Уильяма. В начале сентября мы даже познакомились лично. Уильям был прав, когда сказал, что они мне понравятся — старички оказались простыми и приятными людьми. И очень любили внука.

Эта любовь была очевидна — оба просто сияли от гордости каждый раз, когда он находился рядом. Поэтому, когда Уильям сказал, что я им понравилась, я была счастлива. Хотя, конечно, он слегка меня напугал, добавив, что они спрашивали про свадьбу.

В постели тоже все было отлично. Среди недели времени на сессии не было, потому мы были просто как обычные парочки, которые быстренько зажимают друг друга по углам. Но в выходные мы доставали игрушки и пытались приспособиться к БДСМ в нашей жизни. Неидеально, конечно, но так, чтобы это приносило удовольствие нам обоим.

Два дня назад Уильяму исполнилось 33, и когда я спросила, что же он желает в подарок, ответ был очень специфический.

— Я хочу съездить в «1740» на вечеринку по случаю Хэллоуина с тобой и поиграть там.

Я широко открыла глаза.

— Серьезно?

— Вполне.

— Уильям, если это хоть где-то просочиться, у нас будут серьезные неприятности, — я покачала головой, — мы можем даже потерять работу.

— Я был членом клуба три года, и никто не узнал ни о моей профессии, ни о личной жизни. Ты же работала там, потому наверняка знаешь, это их отдельная гордость — то, как они тщательно охраняют информацию о клиентах. Кроме того, это же вечеринка на Хэллоуин, маскарад, так что никто даже не увидит наших лиц.

В душе я знала, что Уильям прав. Служба безопасности клуба работала на высшем уровне, поэтому не смогла припомнить ни одного случая, чтобы открылись данные хоть одного клиента во время моей работы.

— Ну ладно, договорились. Мы пойдем на вечеринку в честь Хэллоуина, чтобы отпраздновать твой день рождения.

Уильям поцеловал меня.

— Спасибо. Ты сделаешь меня счастливым.

— Я рада это слышать.

Он обнял меня за талию и притянул к себе.

— Проведешь со мной сессию в роли мисс Джульетты?

Я покачала головой.

— Ну уж нет. Я поиграю с тобой в роли самой себя. Хватит с меня фальшивой личности.

— Хмм... Тогда, наверное, ты не будешь заинтересована в ролевых играх.

— Нет, это другое.

— Почему?

Наклонив голову, я попыталась выразить свои чувства словами.

— Госпожа Джульетта — это субличность, которую я создала ради работы. Я притворялась, чтобы выполнять свою работу хорошо. Но со дня на горе Кеннесо с тобой рядом была именно Софи.

— Понимаю. — Он нагнулся и поцеловал меня. — Итак, теперь, когда мы решили ехать, какие костюмы мы наденем? Окажешь мне честь и выберешь?

— Ты серьезно хочешь парные костюмы? — захихикала я.

— Ну да, почему нет?

— Ладно, тогда я выберу. Но ты можешь пожалеть, что дал мне такую возможность.

Уильям ухмыльнулся:

— Я тебе доверяю.

Пять лет я работала в «1740» и ни разу не ходила на вечеринку в честь Хэллоуина. Это были вечеринки-маскарад, верно, однако сами костюмы были извращенным представлением обычных персонажей. Я с удовольствием бы отправилась в клуб с Уильямом в костюмах пары из классических литературных произведений, но как превратить их в фетиш?

В конце концов для себя я выбрала Дороти в роли Доминатрикс — голубая юбка и корсет из винила у меня уже были. Пару кроваво-красных башмаков, которые сыграют роль волшебных туфель, мне удалось одолжить.

А вот Уильяма я решила раскрутить на петплей (*примеч.: петплей от англ. «pet play» — предполагает ролевую игру, что один из пары берет на себя роль животного (чаще домашнего, но это может быть и дикое, и фантастическое), а другой представляет себя его хозяином или дрессировщиком*), выбрав для него роль Тотошки.

Даже высунулась из ванной, чтобы посмотреть, как он одевается. И фыркнула при виде того, как он развалился на кровати с пультом в одной руке и снеком в другой, одетый только в меховые штаны и ошейник с шипами. Я знала, что как только мы доберемся до клуба, тот наденет пушистую маску и обруч с собачьими ушами.

Уильям поднял глаза и на его лице отразилось недовольство.

— Это самый лучший костюм, что ты смогла придумать?

— А в чем проблема? — ответила я.

— Во всем.

Я присоединилась к нему в постели.

— Ты в курсе, насколько ты сейчас сексуальный?

— Без обид, но учитывая твой смехок, я в этом очень сильно сомневаюсь.

— Ну, может на первый взгляд костюм и забавный, но могу поспорить, куча женщин и мужчин сегодня уйдут из клуба в мокрых трусиках.

— Серьезно? — ухмыльнулся он половинкой рта.

Я провела пальцем от его адамова яблока вниз, по груди, к окружности пупка.

— Твоя потрясающая грудь полностью открыта, не говоря о том, что твоя задница в этих штанах просто великолепна.

Теперь сам Уильям фыркнул.

— Моя задница покрыта мехом.

— Ага. И в отличии от остальных мужиков, которые там будут, твой уж точно натуральный.

Мы принялись смеяться, как сумасшедшие.

— Даже думать не хочу, что ты видела, когда была Доминой.

— Серьезно, даже страшно было. Я подумывала открыть бизнес по депиляции, — я наклонилась к его губам, — с тобой таких проблем нет, спасибо Господи!

— Аналогично, — поддразнил он. Я игриво шлепнула его по руке. — Плохо, что мне нравится бритая или эпилированная вагина?

— Вот каждый раз я думаю о том, что наши разговоры уже не могут быть более странными, как начинается что-то подобное.

Уильям рассмеялся и столкнул меня с себя.

— Давай, нужно выдвигаться.

Выйдя из лифта на общем этаже клуба «1740», я ощутила себя будто на родительском собрании. Этакое собрание, где все были или полуголыми, или в коже. Но в масках, потому сложно разобрать кто тут и где. Некоторые маски были очень замысловатые.

— Хочешь выпить? — уточнил Уильям.

— Да, пожалуйста.

Мы пробрались к бару через толпу. И хотя я узнала Лайла по татуировкам — ничего не сказала.

— Что вам налить?

— Водку с клюквой.

Брови Лайла взлетели вверх.

— Сахарные сиськи?

— Узнал меня? — промурлыкала я.

— Я твой голос везде узнаю, — рассмеялся он.

— Я была бы крайне польщена, если бы мы не хотели скрыться с радаров.

Лайл взглянул в сторону моего компаньона и прищурился.

— Уильям?

— Ну да, это я.

— Не говорите мне, что вы сейчас вместе и делаете «это».

— Ну да, — ухмыльнулась я и дернула Уильяма за поводок, чтобы поддразнить. — Я даже взяла его под ошейник, видишь?

— Ты сделала что? — требовательно спросил кто-то рядом.

Я обернулась и чуть не застонала, увидев Каллу. Она была одета как демоница, дополнив костюм блестящими рогами, и даже не потрудилась посмотреть на меня, вместо этого сосредоточившись на Уильяме.

— Ты позволил ей взять себя под ошейник?

Я не успела сказать «нет», вместо меня ответил Уильям:

— Формальности не соблюдены, но да, я принадлежу ей.

Ненависть на лице Каллы превратилась в страдание.

— Ты же говорил, что не хочешь под ошейник, — печально сказала она.

Будь она не такой стервой, возможно, я бы ее даже пожалела.

— Извини, Калла, но я не хотел под ошейник к тебе.

Печаль на лице Каллы сменилась выражением лица дикой суки.

— Да как ты вообще можешь ее хотеть? Она даже не практикует лайфстайл, она не Домина! Она не может тебе дать того, что могу я!

— Она дает мне все, что я хочу, и даже больше, — прервал ее Уильям.

— Ты бредишь, — Калла презрительно фыркнула.

— Нет, — улыбнулся Уильям. — Я счастлив.

Его слова и тон голоса буквально раздавили ее, и я знала, что сейчас самое время оставить Каллу в ее горе.

— Давай, Уильям, мы зря тратим время, когда могли бы наслаждаться.

Я не стала тратить время, дожидаясь его ответа, а просто потянула за поводок.

Оказавшись за пределами слышимости, я прерывисто выдохнула.

— Это было... отрезвляюще.

— Мне жаль.

— Да ладно. Мы могли догадаться, что она будет тут сегодня.

— Я рад, что мы можем встретить ее только тут.

— Согласна, — ответила я, разглядывая игровые зоны сквозь прорези маски. — Для какой практики ты в настроении?

— Для любой, главное с тобой.

— О, я рада, что ты так думаешь, — ухмыльнулась я. — Я забронировала Версаль.

В темных глазах Уильяма мелькнула жажда.

— Правда?

— Черт, ну конечно. Тебе только один раз можно отметить тридцать три в БДСМ клубе, верно?

— Чертовски верно, — рассмеялся он.

— Готов к сессии?

— Да, Госпожа.

Версаль была самой красивой комнатой в клубе. На самом деле, ее даже можно было назвать люкс-номером.

В ней была собственная ванная комната с мраморными полами и душем. Посреди стояла огромная кровать в средневековом стиле с замысловатой резьбой на деревянных поверхностях. Балдахин дополнял впечатление, а черные шелковые простыни завершали картину. За все пять лет, что я работала в «1740», я была в этой комнате всего два раза.

Как только мы оказались там, Уильям сразу принял позу «внимание».

— Снимай одежду, — приказала я.

Он быстро разделся, сложил свой костюм и снова встал в позу.

— Иди и ляг на кровать, на спину.

Как только Уилл лег, я присоединилась к нему и, отвечая на вопросительный взгляд, произнесла:

— Поза орла.

Он лег как нужно, и я улыбнулась.

— Поскольку сегодня твой день рождения, я подарю тебе наручники.

— Спасибо, Госпожа, — улыбнулся Уильям в ответ.

Я пристегнула его, позаботившись о том, чтобы возможность двигаться была минимальной — в память о самой первой сессии, когда Уильям сказал, что ему нравится, как веревки впиваются в его кожу.

— Сегодня никакой зрительной депривации. Я хочу, чтобы ты смотрел на меня.

— Да, Госпожа.

Я взяла его член в ладонь и начала гладить.

— Думаю, нужно уделить внимание и этому имениннику.

— Да, Госпожа, пожалуйста.

Наклонившись, я глубоко вобрала его член в свой рот, позволив головке скользнуть в горло. И начала сосать, скользя по всей длине, останавливаясь, чтобы уделить особое внимание головке и крупной пульсирующей вене.

— Насладимся оргазмом вместе, верно?

Я взобралась на него, оседлав в позе обратной наездницы, а потом наклонилась, чтобы оказаться в классической 69. Откинувшись чуть назад и приподняв попку, я двигалась, пока губы Уильяма не коснулись моего клитора.

— О, да, — замурчала я, когда он начал лизать, будто моя плоть была шариком мороженого.

Он лизал мой клитор — я сосала его член, и каждый старался довести другого до полного освобождения.

Наконец яйца Уильяма напряглись, и я начала сосать усерднее. При этом он начал трахать меня языком так глубоко, что зубы касались клитора. Это было так волшебно, что я позволила члену выскользнуть из моего рта и кончила, выкрикивая его имя.

— О, Уильям, что ты со мной делаешь, — пробормотала я и снова взяла в рот его член.

Хватило буквально нескольких движений, и горячая сперма выплеснулась мне в рот. Проглотив, я вылизала его дочиста, потом встала и повернулась к нему лицом. И не могла не почувствовать прилив гордости при виде его совершенно довольного выражения лица.

— Что еще ты придумала?

Придав лицу задумчивое выражение, я почесала щеку.

— Я не буду тебя расковырять. Лучше выпорю флоггером до ярко-красного цвета кожи, что скажешь?

— Я скажу, с днем рождения, блядь, меня, — ухмыльнулся Уильям.

Глава 18

После прошлой ночи в клубе «1740», я раз пять нажимала кнопку «отложить будильник». И когда наконец смогла выбраться из постели, времени осталось только на то, чтобы по-быстрому принять душ и одеться, не говоря уже о завтраке или возможности сообразить себе что-то на обед. Придется перехватить что-нибудь в торговом автомате до планерки. Это было не так уж плохо по сравнению с едой из школьной столовой — вот уж где гадость.

На стоянку я заехала на десять минут позже, чем должны были прибыть все сотрудники школы. Учитывая опоздание, я решила не идти через главный вход. Так что вместо этого припарковалась за школой, чтобы войти через черный ход, расположенный рядом с моим классом.

Что-то неладное я почувствовала еще в тот момент, когда открыла дверь и вошла в здание. Дурное предчувствие было настолько сильным, что по спине побежали мурашки, а волосы на руках встали дыбом. Ученики рядом со входом в класс прекратили болтать и уставились на меня широко раскрытыми глазами.

Ощущение казалось настолько нереальным, что мне захотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, не сон ли это. Окинула себя взглядом, чтобы убедиться, не оделась ли я как-то странно из-за спешки. Но нет, все было на месте, пуговицы застегнуты. Убедившись в этом, я не могла не задаться вопросом, какого черта сейчас происходило. Они же видели меня ежедневно в течении трех месяцев. Что было не так именно сегодня?

Вдруг я поскользнулась, поэтому посмотрела вниз и заметила яркий лист бумаги. На самом деле их было несколько, разбросанных по полу. Еще несколько оказались приклеены скотчем к дверцам шкафчиков. Наклонившись, я подняла одно из изображений и взглянула на него.

Мир вокруг меня содрогнулся и остановился.

Какого хера?

Фото вчерашней ночи в «1740». Мое. С флоггером в руке. В замахе над Уильямом. Я в ужасе уставилась на шкафчики и увидела фотографию, на которой мы целуемся. Сделав небольшой круг по коридору, я увидела еще несколько снимков, где мы были вместе. А потом сообразила, что произошло.

Кто-то слил видео из комнаты развлечений и сделал из него серию фото.

Кто-то пришел в школу и развесил их тут.

Кто-то не просто хотел нас унижить.

Кто-то хотел нас растоптать во всех сферах жизни.

Меня охватила ярость. Мне хотелось прижать руки к груди, чтобы прикрыться, будто это могло защитить меня от наготы на фото. Желая избежать навязчивых взглядов, я пробежала вперед по коридору, попав в туалет для персонала. В легких не хватало воздуха, будто грудь сжала рука великана, не давая сделать вдох. Положив руки на раковину, я попыталась унять приступ, вызванный потерей контроля. Но как бы я не старалась, в голове был только насмешливый голос, упрекающий меня во всех грехах разом.

Твой маленький грязный секрет раскрыт.

Ты трахалась с боссом.

Ты была в БДСМ-клубе и охаживала босса флоггером.

Ты так облажалась.

Мои ладони соскользнули с раковины, мир покачнулся, и я провалилась в темноту.

В сознание я пришла, лежа на чем-то твердом и холодном. Что за хрень произошла? И еще интереснее, где я, черт побери?

С трудом разлепив глаза, я увидела Уильяма.

— Слава Богу, она очнулась.

Я нахмурилась. Кому он это говорил? Повернувшись, я заметила Джейн и миссис Клири, которые стояли за спиной Уильяма. Их лица отражали беспокойство. Потом я сообразила, что лежу на полу туалета.

— Что случилось? — проямлила я.

— Ты вырубилась, — ответил Уильям.

— Серьезно? Никогда в жизни не вырубалась.

— Ну, все бывает впервые.

С трудом сев, я застонала от ощущений в голове. Должно быть, падая, я хорошенько приложилась об пол. Собираясь уточнить, почему так произошло, я увидела стопку фото в руках миссис Клири.

— О, Боже, — вырвалось у меня.

Тошнота накатила так быстро, что я не успела добежать до туалета. Вместо этого схватила мусорное ведро рядом, и меня вырвало. Это продолжалось, пока подсознание снова и снова прокручивало образы с фото перед моими глазами. Наконец закончив, я вытерла рот тыльной стороной ладони. Джейн и миссис Клири ушли. Думаю, они решили, что нам стоит обсудить все наедине.

Я посмотрела Уильяму в глаза. В них были сожаление, беспокойство, страх, печаль...

— Во мне миллион слов, но я не могу выдать ни одного, — озвучила я.

— Все хорошо. Я понимаю. — Он погладил меня по щеке. — Как думаешь, твое самочувствие позволит нам поговорить в моем кабинете?

— Наверное. Но мне еще в класс надо попасть.

На лице Уильяма появилось несчастное выражение.

— Получается в класс я сегодня не попаду, да?

— Да.

Годы тяжелой работы и усилий за мгновение смыло в унитаз.

— И вообще никогда не попаду, — пробормотала я.

— Не говори так. Никогда не угадать, что произойдет.

Я истерически рассмеялась.

— Уильям, кого ты обманываешь? Уже вся школа видела фото, на которых мы трахаемся в БДСМ-клубе. Хорошо если меня вообще не лишат лицензии.

— На этих фото не было секса. Там видно, что мы целовались, и ты меня порола.

— Будто есть разница.

— Левинсон уже должен был приехать. Нам нужно в мой кабинет.

— Я могу избавить его от хлопот и уйти прямо сейчас.

— Софи, я прошу тебя.

— Ладно. Пошли посмотрим страху в лицо.

Уильям помог мне подняться, и мы подошли к двери.

— Боже, я не могу. Там же дети, и они станут на нас смотреть, — простонала я.

— Не волнуйся. Уже был звонок, они все в классах.

Моя паника слегка утихла. Уильям открыл дверь, и мы выглянули в коридор. К счастью, он был пуст, не было ни студентов, ни наших фото. Но обычный путь от уборной до его офиса занял вечность. Я все время смотрела в пол, потому что не хотела встретить осуждающие взгляды учеников или преподавателей.

Часть меня была в ярости, что я вела себя так, будто уже потерпела поражение. Следовало быть сильной, расправить плечи и с вызовом спросить: «какого хрена ты уставился?». Но, по какой-то причине, у меня просто не было на это сил.

Наконец мы добрались до офисов, и Уильям повел нас к себе. Обычно утром тут было шумно. В это время там всегда были ученики, но сейчас царил тишина. Мы вошли в кабинет директора, и как только дверь за нами захлопнулась, я с облегчением выдохнула. Однако это было преждевременно, потому что потом я увидела доктора Левинсона, стоящего рядом с завучами мистером Льюисом и миссис Филдстоу.

Левинсон пригласил нас присесть, выражение его лица было предельно серьезным. Уильям не занял директорское кресло, и меня это насторожило. Мы оба разместились на стульях перед столом.

— То, что произошло утром, очень прискорбно. Вы стали жертвами злонамеренной клеветы, которая затронет и ваши личные жизни, и карьеру. И пусть вины вашей в этом нет, боюсь, последствия вас затронут.

— Какими будут эти последствия? — спросил Уильям.

— Начиная с этого момента вы оба в оплачиваемом отпуске. Как только наша встреча завершится, вы немедленно покинете здание и не сможете вернуться без специального разрешения. Я созвал экстренное заседание школьного совета, чтобы обсудить произошедшее и вашу дальнейшую судьбу. И, хотя это и необязательно для слушания, я бы посоветовал вам обоим обратиться за юридической помощью.

Я сглотнула горечь, подступившую к горлу. Даже думать не хотелось, на какие деньги я могла нанять адвоката. Будто прочитав мои мысли, Левинсон сказал:

— Я уверен, что вы члены PAGE или GAE, они смогут помочь в этом вопросе.

Еще во время учебы мне вбили в голову, что надо присоединиться к одной из групп профсоюза — Ассоциации Педагогов Джоржии (GAE) или Профессиональной Ассоциации Педагогов Джоржии (PAGE). Начать работать по профессии, не вступив в любую из этих групп, было равносильно карьерному самоубийству. А кто не хотел бы, чтобы его прикрыли в случае обвинений в нарушении этики в процессе обучения, или, когда вы отдали ученику результаты теста? Вот только я сомневалась, что они сталкивались с подобными делами. Например, была ли в их практике хоть одна преподавательница, практикующая Доминатрикс? А спала ли она при этом со своим боссом?

— Так же я предлагаю вам не встречаться, по крайней мере до заседания Совета. Вопросы? — Он посмотрел на нас с Уильямом.

Вопросов, честно говоря, была тьма, но я едва ли могла себя заставить озвучить хотя бы один из них. Полагаю, потому что доктор Левинсон не смог бы на них ответить. А если бы и смог, мне сильно не понравились бы ответы. Наконец я отрицательно покачала головой.

— К вам у меня сейчас вопросов нет, — откликнулся Уильям.

Левинсон кивнул.

— Тогда увидимся с вами завтра вечером.

Мы с Уильямом поднялись и дошли до двери, где нам предстояло разойтись в разные стороны. И я не знала, как долго мы еще не увидимся.

Перед дверью он замялся и повернулся ко мне, будто намереваясь что-то сказать. Одарив его грустной улыбкой, я направилась к двери одна.

Выйдя из главного офиса, я снова уставилась в пол и пошла к главному входу. Идти по коридору, рискуя встретить кого-то, не хотелось. Добравшись до машины, я обнаружила, что моя сумочка и сумка через плечо лежали на переднем сидении. Должно быть, Джейн или миссис Клири...

Сев за руль и уже собираясь завести машину, я услышала:

— Мисс Джеймсон, у вас есть какие-либо комментарии относительно выдвинутых против вас обвинений?

В ужасе подняв глаза, я увидела несколько репортеров и операторов, которые быстро направлялись ко мне. Поспешно нажав на газ, я с визгом выехала со стоянки.

В пути я постукивала большими пальцами по рулю и обдумывала варианты. Ни за что, черт возьми, я не могла пойти домой прямо сейчас. Мысль о встрече с папой и необходимости рассказать ему о том, что произошло, заставила мой желудок сжаться так сильно, что у меня перехватило дыхание.

А потом я поняла, что нужно делать.

Вытащив телефон из сумочки, я набрала единственного человека, которому могла позвонить.

— Привет, братиш, это Софи. Как думаешь, ты и пару твоих друзей могли бы оказать мне услугу?

Я восседала на сидении I-75, принадлежащему моему двоюродному брату Эверетту, а ветер развевал мои волосы и одежду.

Моя мама и отец Эверетта приходились друг другу братом и сестрой. Правда виделись мы редко, в основном по праздникам. Кузен вырос на родео, следуя по стопам отца, ну, и немного по моим — участвуя в заездах на бочках.

В восемнадцать он обменял лошадь на мотоцикл. И заявился в кожаном прикиде прямо на День Благодарения — это означало, что его, наконец, приняли в клуб. Там его называли Родео, но для семьи он так и остался Эвереттом.

Я встретила с кузеном и двумя его приятелями в здании, принадлежащем клубу. Увидев двух здоровяков, я нервно сглотнула.

— Не дрейфь, кузина. Они на нашей стороне, помнишь?

— Стараюсь не забыть, — ответила я и, потянув Эверетта за рукав, спросила: — Если вы мне сейчас поможете, это же не значит, что потом я буду должна клубу?

— Может быть.

— Это будет типа... связано с сексом?

Эверетт рассмеялся.

— Думаешь, я позволю этим двоим дотронуться хотя бы до твоего мизинца? Или тем более — трахнуть тебя?

— Вот не хотелось бы.

— Не забивай свою маленькую красивую головку фигней про долги. Они готовы помочь бесплатно, но ты можешь подсластить пилюлю, купив ребятам ящик пива.

— И все? — с облегчением сказала я.

— Ага. Все.

— С радостью. Даже два ящика. Знаешь, по одному на каждого.

— Как по мне — этого более чем достаточно, — с ухмылкой заявил Эверетт.

— Тогда погнали.

Я уже подняла обтянутую штанами ногу, чтобы перекинуть ее через сиденье мотоцикла и разместиться позади кузена, как он остановил меня.

— Прежде чем мы начнем, ты точно уверена?

— На 110 процентов. — Он посмотрел на меня с сомнением. Я вздохнула. — Ну не могу я просто сложить лапки без борьбы.

Эверетт покачал головой и рассмеялся.

— Я просто хочу убедиться, что ты понимаешь, какой шквал говна можешь словить.

— Я сейчас и так уже по уши в говне. Вообще-то, скорее всего, я потеряла работу и все, ради чего трудилась. Так что, да, блядь, я готова.

Он поднял руки вверх.

— Ну раз ты так уверена, то я более чем счастлив тебе помочь.

— Отлично. Теперь давай это сделаем.

Эверетт бросил зажженную сигарету на землю и притоптал ее.

— За дело.

Оказавшись в квартале от клуба «1740», моя решимость пошатнулась. Кишки в животе скрутило в тугий узел. Казалось, что безрассудная уверенность проснулась во мне только под

давлением надвигающегося заседания школьного совета.

Но потом я подумала о том, что уже потеряла и что еще могла потерять в будущем. И во мне снова проснулась смелость и решимость сразиться с противником.

Мы подъехали к «1740», и сквозь рев двигателей я крикнула Эверетту:

— Объезжай здание. С обратной стороны вход для персонала.

Он кивнул и припарковался с обратной стороны клуба. Двое его друзей поставили байки рядом. Я не знала их имен, потому что решила, что чем меньше знаю, тем лучше. Достаточно просто «головорезов».

К счастью, удостоверение все еще лежало у меня в бумажнике. Проведя им по картридери, дверь открылась — огонек загорелся зеленым, а замок щелкнул, и мы зашли внутрь.

— Чтобы купить членство тут, наверное, надо продать почку, — задумчиво произнес Эверетт, разглядывая коридор.

— Ну да, обходится недешево.

В кабинку лифта мы вчетвером едва втиснулись. Закрыв глаза, я считала до десяти и старалась успокоить дыхание. Чем злее я становилась, тем сильнее сжимались мои кулаки.

Услышав голос одного из головорезов, я широко открыла глаза.

— Малышка готовится надрать кому-то задницу, — сказал он.

— Чертовски верно, — пробормотала я, когда открылись двери лифта.

Поскольку был вечер четверга, клуб не был забит до отказа. Я пробиралась сквозь толпу с Эвереттом и головорезами позади. И искала кое-кого. Единственную, у которого был и мотив, и потенциальный доступ в комнату наблюдения.

Я искала Каллу.

Стоящий за стойкой Лайл заметил меня и с удивлением распахнул глаза. Я не могла слышать его — слишком оглушительно били басы из динамиков, но по губам смогла прочитать: «О, черт...»

Потом его взгляд перескочил на человека в конце барной стойки, и я снова непроизвольно сжала кулаки.

Калла даже не подозревала, что ее ждало.

Я добралась до ее стула и схватила ту за волосы со всей силой, на которую была способна, сдернув эту чертову курицу с насеста. Не знаю, от чего ее крика было больше — от боли или шока.

— Какого черта, сука! — завизжала она.

Отведя руку назад, я двинула ей в нос.

— Это тебе за меня.

Потом хуком справа сбила Каллу на пол и встала над ней.

— А это — за Уильяма.

Когда музыка отрубилась, рядом уже кто-то вопил. В следующем моем воспоминании Эверетт оттащивал меня от Каллы. Вышибала клуба попытался схватить меня из рук кузена, но один из громил оттолкнул его. Другой вышибала помогал Калле встать на ноги.

Нас окружила толпа. Тишина была такая, что можно было услышать, как падает иголка. Я уперлась ладонями в бедра.

— Ты, блядь, теперь счастлива, тупая мелкая пизда?

— Да я понятия не имею, о чем ты говоришь, конченая!

Я яростно покачала головой.

— Ты решила его потопить только потому, что не смогла поиметь! И надумала, что я его у тебя увела, а потому и мне решила испортить жизнь!

— Ты больная сука!

Я оглядела толпу.

— Этот кусок говна перед вами, сегодня саботировал карьеру человека. И теперь пытается прикинуться дурочкой, но не нужно быть сраным ученым, чтобы понять, что это она обклеила мою школу фотографиями из клуба.

Раздались ахи, которые превратились в низкий гул шепота.

— Клуб «1740» известен безопасностью и строгим допуском. Никакой среднестатистический Джо не смог бы появиться здесь, чтобы украсть видеозапись. Только член клуба или сотрудник мог сделать такое. Да и для того, чтобы сделать нарезку из видео и распечатать фотографии, тоже нужна уйма времени. Серьезная самоотдача, верно? Я вот думаю, что должна быть чертовски веская причина, чтобы хотеть это сделать.

Поворачиваясь по кругу, я смотрела на людей, стоящих рядом.

— Здесь нет никого, кроме Каллы, кто хотел бы навредить мне и Уильяму. Не просто мне, потому что на фото были мы оба.

Запал Каллы начал гаснуть. Она прижалась спиной к вышибале, который помог ей подняться.

— Давай, поделись. Как ты заполучила видео? Я отчего-то уверена, что у тебя бы не получилось пролезть в комнату видеонаблюдения, так что, почти наверняка, ты заключила сделку с одним из охранников. — Я склонила голову набок и уставилась на нее. — Что ты ему предложила? Секс, деньги? Хм, а может быть, и то, и другое?

— Из тебя говно так и хлещет. Вчера я всего лишь тусовалась и поиграла с парой клиентов.

— Не думаю, что ты так стремилась поиграть после того, как увидела нас вместе. Ты чуть ли не ядом плевалась, когда мы были здесь в последний раз. А уж когда услышала, что я в шутку признала, что взяла его под ошейник, то тебе просто снесло башню. А потом он еще подлил масла в огонь, сказав, что никогда не хотел идти к тебе под ошейник. Это твоя гордость заставила тебя ему отплатить?

— Да ты просто бредишь, — возразила она.

— О нет. Это ты, блядь, бредишь. Тебе же даже в твою тупую башку не пришло, что предавая огласке наши отношения с Уильямом, ты по сути предаешь каждого в «1740». Тут не так много БДСМ-клубов. Как думаешь, сколько времени нужно СМИ, чтобы пронюхать, что клуб в центре секс-скандала — это именно клуб «1740»?

Снова послышались охи-ахи, но теперь по выражению лиц я могла с уверенностью сказать, что до них начала доходить вся серьезность ситуации. Они почувствовали себя такими же уязвимыми, как и я с утра. Жизнь большинства находящихся здесь могла быть разрушена, если их тайна стала бы известна.

Толпа расступилась, и в круг вышел Роберт, владелец клуба. Когда он подошел ближе, я была готова ко всему — от того, что у меня отберут клубную карту, до того, что меня арестуют. Мимолетно взглянув на меня, он переключил внимание на Каллу.

— Джанни, я хочу, чтобы госпожа Калла немедленно покинула помещение. Проводи девушку до ее шкафчика и убедись, что она забрала свои личные вещи, потому что она больше никогда не вернется в этот клуб.

Калла побелела. Ее разбитая губа задрожала.

— Роберт, ты же не серьезно...

— Я полностью серьезен.

— Но мы же дружили столько лет. Ты не можешь от меня отвернуться после того, что было.

Тишину взорвал презрительный смех.

— Тупая пизда. Да мне насрать, будь ты даже плоть от плоти моей. Ты уничтожила мой клуб, так что для меня ты сдохла.

Глаза Каллы наполнились ужасом, она качала головой.

— Роберт, прошу тебя.

Он посмотрел на нее с отвращением.

— Уберите ее уже, блядь, отсюда.

Прежде чем Джанни увел Каллу, Эверетт сделал шаг вперед. Он указал пальцем на нашивку на своей кожаной жилетке.

— Видишь это?

— Да, — прохныкала она.

— Запомни, как выглядит эта нашивка. И как выгляжу я. Если ты только подумаешь о том, чтобы пикнуть — донести копам или как-то навредить моей сестренке или ее парню, я открою на тебя охоту. И то, что сделала с тобой моя кухня покажется тебе легкой прогулкой. Поняла меня?

Калла пропищала слово «да», прежде чем Джанни утащил ее за собой. Как только они ушли, Роберт обратил свое внимание на посетителей.

— Ладно, дамы и господа, шоу окончено. Вечеринка продолжается. Всем напитки за счет заведения — если вы еще не пили, обязательно подойдите к барной стойке.

Он подал сигнал ди-джею, и музыка снова наполнила помещение.

Затем Роберт посмотрел на меня.

— Мне бы сдать тебя копам за то, что ты нарушила правопорядок и полностью сбила настрой присутствующим...

— Не думаю, что есть такая статья — «сбить настрой присутствующим».

Роберт едва заметно приподнял уголки рта, а затем открыто улыбнулся.

— Я всегда любил твою умную жопку.

— Прошу прощения за отвратительную сцену, но мне нужно было ее макнуть в то, что она сама натворила.

Он закатил глаза.

— Полагаю, решить вопрос через меня, тебе в голову идея не пришла.

— Ну, теперь ты должен понимать, что это не так работает. Я рядом с ней в метре не смогла бы пройти без кровопролития.

— Учитывая то, что она сделала и последствия, которые это принесет, мне сложно тебя винить.

— Рада, что ты смог увидеть ситуацию моими глазами.

— Что не делается — все к лучшему. Ты всегда можешь вернуться, и я буду рад такому работнику. Если я могу помочь в вашей с Уильямом ситуации, дай мне знать.

— Спасибо, Роберт. Я это ценю.

— Пожалуйста, — подмигнул он и добавил, — теперь вали отсюда. Пока ты тут, никто не сможет расслабиться и начать веселиться.

— Без проблем, — дернув подбородком в сторону лифта, я добавила, — ребята, пошли.

Эверетт протянул руку Роберту.

— Было приятно познакомиться.

— И мне. Если вы, парни, захотите прийти развлечься, с удовольствием выдам вам пару гостевых карт.

— Это мило с вашей стороны, — фыркнул кузен, — но мне нравится выбивать дерьмо из людей в рабочее время. На выбранной мной территории.

— Тогда всего доброго, — кивнул Роберт.

— И вам.

Пока мы шли к лифту, я ощущала на себе любопытные взгляды. Уже в лифте Эверетт присвистнул.

— Что? — спросила я.

— Напоминай мне никогда не нарываться на тебя злую.

— Ой, да ладно тебе.

Эверетт покачал головой.

— Нет, ты чертовски хороший боец. И ты бы меня размазала.

— Не может такого быть.

— Может, — подмигнул он, — если я буду пьяным.

По дороге домой у меня крутило живот. В последний раз я так боялась встречи с отцом, когда мне было семнадцать. В ту ночь я потеряла девственность на сеновале фермы моего парня, а потом мы оба уснули и проснулись только с первыми петухами.

Посмотреть в телефон я осмелилась только когда переоделась. Количество пропущенных звонков от папы привело меня в полнейший ужас. Никогда еще поездка домой не была такой долгой. А когда я свернула на гравийную дорогу и увидела саму ферму, мне пришлось остановиться и открыть дверь — меня вырвало.

Не успела прийти в себя, как вдалеке увидела папу. С прямой спиной, словно шомпол проглотил, он стоял на крыльце, и я не могла не задаться вопросом — а не ждал ли он меня в такой позе всю ночь.

Говорить что-то не требовалось, я все поняла, как только тот на меня посмотрел. Мне хотелось бы, чтобы он просто накричал, но папа лишь покачал головой. Разочарование в его взгляде ранило меня до глубины души — гораздо сильнее, чем его гнев или любые резкие слова. Этого же я боялась больше всего на свете и на этот раз.

Приблизившись к дому, я испытала дежавю — на крыльце будто снова стоял папа, и я все на свете отдала бы, чтобы это было правдой. Но нет. Вместо отца там находился Ансель, словно мини-копия нашего общего родителя. С руками, скрещенными на широкой груди, он выглядел таким же разъяренным, как и папа много лет назад.

Я не успела вынуть ключ из зажигания, как тот уже сбежал по ступенькам вниз, чтобы набросится на меня сразу же, как я вылезу из машины.

— Где, черт подери, тебя носило? — требовательно произнес брат всего в нескольких дюймах от меня.

— Слушай, прости пожалуйста, но я просто не в состоянии была ехать домой.

— Ой, как круто. А позвонить нельзя было? Когда ты не приехала в обед, папа так взбесился и послал меня в город, чтобы я тебя отыскал.

Я подняла руки вверх.

— Еще раз извини. Снаружи меня поджидали репортеры и последнее, что мне хотелось бы сделать — это притащить их за собой сюда. Что до звонков, то я вообще не знаю, что сказать.

— И куда ты поехала?

— Эверетта навещала. — Мысль о том, что мы сделали в Атланте, согревала меня, и я даже слегка улыбнулась.

Ансель прищурился.

— А ОН был с тобой?

Я сразу поняла, кто этот «ОН». Ансель выплюнул это слово так, будто имел в виду рой саранчи.

— Не то, чтобы это тебя касалось, но нет. Его со мной не было.

— Отлично, рад это слышать. В смысле, плохо, что ты трахалась со своим боссом как дешевая шлюха. Но хуже всего то, что он гребаный извращенец.

Его слова ударили в самое сердце. Но, несмотря на это, во мне вскипел сильный гнев.

— Как ты вообще можешь так говорить?

— Меня от тебя тошнит, — он покачал головой.

Потом обошел меня и направился к сараю.

— Не смей уходить!

— Отъебись.

— Мог бы хотя бы послушать, что я пытаюсь сказать! — прокричала я вслед.

— Папе расскажи.

Я побежала за Анселем.

— В последний раз, когда я проверяла, это мне досталась роль старшей сестры, которая говорит тебе, что делать.

Парень развернулся на каблуках, взбив сапогами облако пыли.

— Ну да, и ты получала от это огромное удовольствие, не так ли?

— Что, прости?

— Ты же заводилась, когда командовала мной, да?

— Ансель...

— Кто ж знал, что я тебе теперь платить должен за все твои команды.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

— Правда? Ты командуешь мужиками и избиваешь их за деньги. — Взгляд Анселя был полон презрения. — Ты просто шлюха, которую трахают за деньги.

Ярость заполнила меня и взорвалась внутри прежде, чем я смогла себя остановить. Я взметнула руку вверх и залепила брату пощечину. Знатно.

Глаза Анселя стали огромными, словно блюдца. За все те годы, которые я с ним нянчилась, я никогда не поднимала на него руку.

Я открыла рот, чтобы извиниться, но ответ Анселя щелкнул меня будто хлыст.

— Спасибо, Госпожа.

Все угрызения совести, которые я испытывала, в момент испарились. Собрав все силы, я толкнула его в грудь так сильно, как только могла, заставив отшатнуться.

— Ты неблагодарный маленький говнюк. Как ты вообще смеешь открывать на меня рот! Ты хоть на секунду задумался, зачем я взялась работать Доминой?!

— Потому что тебя прет от этого, и ты извращенка, которой нравится причинять боль людям? — с сарказмом спросил он.

— Это была, блядь, РАБОТА! За которую я взялась от безысходности! — Я сглотнула, чтобы убрать ощущение, будто меня сейчас вырвет. — Я делала это ради тебя и папы!

— Пиздеж!

— А ты хоть раз задумывался, почему ферма еще наша? Папа ни одного чека за три года не подписал! Он не в состоянии оплачивать ничего, даже платить зарплату Сьюзи. Если бы я не оплачивала все налоги, ферму давно бы отобрали, мы бы все потеряли.

Сделав глубокий вдох, я постаралась не заплакать, а потом покачала головой.

— После всего, что свалилось на папу, я не могла позволить ему потерять ферму. И, блядь, да. Я бы пошла в проститутки ради этого.

Злость на лице Анселя сменило недоверие. Он слегка покачнулся, будто обдумывая то, что я сказала.

— Ты реально платила налоги за ферму?

— Да. Платила.

Брат запустил ладонь в свои спутанные волосы.

— Так ты не какая-то там шлюха?

Я закатила глаза.

— БДСМ и СМ — это не то, что всегда предполагает секс. Домины редко вступают в сексуальные отношения, у меня их вообще не было. — Я прикусила губу, чтобы не добавить «до Уильяма».

— И ты просто шлепала мужиков в каком-то клубе?

— И еще много других вещей.

Его глаза снова расширились.

— У тебя всегда такие извращения с парнями?

— Не то чтобы это снова было твое дело, но ответ опять «нет». Доминой я была только в клубе.

И я снова чуть было не добавила «только до того, как я встретила Уильяма».

— И директор Ф тоже такой херней занимался?

Ну конечно, он не мог обойти стороной этот вопрос.

— Да. Занимался.

Брови Ансея взлетели вверх.

— Так как вы, ребята, смогли быть вместе?

— Все сложно. Давай не будем поднимать эту тему.

По лицу было видно, что на языке Ансея вертелись тысячи вопросов, но он прикусил его и промолчал. Хотя все равно я не могла унять беспокойство о том, что же все-таки творилось в его голове. Меньше всего на свете мне хотелось, чтобы мой младший брат ненавидел или презирал меня. Видеть выражение его глаз было мучительно. Я нуждалась в его уважении и любви.

— Ну так что, между нами все в порядке? — неуверенно спросила я.

— Да, в порядке. Мне просто надо немного времени, чтобы переварить все это дерьмо.

— Понимаю. Но когда будешь переваривать, не забудь, что за всем этим дерьмом, все еще твоя сестра, которая любит и нуждается в тебе, окей?

— Я знаю, — он пнул камень, — и тоже тебя люблю, Соф. И никакое дерьмо этого не изменит.

Его поддержка значила для меня все.

— Извини, что тебя это задело.

— Ай, похрену. Я повел себя как говнюк, когда наговорил тебе все это.

— Ну да. Но мне не стоило тебя бить.

Он притянул меня к себе и так крепко обнял, что я смутилась.

— Тебе нужно пойти и поговорить с папой.

— Хорошо, уже иду.

Я выскользнула из объятий брата и нежно поцеловала его в щеку — туда, куда ударила — прежде чем отправиться в дом.

До сегодняшнего дня этот путь никогда не казался таким длинным. Дойдя до двери, я ощущала себя так, словно прошла несколько миль, а страх и тревога во мне превратились в лихорадочную ярость.

Заглянув в кабинет, я увидела, что он пуст, поэтому пошла в комнату к папе. Коридор тоже казался длинным, будто повторяя сцену из «Сияния» (*примеч. ред.: фильм Стенли Кубрика с Джеком Никлсоном в главной роли по мотивам романа Стивена Кинга «Сияние»*). На лестнице у меня появилось сильное желание убежать со всех ног в свою спальню, захлопнуть дверь и спрятаться под одеялом, как когда-то в детстве. Сейчас я тосковала по простым проблемам, в то время кажущиеся огромнейшими.

Дверь папиной спальни открылась, из нее вышла Сьюзи. Взглянув на меня, она быстро ее захлопнула. И хотя я знала, что она пыталась скрыть свои эмоции, выражение ее лица говорило обо всем, что она ощущала — от недоверия до презрения и отрицания.

— Да.

— Что? — спросила она.

Я расправила плечи.

— Да, это правда. Все сплетни, что ты слышала.

— Ясно, — пробормотала она.

Я посмотрела в сторону комнаты папы.

— А он?..

Полный боли взгляд Сьюзи заставил мое сердце дрогнуть.

— Он видел. Я не успела сменить канал, — будто извиняясь, сказала она.

Борясь с тошнотой, я поднесла руку ко рту. Мысль о том, чтобы рассказать ему все, была мучительной, но теперь было еще хуже. Он не услышал правду из моих уст — но я должна попробовать исправить уже сказанное.

— Он ни слову не поверил.

— Правда? — удивилась я.

Сьюзи покачала головой.

— Ты же его знаешь. Он не поверит, пока ты сама не скажешь.

Дрожащими пальцами я повернула ручку, и, скрипя древними петлями, дверь распахнулась. Папа повернул голову на звук, а я глубоко вздохнула, прежде чем переступила порог. Под его пустым взглядом пошла вперед, но прежде чем я успела остановиться, голос из телевизора заставил меня замереть.

— И снова — сегодня в центре нашего репортажа сексуальный скандал, разыгравшийся в Старшей Школе Милтон, в котором замешаны новый директор Уильям Форестер и учительница Софи Джеймсон. Они оказались связаны с частным приватным БДСМ-клубом в Атланте...

Историю извернули так грязно и отвратительно, что у меня снова скрутило живот. Затем, к моему ужасу, на экране появилась одна из украденных из клуба фотографий. Одета лишь в синий корсет и ботинки, я держала в руке флоггер. Унижение от того, что мой отец слышал и видел ту часть моей жизни, которую я так усердно прятала, затопило меня. Я зажмурилась и прижала голову к груди. Ни за что на свете я не могла посмотреть на него. Дочь, которой он так гордился, оказалась порочной и грязной.

— Соф? — вопросительно произнес папа.

Неважно, как сильно мне хотелось сказать хоть что-то, у меня не выходило выдать ни слова, хотя нам следовало поговорить. Обсудить миллион разных вопросов, чтобы объяснить, почему обычно такая разговорчивая — сейчас я молчала. Горячие слезы стыда и раскаяния потекли по моим щекам, но я не стала их вытирать.

— София Мария Джеймсон. Посмотри. На. Меня.

Когда я перевела свой неуверенный взгляд на папу, меня охватило удивление. Вместо гнева и разочарования, которые я себе представляла, в его глазах была только забота обо мне. Дрожащей рукой он пригласил меня подойти ближе, и снова я повиновалась без колебаний. И вместо того, чтобы сесть в кресло у кровати, опустилась рядом с папой, на матрас.

— Рассказывай. Я хочу... мне нужно... услышать все от тебя, — сказал он и протянул

мне руку, чтобы я взяла ее.

Папа так всегда делал, когда я была напугана или у меня был плохой день в школе. Этот простой жест заставил рухнуть тщательно построенную плотину, сдерживающую мои эмоции. Рваные рыдания пронзили мое тело.

Наконец восстановив дыхание, я пробормотала:

— Ох, папочка...

— Что я тебе всегда говорил?

— Что я могу натворить все что угодно, но ты никогда не перестанешь меня любить.

— Правильно, — кивнул он, — *mon rayon de soleil*.

От этого «мой солнечный лучик» на французском, я едва снова не заплакала. Так его называла *Grand-Maman*, когда папа был маленьким, а он перенес ласковое прозвище на нас с Анселем.

Я сделала глубокий вдох. Сейчас было не время быть нюней, или размазней, или, как сказала бы моя бабушка, «*a merde de poulet*».

— Пять лет назад в колледже я встретила девушку, она рассказала мне об этом клубе.

Взгляд моего отца не отрывался от меня, и выражение его лица не менялось. Часть меня ожидала, что он выкажет стыд или отвращение, когда я объясню, как зарабатывала деньги через удовольствия. Но он этого не сделал.

Единственным моментом, когда он проявил хоть какие-либо эмоции, оказался эпизод о том, что Калла подкупила охранника, чтобы получить записи. Папа сжал челюсти, а его глаза потемнели. Я знала, о чем отец в тот момент подумал: если бы он был в полной силе, то пошел бы выбивать дерьмо из того охранника. Просто потому, что отец был джентльменом и не смог бы ударить женщину.

— Про нее не волнуйся. Я поставила Каллу на место.

Папа выгнул брови.

— Да?

— Ну, да, — ухмыльнулась я. — Она больше не работает в «1740».

Папа усмехнулся, и это вызвало у него один из приступов кашля. Но это не походило на обычный приступ. Сейчас, когда отец пытался отдышаться, его тело уходило в мышечный спазм. Я встала с кровати и потянулась к тумбочке за стаканом воды.

Когда я попыталась напоить папу, он покачал головой. Время шло мучительно медленно. Мне пришлось наблюдать, как краснело его лицо и раздавались страшные хрипы в горле и груди. Каждый раз, когда случался один из подобных припадков, меня охватывал страх, что он станет последним. Что ослабленные легкие и диафрагма просто не выдержат напряжения. Сегодня я не скрывала слез. В конце концов, я уже плакала, и папа не подумал бы, что эти слезы уже из-за него.

— Я... в порядке, — наконец прошептал он. Потом перевел взгляд на стакан с водой. — Теперь можно.

Кивнув, я поднесла стакан к его рту. Он начал пить медленными глотками. Наконец на лицо отца вернулись краски. Кашель совершенно измучил его, и папа обессиленно откинулся на подушку.

— Горжусь тобой.

Я икнула.

— Как ты можешь говорить такое? Я фактически подставила вас с Анселем. Наше имя в этом городе просто уничтожено. Меня наверняка уволят с работы, которая досталась с таким

трудом, и, скорее всего, я больше никогда не буду учителем.

— Знаешь, как встретились твои дедушка с бабушкой, мои родители?

Я кивнула.

— Grand-Maman работала в кафе, куда заходили дед с друзьями.

Папа улыбнулся той самой секретной улыбкой, а потом жестом попросил меня увеличить подачу кислорода. Я чуть крутанула вентиль, и он сделал пару вдохов.

— Твоя бабушка никогда не работала в кафе. Она танцевала бурлеск.

— Но парижский бурлеск — это, фактически, стриптиз. — Папа кивнул, а я ахнула. — Grand-Maman, что, была стриптизершей?!

— Это была необходимость. Ее отец — твой прадед — погиб на войне, и они потеряли ферму, и потому были вынуждены переехать к тете, твоей двоюродной бабке. Твоя бабушка была старшей, и от нее ожидали, что она поможет кормить пятерых своих младших братьев и сестер. Приличную работу найти было невозможно, да и платили хреново. И однажды, когда на выходе из фабрики к ней подошел мужчина и рассказал, сколько она сможет заработать на своей любви к танцам, твоя бабушка согласилась пойти работать в клуб.

— Не то чтобы это было важно, но чисто для ясности — это не был стриптиз. Никто из моих клиентов не видел меня голой.

Кроме Уильяма.

— Ты осуждаешь свою Grand-Maman за то, что она делала?

— Конечно нет.

— Тогда ты понимаешь, что единственный человек, на которого я могу злиться — это я сам.

— Почему?

— Если бы я не был калекой, ничего этого не произошло бы.

Я яростно покачала головой.

— Не вини себя. Ты не хотел, чтобы такое с тобой случилось, и, черт возьми, не заслужил этого. Ты всегда был хорошим человеком, пап, добрым, порядочным и честным. Более того, ты всегда был отличным отцом и работал за двоих, чтобы быть нам и матерью тоже. Именно поэтому я поступила так, как поступила. Будь ты говнюком, который заботится только о себе, мне даже в голову не пришло бы сделать нечто настолько экстремальное, чтобы сохранить ферму и дать тебе все то, в чем ты нуждаешься.

Папины глаза наполнились слезами.

— Спасибо, Софи. Спасибо за твои добрые слова, но прежде всего спасибо за жертву, которую ты приносила много лет ради меня и Ансея.

— Спасибо за то, что ты такой прекрасный папа и человек.

— Это я должен говорить спасибо за то, какой дочерью ты выросла.

Неожиданно в голову пришла мысль, которую я сразу высказала:

— Как думаешь, что сказала бы мама?

На папином лице появилось выражение боли. Так было всегда, когда упоминали маму.

— Думаю, она была бы разочарована. Но обязательно попыталась бы понять, почему ты сделала все, что сделала. — Видя выражение моего лица, отец покачал головой. — Понимаешь, она была из другой семьи, не похожей на мою. Ее родители не умели любить так, как умели мои. Можно сказать, она никогда не чувствовала любви, пока не вышла за меня и не родила тебя.

— Честно?

Папа улыбнулся.

— Она так сильно любила тебя, Софи, говорила, что каждый раз, когда на тебя смотрит, ощущает себя, будто выиграла главный приз.

Папин образ снова стал размытым из-за моих слез.

— Я так рада, что она любила меня, пусть даже так недолго.

— Она ощущала это, я знаю, — папа вздохнул. — Что будет с твоей работой?

— До завтрашнего вечера я в оплачиваемом отпуске, потом состоится собрание, на котором решат, что делать со мной и Уильямом.

— А что будет с вами?

Я уставилась на одеяло, кончиком пальца проводя по одному из ромбовидных узоров.

— Мы пойдем дальше, каждый своим путем.

— Почему?

Невесело усмехнувшись, я подняла глаза на папу.

— А как сам думаешь?

— Я думаю, что видел, как вы смотрели друг на друга. Вы выглядели очень счастливыми вместе.

— Ну, это было до всей этой фигни. Теперь, похоже, слишком многое против наших отношений. В смысле, у каждого из нас было прошлое и это нормально. Но после этих событий, разве можно нормально продолжать отношения?

— Вы справитесь. Над любыми отношениями надо работать.

— Не знаю, есть ли у меня силы, чтобы принять то, как оно будет работать, — вздохнула я.

— Никогда не слышал, чтобы ты так говорила. Вообще я никогда раньше не видел, чтобы ты сдавалась.

— Сейчас многое впервые, — с грустной улыбкой ответила я.

Папа покачал головой.

— Тут есть за что бороться, Софи. Уильям стоит того, и у тебя хватит сил за вас обоих. Соберись и делай, и вера в свои силы придет.

Черт, папа думал, что я влюбилась в Уильяма. А я влюбилась? Последние три месяца были лучшими в моей жизни. Уильям оказался прав. Нам было хорошо вдвоем — не только физически, но и интеллектуально, и эмоционально.

Уильям стал моим лучшим другом и идеально вписался в мою семью. Уважение, которое он питал к моему отцу, было достойным восхищения. Он искренне уважал моего отца, и поэтому от того, что я должна была сделать, становилось только хуже.

И хотя мне хотелось верить папиным словам, я слишком многое пережила в жизни, чтобы поверить, что нас с Уильямом действительно могло ждать счастье. Но разочаровывать папу еще больше я не могла. Вместо этого я просто кивнула в знак согласия и попыталась не обращать внимания на боль в груди, потому что я уже потеряла Уильяма.

Я стояла возле зеркала и внимательно рассматривала себя. Для сегодняшнего заседания я выбрала свое самое скромное платье. Черное, закрывающее колени, с длинными рукавами и высоким воротом. Ничего сексуального или вызывающего. Выглядела как смерть во всей ее красе. Неудивительно — в последний раз я надевала это платье шесть лет назад на похороны бабушки. Сегодня я ощущала себя также, будто иду на еще одни похороны — только уже моей профессиональной карьеры.

Застегнув на своей шее бабушкино жемчужное ожерелье, я пробежалась по бусинам пальцами и пробормотала:

— *Donne moi de la force, Grand-Maman.*

Сегодня мне больше всего понадобится сила, а у кого ее просить, как не у самой сильной женщины в моей жизни? У той, кто, как и я, смогла решиться на столь же морально неприемлемый поступок для выживания собственной семьи.

На комод зазвонил мобильный, но мне даже не требовалось брать его в руки, чтобы узнать, кто звонил. Уильям набирал и постоянно слал СМС мне с той самой секунды, как я выбежала из школы. Но точно так же, как я не знала, что сказать папе или брату, мне нечего было ответить и ему. Я была слишком сильно потрясена и находилась в смешанных чувствах.

В дверь постучались, и когда я обернулась, наш с братом громкий вздох прозвучал синхронно. Ансель надел костюм с галстуком. Я понятия не имела, что он захочет поехать со мной, но за завтраком он передал мне молоко и заявил, что отвезет меня на собрание сам.

На этом разговор завершился. Я не ответила ни да, ни нет. А теперь он стоял напротив и выглядел так, как, должно быть, выглядел папа в свои семнадцать лет. В тот момент я поняла, что мой младший брат стал мужчиной. Перемена произошла незаметно, ведь я приезжала домой только на выходные и праздники.

— Нам лучше поторопиться, — сказал он.

Я кивнула.

— Посмотри-ка, как ты разоделся. — Я подошла к нему.

— Со мной иногда так бывает, — ухмыльнулся он.

Потянувшись вперед, я поправила ему галстук.

— Ты и так красивый, но, когда одеваешься так, то становишься просто неотразимым. — Я поцеловала его в щеку. — И очень похожим на папу.

— Кстати говоря, он едет с нами.

— Что? — Я убрала руку от лица брата. — Но он же не может.

Ансель отступил назад, в коридор. Проследив за его взглядом, я увидела папу, сидящего в своем кресле-каталке, и мой взгляд мгновенно затуманили набежавшие слезы. Лучший костюм висел на нем, как на вешалке, но Анселю удалось замаскировать ремни, которые удерживали папу в сидячем положении, спрятав их под пиджак.

Быстро взяв себя в руки, я выдавила из себя улыбку.

— Разве я не счастливейшая из женщин? Сегодня меня сопровождают двое самых красивых мужчин.

— Именно, — согласился отец.

Прихватив накидку с кровати, я тоже вышла в коридор.

— Ну что ж, давайте выдвигаться на представление.

Папа ободряюще улыбнулся.

— Софи, все будет хорошо. Верь в это хотя бы немного.

— Стараюсь, — шумно выдохнула я.

Сев в семейный грузовик, мы направились на место. И, поскольку наш городок был невелик, все значимые собрания проводились в здании Суда, в одном из залов для судебных заседаний. Когда мы въехали на парковку, мой желудок сжался и меня чуть не вырвало.

— Слушай, если собираешься блевать, делай это в окно, я только недавно почистил салон, — предупредил Ансель.

Вместо того, чтобы устроить ему взбучку за черствость, я улыбнулась. Его язвительный комментарий был ровно тем, что мне требовалось услышать, чтобы успокоиться. И брат точно знал, что делал, потому что, когда я повернулась к нему, Ансель улыбнулся.

— Благодарю за совет, придурок.

— Всегда пожалуйста, жопка.

Он припарковался на одном из мест закрытой стоянки. Я сидела внутри, пока он занимался установкой специальной подножки, чтобы папа на инвалидном кресле мог выехать самостоятельно. Как только отец оказался снаружи, Ансель постучал мне в окно, сигнализируя, что пора выходить и явить свой светлый лик страждущим.

Мы вошли в здание. Я увидела кое-кого знакомого, кто явно ждал нас, и с улыбкой подошла его обнять.

— Я так рада видеть тебя, Оуэн.

— Я тоже рад видеть Вас, Госпожа.

Услышав его ответ, я не могла не напрячься. И он наверняка заметил мою реакцию.

— Извини. Обещаю, эта ошибка не повторится.

— Спасибо, — ответила я и выскользнула из его объятий.

Когда я пришла в «1740» разбираться с Каллой, Оуэн был там с Госпожой Венерой. Он сразу же позвонил мне, предложив свои официальные услуги, и я была более чем благодарна их принять.

Папа рядом кашлянул, будто прочищая горло, и я покачала головой.

— Ох, где же мои манеры? Позволь представить тебе моего отца, Майкла, и моего брата, Анселя. А это, — я указала на Оуэна, — мой адвокат, Оуэн Сандборн.

— Рад познакомиться с вами обоими, — ответил тот.

Он принял руку моего отца и сердечно ее пожал. За то время, пока мы были вместе, я рассказала Оуэну про состояние папы, поэтому он знал нюансы.

— Вы постараетесь сохранить Софи работу?

— Черт побери, будьте в этом уверены, — улыбнулся Оуэн.

Папа улыбнулся ему в ответ.

— Отлично. Значит мы прекрасно поладим.

Оуэн открыл нам дверь.

— Нужно войти, заседание совета скоро начнется.

Несмотря на то, что я старалась натянуть ту же эмоциональную броню, которую надевала каждый раз будучи Доминой, мне все же было тяжело успокоить колотящееся сердце и дрожащие колени. Видя это, Оуэн положил ладонь на мою поясницу и подтолкнул вперед, к двери. Ансель и папа пошли следом.

Сказать, что комната была забита людьми, значит ничего не сказать. Конечно, я можно было бы предположить количество людей по переполненной парковке, но я и представить

себе не могла, что помещение будет забито настолько, что останутся только стоячие места. В таком маленьком городке, как наш, сексуальный скандал всегда будет главным светским развлечением.

Когда мы появились в проходе, вся оживленная болтовня затихла. Липкие взгляды со всех сторон заставили мою кожу покрыться мурашками. Оуэн проводил меня к круглому столу с двумя креслами. Рядом стоял другой стол, за которым расположились Уильям и его адвокат. Я храбро встретила его взгляд, а он в ответ наградил меня вымученной улыбкой. Но я не отреагировала, вместо этого расположившись в кресле, которое отодвинул для меня Оуэн.

Несколько долгих и тяжелых минут в мою спину впились чужие взгляды, а потом Левинсон стукнул молотком, обозначив начало заседания, и толпа замолкла. Председатель прочистил горло.

— Мы собрались здесь сегодня, чтобы обсудить, следует ли увольнять сотрудников, директора Уильяма Фостера и учительницу Софи Джеймсон, на основании нарушения Десяти Профессиональных Стандартов Джорджии. Исходя из должности, мы начнем с мисс Джеймсон. — Левинсон бросил взгляд в нашу сторону поверх очков. — Не хотел бы защитник мисс Джеймсон выступить со своим обращением?

— Да, сэр. — Оуэн встал со своего места и прошел к подиуму. — Во-первых, хочу сказать, что мне очень жаль, что мы все вынуждены были собраться по такому поводу. В первую очередь потому, что дисциплинарные разбирательства такого уровня и по таким вопросам должны проводиться за закрытыми дверями. Сегодняшний инцидент крайне негативно сказался на эмоциональном благополучии моей клиентки, как, я уверен, и на благополучии директора Фостера.

— Простите, мистер Сандборн, я понимаю, что вы из Атланты и находите наши методы довольно архаичными и устаревшими, однако могу вас заверить, что сегодняшнее заседание полностью соответствует рамкам закона. Ваша речь не имеет никакого отношения к делу клиента, потому я вынужден просить вас приступить к сути.

На челюсти Оуэна заходили желваки.

— Да, сэр. Уверен, что и вы, и я внимательно прочли Кодекс Поведения Педагогов. Также я уверен, что вы детально обсудили Десять Профессиональных Стандартов, которые мне хотелось бы зачитать.

— Да, прошу вас.

Оуэн прочистил горло и громко произнес:

— Педагог должен демонстрировать поведение, соответствующее общепризнанным профессиональным стандартам и сохраняющее достоинство и целостность профессии педагога. Неэтичное поведение включает, но не ограничивается любым поведением, которое ухудшает или уменьшает способность владельца лицензии функционировать на своем рабочем месте.

Вместо того, чтобы обращаться к скучающим членам совета, он повернулся к внимательно наблюдающей за нами толпе.

— Это, леди и джентльмены, дословная цитата. Ничего ни прибавить, ни отнять. Это то, что записано в контракте мисс Джеймсон, который был подписан и заверен уполномоченными лицами нашего штата.

Затем Оуэн снова повернулся к школьному совету.

— Может показаться, что сегодня мы собрались здесь для того, чтобы судить об

образовательных способностях мисс Джеймсон, но вместо этого ставим под сомнение ее мораль. И собрались здесь, чтобы сделать это из-за чего-то, что произошло далеко за пределами класса. Если бы не мстительные действия бывшей подруги директора Фостера, никто ничего и никогда не узнал бы. Не было бы необходимости подвергать сомнению поведение мисс Джеймсон, потому что в этом городе оно было известно как образцовое. И давайте не будем забывать, что она окончила эту же самую среднюю школу с отличием. Я почти уверен, что если бы велись записи ее повседневной жизни, они были бы безупречны, так как мисс Джеймсон не была нарушительницей спокойствия. Пока училась в школе, она состояла в нескольких общественных организациях, где добровольно проводила почти все свое время. До этого прискорбного инцидента вам было бы трудно найти кого-нибудь, кто мог бы плохо отзываться о ее поведении или характере.

Потом он сделал паузу, но только лишь для того, чтобы добавить драматического эффекта.

— Да, это правда, что мисс Джеймсон работала в качестве профессиональной Домины в течении последних пяти лет. И хотя это не имеет реального отношения к делу, стоит отметить, что работа оставалась работой и не переросла в сексуальные предпочтения моей подзащитной. Она устроилась на эту вакансию не только для того, чтобы окончить колледж, но и для того, чтобы поддержать своего брата и отца-инвалида. Учитывая, что в реальной жизни она не была Доминой, я уверен, что были некоторые аспекты работы, которые она находила неприятными. Но она продолжала работать, руководствуясь любовью к своей семье. И если подумать, то это достойно уважения.

После слов Оуэна несколько членов правления посмотрели на меня с любопытством. Думаю, в этот момент они сами задавались вопросом о том, на что те готовы пойти, чтобы помочь своим любимым.

— Уверен, некоторые могут возразить, что мисс Джеймсон была не до конца честна, ведь в своем заявлении о приеме на работу она не указала клуб в качестве одного из предыдущих мест своей работы. Но я бы сказал, что *подавляющее большинство* людей не откровенны в отношении своей трудовой истории. По самым разным причинам. Возможно, их просто уволили, или они уволились сами, или работа, которую они делали, не повлияла бы на их учительские способности. Однако этот небольшой факт не делает мисс Джеймсон лгуней.

— Давайте перейдем к сути. На карту поставлена работа моей подзащитной в качестве педагога. За четыре месяца которые преподает, мисс Джеймсон получила два административных замечания. — Оуэн сделал паузу и взглянул на членов правления. — И мне хотелось бы отметить для протокола, что ни одно из этих замечаний не было сделано директором Фостером, если кто-нибудь захочет ехидно прокомментировать, что их отношения основывались на взаимной выгоде.

— Так и запишем, — ответил Левинсон.

— Оценка ее работы — удовлетворительно. Нет никаких областей, которые нуждались бы в улучшении и никаких комментариев по поводу сомнений в морали самой мисс Джеймсон или ее взаимодействию с учениками. Это весьма показательно, учитывая, что у большинства учителей первого года работы есть профессиональные области, которыми требуют улучшения.

Оуэн помахал копиями моих отчетов.

— В моих руках находится письменное доказательство того, что прошлое мисс

Джеймсон никоим образом не помешало ей стать хорошим учителем.

И бросил документы на стол перед Левинсоном.

Вернувшись назад, Оуэн достал из своего портфеля большую стопку бумаг.

— Также у меня в руках рекомендательные письма от студентов мисс Джеймсон. Они говорят о том, чему научились в этом году с ней в качестве преподавателя, а также о том, какой она добросердечный и заботливый человек. Ученики просят проголосовать за то, чтобы оставить ее преподавать в средней школе Милтон.

От слез, навернувшихся на глаза, у меня сбилось дыхание. Оуэн ничего не говорил о письмах. Не знаю, как он смог так быстро их раздобыть. При мысли о том, как ученики, с которыми я работала четыре месяца, пишут мне рекомендательные письма, я заплакала.

— И, наконец, я расскажу о первопричине того, почему мы сегодня собрались, о которой, уверен, ходят самые разнообразные сплетни. Да, у директора Фостера и мисс Джеймсон была сексуальная связь. Однако для протокола хочу отметить, что их связь являлась и романтической, они встречались. Так что произошедшее не являлось «женскими уловками», чтобы попытаться повысить свой статус в школе.

Отвернувшись от школьного совета, Оуэн еще раз оглядел толпу собравшихся.

— Когда в среднюю школу Милтон наняли мисс Джеймсон — нанимателем являлся директор Ньюсом, которого чуть позже уволили. Директора Фостера наняли менее чем за неделю до начала учебного года, в это время моя клиентка жила в пригороде Атланты. Она не была дома и не слышала местные сплетни, связанные с увольнением директора Ньюсома и наймом директора Фостера.

— И последнее, остается вопрос — как так получилось, что эти двое встретились в клубе. Но я уверен, что адвокат директора Фостера согласится, что склонности клиента в его личной жизни имеют мало общего с его профессиональными способностями. После встречи на пробежке в горном парке Кеннесо они пообедали и провели вместе выходные. Но об увольнении директора Ньюсома мисс Джеймсон узнала, только когда вышла на работу. — Оуэн сделал паузу, и, повернув голову, я увидела, что его взгляд сосредоточился на женщине. — Глава отдела по найму персонала может засвидетельствовать, что мисс Джеймсон понятия не имела, что мистер Фостер будет новым директором.

Я взглянула на Джейн, и она кивнула Оуэну, прежде чем улыбнуться мне.

Оуэн снова повернулся к членам правления.

— Это говорит о том, что они лишь недавно познакомились и оба были ошеломлены тем, что мистер Фостер теперь босс мисс Джеймсон. После этого оба пытались придерживаться профессиональных отношений и оставаться отстраненными, но их личные отношения возобновились. Но конечно же, с их стороны было полным отсутствием здравого смысла присутствовать в клубе на вечеринке в честь Хэллоуина.

С хитрой улыбкой Оуэн повернулся к присутствующим.

— Конечно, каждый может бросить камень, потому что он абсолютно безгрешен, верно? Никто никогда не ходил на вечеринки или, например, на просмотр футбола в баре и не напивался. Никто не делал что-то очень личное, что, будь оно раскрыто, может привести к потере работы, супруга или положения в обществе, да?

Он скользнул взглядом по толпе и повернулся, чтобы точно также взглянуть на школьный совет.

— Думаю, будет правильно сказать, что и мисс Джеймсон, и директор Фостер достаточно заплатили за свое прегрешение. Лишить их работы будет все равно, что обрезать

веревку висящему над пропастью. Поэтому прошу дать им шанс продолжить профессиональную деятельность в роли честных педагогов, какими они и являются.

Закончив, Оуэн вернулся за стол и сел рядом со мной.

— Хорошая речь, — прошептала я.

— Спасибо, — ответил он и подмигнул.

И если сперва я подумала, что это знак, что все идет по плану, то потом, когда начал говорить адвокат Уильяма, это ощущение только усилилось. Выступления оказались похожи. Во второй речи говорилось, какой замечательный человек мистер Фостер благодаря его благотворительности и пожертвованиям. Также адвокат осветил подробности его прошлой деятельности в роли учителя — акцент сделали на том, как преуспели его ученики в экзаменах по истории и о вкладе, который он внес в качестве помощника футбольного тренера. К тому времени, как адвокат Уильяма закончил, я сгрызла ногти до мяса.

Прежде чем обратиться к собравшимся, Левинсон прочистил горло.

— Сначала мы вынесем решение в отношении мисс Джеймсон. Выслушав доводы мистера Сандборна и учитывая тот факт, что у мисс Джеймсон нет земельных владений в округе или штате, я предлагаю освободить ее от занимаемой должности, — начал он.

— Так они все же собираются меня уволить? — прошептала я Оуэну на ухо.

Он приподнял руку, чтобы я замолчала, и с любопытством посмотрел в сторону Левинсона.

— Добавлю, что мисс Джеймсон получит рекомендательное письмо для того, чтобы устроиться в любое другое учебное заведение, которое захочет ее нанять. Также это происшествие не будет отражено в ее послужном списке PSC.

Один за другим члены школьного совета подняли руки, голосуя «за». Мое сердце рухнуло в пятки, а к горлу подступила желчь. Слушать, что сказали Уильяму я уже не могла.

— Все могло быть гораздо хуже, — прошептал Оуэн мне на ухо. — Они могли отозвать твою лицензию, и ты никогда не смогла бы преподавать в Джорджии. Благодаря этому решению ты просто можешь найти другую работу в преподавании, словно предыдущего опыта и не существовало.

— А если спросят, чем я занималась до этого, что мне ответить?

— У тебя будет рекомендательное письмо о том, что ты занимались обучением по контракту.

Я обдумала его слова. Было отвратительно это признавать, но Оуэн оказался прав. Могло быть гораздо хуже. Во время обучения нам рассказывали ужасные истории об аннулировании лицензий. После такого к преподаванию уже не возвращались. А у меня был шанс попробовать построить карьеру еще раз в другом месте.

— Ты прав. Мне это не нравится, но я понимаю.

Стук молотка заставил меня подпрыгнуть на месте. Погрузившись в разговор с Оуэном, я не услышала, какой вердикт вынесли Уильяму. Повернув голову, я взглянула на него и заметила его силуэт возле одной из боковых дверей. Он выглядел разочарованным, но не опустошенным, когда выходил. Только я подумала, что надо бы спросить папу или Ансея, какой вердикт вынесли Уильяму, как возле нашего стола остановился его поверенный, Уолтер Аткинс.

— Сильная речь, — сказал он, пожимая руку Оуэна. — Рад, что жители этого городка смогли в полной мере прочувствовать, почему Сандборна называют акулой-убийцей.

Оуэн рассмеялся.

— Спасибо. Должен сказать, что ваши аргументы тоже привели меня в восторг.

— Надеюсь, Уильям тоже их оценил. Не думаю, что он слишком сильно доволен переводом.

— Каким переводом? — спросила я, прежде чем успела сообразить, что стоило промолчать.

Уолтер посмотрел на меня.

— Вы точно слышали, что тут произошло пять секунд назад?

Во взгляде Оуэна мелькнуло извинение.

— Боюсь, что мы с Софи обсуждали решение, которое было принято по ее делу, поэтому пропустили вторую часть.

— Понятно. Уильяма отправили в административный отпуск сроком на год. Он будет работать на внутренних должностях, пока слухи не пойдут на спад. В следующем году он вернется на должность помощника директора. Управляющую должность он уже, скорее всего, никогда не получит.

— Так он останется работать в Милтоне? — бесцеремонно перебила я.

— В некотором роде. — Во взгляде Уолтера была надменность. — Хотя сложно сказать, что он не ощутит всю тяжесть наказания.

— Ну да, он просто будет получать зарплату директора в то время, как меня выкинули вон, — я злобно покачала головой, — хрень какая!

Поскольку мой голос стал громче обычного разговора, на звук повернулись несколько человек.

— Думаю, нам уже пора. — Оуэн взял меня за руку. — Уолтер, буду рад пообщаться еще раз.

Все еще ощущая ярость, я позволила Оуэну увести меня. Толпа расступилась, будто у меня была проказа, и, если они будут слишком близко, я могла заразить их. Ансель и папа пошли за нами.

Как только мы отошли от людей, папа сказал:

— Все не так плохо, как можно подумать, Софи.

— Да, Оуэн тоже так сказал, — пробормотала я.

— Пусть пройдет немного времени. Ты поймешь, что все могло быть гораздо хуже.

Я вскинула руки вверх.

— Еще раз повторяю, Оуэн мне то же самое сказал. Я в курсе, что мне должно стать легче из-за этих слов, но не стало. Сейчас ничего не заставит меня почувствовать себя лучше. Может, кроме, бутылки Джека.

— Тогда езжай домой и займись своим Джеком. Выплесни это все. И тогда завтра, даже если ты проснешься с адским похмельем, у тебя все еще будет цель в жизни, — ответил папа.

Оуэн улыбнулся.

— Дело говорит.

— Ясно. Так и сделаю, окей?

— Окей.

Я крепко обняла Оуэна.

— Я никогда не смогу тебе отплатить за то, что ты сделал.

— Простого спасибо будет достаточно. И на здоровье. Просто держись. Та Софи, которую я знаю, не позволит себе пасть духом. Самым лучшим одолжением себе будет не позволить этим ублюдкам взять верх.

— Я попробую. Обещаю.

Поцеловав меня в щеку, Оуэн усадил меня в грузовик. Ансель уже закатил кресло папы внутрь. Как только мы выехали с парковки, я вздохнула и обхватила голову руками.

— Если не возражаете, не могли бы мы не обсуждать сегодняшний вечер?

— Как скажешь, Соф.

К счастью, мое желание учли, и мы ехали молча. Дома вместе с Анселем помогала папе подготовиться ко сну. Услышав стук в заднюю дверь, мы с братом обменялись взглядами.

— Мне открыть? — спросил младший.

Я покачала головой.

— Нет. Закончи тут с папой.

Затем я направилась в угол, где стоял папин дробовик. За последние двадцать четыре часа у нас в доме появлялись пару психов, которые хотели поговорить со мной. В основном это были мужчины с претензией на сексуальное домогательство. Таким образом, дробовик стал просто необходимостью. Удивительно, как, черт побери, быстро они убирались в свою тачку, когда открываешь дверь, держа заряженное ружье.

Уперев приклад в плечо, я спустилась вниз. Не спрашивая «кто там», открыла и прицелилась в дверной проем, прокомментировав:

— Какого хера надо?

Увидев на пороге Уильяма, я опустила дробовик.

— Думаю, мне надо сменить штаны, потому что ты только что напугала меня до усрачки, — заметил он с неуверенной улыбкой.

— Извини. Последние пару дней это вынужденная необходимость. Оберегает от идиотов, бродящих снаружи. Наверное, мне стоило попросить у Роберта адрес Каллы и отправлять этих мудозвонов к ней домой.

Лицо Уильяма стало серьезным.

— Так ты действительно ходила в «1740» вчера?

Приподняв брови, я прислонила дробовик к перилам крыльца.

— А ты как об этом узнал?

— У меня свои источники.

— Калла звонила, чтобы на меня пожаловаться? — фыркнула я.

— Нет. Не звонила. И ты уже достаточно обо мне знаешь, чтобы понять, что я не стану с ней разговаривать после всего, что она сделала.

— Учитывая, что я надавала ей по роже, не думаю, что она сегодня может говорить.

— Ты не хочешь пригласить меня внутрь?

Я покачала головой.

— Папа еще не уснул, а мне не хочется, чтобы он слышал то, что я должна тебе сказать.

В глазах Уильяма появилось затравленное выражение.

— Ладно. И что ты должна сказать?

Сделав глубокий вдох, я прошла мимо него до конца веранды. Глядя на пастбище, залитое ярким лунным светом, я старалась не думать о том, как мы с Уильямом ездили верхом. Мысли о счастливых временах не облегчали задачу, которую мне предстояло совершить.

— Друг для друга мы как яд. За то короткое время, пока мы были вместе, умудрились разрушить все хорошее и важное, что было в жизни у каждого. Те отношения, которые мы смогли построить, нежизнеспособны. Их просто не должно быть.

Услышав резкий вздох Уильяма, я обернулась. Его страдальческое выражение лица почти сломало меня. Но мне нужно было оставаться стойкой. Несмотря на то, что сказал бы папа об отношениях дедушки и Grand-Maman, мы были самими собой. И я могла смотреть на Уильяма не придумывая то, чего не было.

— Я знаю, что как бы сильно ни старалась, всегда буду винить тебя в том, что не смогла осуществить свою мечту — преподавать.

Уильям сделал шаг вперед.

— Софи, но ты будешь преподавать. Я уверен.

— Надеюсь, когда-нибудь, да. И если я решусь, то начну с нуля. Равно как моя жизнь начнется с нуля и не будет привязана к прошлому. — Я подавила горестный всхлип, рвущийся наружу. — Извини, Уильям, но так просто получилось. Глубоко внутри ты знаешь, что это — правильное решение.

— Сейчас я знаю только, что мое сердце разбивается. Вся моя жизнь превратилась в дерьмо, а ты оставалась единственным лучиком солнца в этом всем. А теперь и последняя надежда пропала.

— Прости.

— И ты меня прости. За то, что в твоей упрямой голове засело, что есть правильные и неправильные отношения. Что встреча двух людей должна быть идеальна и все сразу идти гладко. Прости, Софи, но это полная херня. И ты слишком умна, чтобы быть такой наивной. Отношения — это борьба. Кровавая, болезненная и пугающая. Точно так же, как меняется и покрывается шрамами поле боя, меняются и отношения. Но именно происходящее определяет величие. И учитывая, что ты учитель английского, ты, блядь, должна знать, что самые великие любовные истории никогда не были легкими.

— Ну да. В конце там обычно все умирали.

— Никогда не замечал, что ты такая пессимистка, когда дело касалось любви.

— Я и не была, пока тебя не встретила. А потом «опачки», и все страдания стали реальными. С тобой рядом произошло все плохое, что вообще могло произойти.

— О, похоже я собрал в себе самое худшее. В конце концов это уже третий раз, когда мы разговариваем о наших отношениях в таком ключе.

— Мне жаль, Уильям, честно. Но так и должно было произойти.

— И как сабмиссив я должен покориться желанию Госпожи, да?

— Я никогда не была твоей Госпожой, и ты это знаешь.

— Ты владела моим телом, сердцем и душой.

Зажмурив глаза, я прошептала:

— Уильям, пожалуйста.

— Хорошо. Во имя Ваших желаний.

— Спасибо.

Когда он спускался с крыльца, я должна была ощутить облегчение, но этого не случилось. Вместо этого мне показалось, что одна из пуль дробовика попала мне в грудь и разнесла сердце на мелкие кусочки. Чувствуя головокружение, я ухватилась за перила, чтобы не упасть.

Внизу Уильям остановился. Он помолчал минуту, прежде чем повернуться.

— Если бы я не встретил тебя в «1740», ты все равно привлекла бы меня в школе. Я узнал бы тебя получше, и мне бы понравился твой сарказм, твоя сила и твоя доброта. Мне пришлось бы бороться со здравым смыслом, чтобы не пригласить тебя на свидание. И ты

никогда не сможешь убедить меня в том, что нам не суждено было встретиться и не быть вместе.

Сказав это, он сел в свой «Порше» и уехал, увозя в ночь кусочек моего сердца.

Двумя неделями позже

Резкий свистящий звук рассек воздух, и тонкая металлическая трость опустилась на спину Оуэна. От жгучего удара он непроизвольно дернул руками, связанными веревкой.

Выйдя из «1740», я не думала, что когда-нибудь туда вернусь. И когда приезжала, чтобы встретиться с Каллой, это ощущение усилилось. И, хотя Роберт говорил, что моему возвращению всегда рады, я ему не поверила. Или не хотела верить, что мне понадобится вернуться.

Но вот я тут, в моем наряде Домины, состоящем из юбки и корсета, выбиваю дерьмо из Оуэна.

И пусть я одета как Домина, у меня было не то самое *нужное* настроение. Мой разум терзали темные мысли. Беспокойство за быстро ухудшающееся здоровье отца. Страх за то, что Смерть уже стояла на пороге нашего дома и только и поджидала, как бы скорее его забрать. Горе из-за провалившейся карьеры учителя. Волнение — смогу ли я вновь когда-нибудь работать преподавателем.

И агония, которая накрывала меня с головой при любой мысли о Уильяме.

И чем больше подобных мыслей проносилось в моем мозгу, тем усерднее я работала тростью, вкладывая в удары все, что накипело. И это давало некоторое освобождение.

— Госпожа, пощады! — закричал Оуэн.

Рука застыла на взмахе. За все те годы, когда у нас проходили сессии, Оуэн ни разу не использовал свое стоп-слово.

Трость выскользнула из моих пальцев и упала на пол. При виде крови, выступившей из ран на спине Оуэна, я в ужасе поднесла руку ко рту.

— О, Боже, Оуэн. Мне так жаль!

— Развяжи меня.

Я не стала ослаблять веревки. Вместо этого просто выхватила из сумки ножницы и быстро их разрезала.

— Не двигайся. Я принесу аптечку.

Он посмотрел на меня через плечо.

— Не нужно.

— Что, прости?

— Я говорю, не нужно.

— Но у тебя раны на спине, — возразила я, присев на колени возле кресла для пыток гениталий, — нужно их обработать. Наверное, даже лучше позвать Господина Элиаса, чтобы он тебя перевязал.

Оуэн покачал головой.

— Я больше беспокоюсь о тебе.

— Обо мне? — недоверчиво переспросила я.

— Сейчас на сессии... это была не ты.

Сжав кулаки, я приложила все усилия, чтобы не заплакать. Шрамы. Кровь. Господи, я ему навредила. Как я могла такое с ним сотворить? Этого не должно было случиться.

— Оуэн, мне так жаль, — я покачала головой. — То, что я тебе навредила, это просто

убивает меня.

Он рассмеялся.

— Думаешь, я использовал стоп-слово из-за боли?

Я кивнула.

— Софи, я мазохист, помнишь?

— Помню, но у всех свой предел, особенно, если у человека связаны руки.

— Я остановил тебя, потому что понял, что больно тебе.

— Но...

— Ты не давала мне МОЮ боль. Ты отдавала мне СВОЮ.

Я больше не могла сдерживать слезы. Они хлынули из глаз, проделывая влажные дорожки на щеках.

— В последнее время я все порчу. Теперь вот испортила сессию.

— Ты не испортила сессию.

— Испортила.

— Ну, не совсем. — Он смущенно взглянул на меня, а потом уставился в пол. — Я кончил без разрешения.

Осознав, что почти сижу в луже спермы, я отпрыгнула.

— Очень милый вариант помочь мне почувствовать себя лучше.

Оуэн рассмеялся.

— Подловила, детка. Отличная сессия, я считаю.

Я игриво ударила его по щеке.

— Кончил без разрешения, назвал меня деткой. Я тебе задницу синяками распишу, и в этот раз ошибки не будет. — Взглянув на его спину, покрытую вздувшимися свежими шрамами, я поморщилась. — Теперь ты разрешишь промыть твои раны?

— Только если мы поговорим в процессе.

— О чем? Ты же был на встрече Школьного Совета. Ты и так все знаешь.

Оуэн понимающе взглянул на меня.

— Я хочу, чтобы ты рассказала о нем.

От боли, вызванной одним упоминанием об Уильяме, я зажмурилась.

— Значит я прав, ты к нему что-то чувствуешь.

— Да, — прошептала я.

— Давай приберемся тут.

— Ладно, — кивнула я.

Поднявшись с пола, я подошла к шкафу, где лежала аптечка. Потом, вымыв руки, намылила два полотенца, взяла спирт и марлю. Натянув пару резиновых перчаток, я осторожно положила мыльную ткань на спину Оуэна и, услышав шипение, поморщилась.

— Прости.

— Если я скажу, что у меня снова встал, ты почувствуешь себя лучше?

Происходящее было настолько абсурдно, что я рассмеялась.

— Может быть.

— Хорошо. — Я продолжила смывать кровь, и Оуэн спросил: — Так куда делся Уильям?

— Не знаю. Я не говорила с ним после того дня. — Я бросила пропитанное кровью полотенце на пол и взяла другое. — Все прошло... плохо.

— Он виноват или ты?

— Я. — Мой вздох был полон сожаления.

— Почему?

Медленно смакуя болезненные детали, я пересказала Оуэну наш последний разговор.

— Так почему ты его отшила?

— Почему? Ты сейчас серьезно?

— Ну да, вполне.

— Ну что такого хорошего могло произойти, останься мы вместе? Не считая вообще того, что он — сабмиссив, а я работаю Доминой за деньги. А потом еще все это школьное дерьмо навалилось.

— У всех пар есть прошлое. У некоторых оно более странное, чем у других. Что до этой херни «Домина-саб», так над этим просто нужно поработать. В смысле, посмотри на меня. Ни одна из моих жен не интересовалась сессиями, поэтому я просто занялся этой частью жизни самостоятельно. Уильям мог бы удовлетворять свои желания и без тебя.

— В том то и дело. Я полный сторонник моногамии. И я не смогла бы целовать Уильяма у двери, отправляя его к другой Домине.

— Даже если бы это была одна из девочек в клубе, которой ты доверяешь?

При мысли о Госпоже Ангел или Госпоже Венере, протягивающих свои лапки или хотя бы флоггеры к Уильяму, внутри меня проснулось желание убивать.

— Нет. Не могу.

Пропитав комок ваты спиртом, я начала протирать рубцы на спине Оуэна, не касаясь открытых ран.

Он не сопротивлялся, только задышал чаще.

— Ты что там, драть пытаешься? — требовательно уточнила я.

— Еще раз замечу, я мазохист, — рассмеялся Оуэн.

— Ты просто невозможен.

— А ты психологическая мазохистка.

Мои пальцы, касающиеся его спины, застыли.

— Что, прости? Ты что, реально думаешь, что я наслаждаюсь этим состоянием?

— Вообще, реально не думаю, — вздохнул Оуэн. — Скорее всего термин неправильный. Как называют тех, кто отталкивает людей, которых любит, потому что боится, а потом ощущает себя несчастным, вместо того, чтобы дать отношениям шанс?

— Я не боюсь. Я просто реалистка.

— Пойми, что будь все «реалистами», тестирование не понадобилось бы. Но, вместо этого, люди рискуют и терпят неудачи. У большинства обстоятельства складываются так, что все шансы против них. Но они верят в себя и сдают тест — чтобы рискнуть.

— Господи, тебе обязательно все сводить к литературным аналогиям, чтобы пошатнуть мою решимость? — поддразнила его я.

— Ты отклоняешься от темы.

— А ты когда заделался психологом?

— Любой мало-мальски стоящий адвокат, сталкивается с чертовски большим количеством психоанализа. Эта хрень пригодится для всего, от бракоразводных дел до убийств. — Оуэн оглянулся. — Кроме того, я уже пятнадцать лет в терапии. И знаю достаточно, чтобы быть опасным.

— Это точно. — Я обработала кожу возле последнего шрама. — Похоже, все не так плохо, как мне показалось. Но я все еще за то, чтобы позвать Господина Элиаса, чтобы тот

взглянул, не надо ли наложить швы.

— Ты снова отклоняешься от темы.

Разочарованно зарычав, я встала.

— Ну а что мне еще делать, как думаешь? Позвонить ему? Приехать туда, где он сейчас, вывалить на него свою любовь и упасть в объятия?

— Да. Это именно то, что тебе следует сделать по моему мнению.

— И что дальше? Папу я не брошу, значит мне надо предложить Уильяму вернуться в город, который облил нас помоями, и жить там долго и счастливо?

— Ты не права. Даже если учесть, что я многого не видел, но на том собрании было достаточно много людей, которые тебя поддерживали.

Я помахала рукой, чтобы показать, что он свободен.

— Ты в курсе, что если мне нужно что-нибудь купить — от простого сникерса до тампонов — я должна либо ехать полчаса до другого города, либо терпеть шепот за спиной?

— Прошло только несколько недель. Дай людям время. Сплетни утихнут.

— Семь месяцев и девять дней.

— Что, прости?

— Семь месяцев и девять дней, именно столько прошло, когда утихли слухи про мою сбежавшую мачеху.

— Ну ладно, значит у тебя есть примерно год, чтобы эти узколобые жопошники заткнулись. По большому счету, это не так важно, как быть несчастным в свои двадцать четыре — двадцать семь лет.

Прикусив нижнюю губу, я спросила:

— Так что, думаешь, я должна ему позвонить?

Оуэн взглянул на меня поверх своего плеча и улыбнулся.

— Думаю, что тебе пора бы включить эмоциональный интеллект и лететь на крыльях своей любви.

— Отличная аналогия, — засмеялась я.

— Пожалуйста. Позвони ему или съезди. Сделай то, что принесет тебе счастье. Только вы двое реально знаете, что там происходит между вами, и неважно, кто там еще что думает.

Обхватив ладонями щеки Оуэна, я подарила ему нежный поцелуй и, чуть отклонившись, произнесла:

— Мне действительно жаль насчет того, как получилось сегодня.

— Не волнуйся. Иди домой, напейся, ляг, поспи и забудь обо всем. Завтра будет новый день.

— Как скажешь, Скарлетт.

— Так и знал, что ты ее вспомнишь.

Оглядев комнату, я покачала головой.

— Если отключу голову, я не уверена, что смогу заниматься всем этим.

— А тебе и необязательно. Ты можешь снова найти работу учителем еще до того, как закончится учебный год.

— Ты реально в это веришь?

— Верю, — подмигнул он. — И совершенно случайно знаю пару людей, которые могут немного тебе помочь.

— Ох, Оуэн, ты слишком хорош для меня.

— Ты самая лучшая Госпожа из всех, кто у меня был, поэтому с моей стороны будет

совершенно честно оказать тебе услугу.

— Но ты уже оказал, когда согласился представлять мои интересы.

— Я помогал себе. Знаешь, сколько звонков мне поступило после окончания твоего дела? Сотни. Я почти что Ф. Ли Бейли, только из Атланты (*примеч. пер.: Фрэнсис Ли Бейли младший (10.06.1933 — 03.06.2021 гг.) — бывший американский адвокат по уголовным делам*)

— Это только пока я тебе помогаю, — рассмеялась я.

— Даже больше, чем сама думаешь. — Он склонил голову. — Госпожа, могу я получить разрешение поцеловать Вас в щеку?

— Да. Можешь.

Оуэн наклонился и нежно, но целомудренно поцеловал меня.

— Спасибо, Госпожа.

Протянув руку, я погладила его щеку.

— Нет. Это тебе спасибо, мой дорогой саб.

Хотя я вернулась домой около двух часов ночи, мне каким-то образом удалось вытащить себя из постели в семь утра. Хотелось убедиться, что завтрак для отца будет готов к тому времени, как тот проснется. Раньше папа работал по внутренним часам и, как любой фермер, вставал с восходом солнца. Но в последнее время он засыпал и просыпался все позже. И иногда его было трудно разбудить. Я старалась не думать о предупреждении невролога, что это могло происходить из-за того, что диафрагма становилась слабее.

Поскольку в последние дни у отца не было аппетита, я решила испечь его любимые блинчики с черникой. Как раз накануне Сьюзи съездила на рынок и купила для нас свежих овощей и фруктов. И пусть она не говорила об этом, я знала, что Сью хотела избавить меня от унижения во время поездки в город. Теперь, когда я работала днем, а Ансель — ночью, Сьюзи осталась без работы. Но она по-прежнему настаивала на том, чтобы приходить каждый день и помогать нам, как только могла. Отказавшись брать какую-либо плату.

Около восьми в кухню, шаркая, вошел Ансель. Он был одет в боксеры, а на голове птицы свили гнездо из его волос.

— Что творишь?

— Эм, готовлю.

— Не может быть, ты у нас прямо Капитан Очевидность. Я вообще-то хотел уточнить, что ты тут делаешь так рано утром в субботу.

— Поскольку, в отличии от своих ленивых детей, папа не засоня, я решила приготовить завтрак, чтобы он проснулся и поел горячего.

— Спасибо, Боже, за твое провидение, но я уже не могу вернуться в кроватку.

— Еще слезу пусти, — фыркнула я.

— Ну да, ну да.

— Я и для тебя блинчиков напекла.

Выражение его лица мгновенно сменилось на воодушевленное.

— Да ладно?

— Конечно. Я же в курсе, как ты их любишь.

— О-о-о... спасибо, Соф. Это делает раннее утро не таким уж мерзким.

Я рассмеялась.

— Только ты можешь считать восемь утра ранним утром. И не слишком воодушевляйся. Может я и замесила тесто, но тебе придется заняться выпечкой, пока я буду будить папу.

— Рабовладелица, — пробурчал он.

Болезненно потрепав Ансея за щеки, я взяла поднос, заставленный едой, и направилась в папину комнату. Странно, но я не услышала звука работающего телевизора — обычно папа включал его, как только просыпался.

Открыв дверь, я вошла в комнату и обнаружила, что он проснулся и просто смотрит в окно.

— Доброе утро.

— Доброе, — ответил он, не отрывая взгляда от окна.

— Сегодня очень красиво, да? — спросила я, достав специальный столик, который мы купили в медицинском магазине.

— О да. — В его голосе звучала глубокая тоска.

Заправляя салфетку за ворот пижамы, я не могла вспомнить, когда папа в последний раз был на улице. Может быть в тот вечер, когда пошел со мной на заседание школьного совета?

Нарезая блинчики, я задумалась, как много всего пропускал отец в жизни — ощущение поводьев, зажатых между пальцев, запах кожаного седла, скольжение веревки в ладони. Вся его жизнь свелась к четырем стенам его спальни.

Внезапно я поняла, что нужно делать.

— Пап, не хочешь прогуляться после завтрака?

Медленно повернув голову, он посмотрел на меня. В его глазах читался вопрос — как это вообще возможно, учитывая, что он вынужден постоянно дышать кислородом и носить катетер?

— Это можно устроить, — улыбнулась я.

— Конечно. С удовольствием.

Я подняла палец.

— Погоди секунду.

Подойдя к двери, я позвала Анселя, и он прибежал в комнату с лопаткой в руке.

— Что такое?

— Слушай, после того, как мы все позавтракаем, я хочу, чтобы ты помог папе пересесть в инвалидное кресло. Мы пойдем на прогулку.

Ансель удивленно поднял брови.

— Точно?

— Точно, — подтвердила я с улыбкой.

Хотя он выглядел немного неуверенным, брат ответил:

— Ладно. Я только пару блинчиков переверну.

— Не торопись. Папе тоже нужно поесть.

Ансель кивнул и вышел. Я поднесла крошечный кусочек блина к папиным губам. Он потянулся и откусил его, жуя медленно и тщательно.

— Блинчики с черникой. Мои любимые.

— Потому я их и сделала.

— Ты так добра ко мне, Софи, — улыбнулся отец. — Бог не мог благословить меня больше, чем дав такую дочь.

Я поднесла к его рту еще кусочек.

— А как насчет той, которая не ввязалась бы в секс-скандал?

— Мы уже говорили об этом, и тебе хорошо известно, что я думаю по этому поводу.

— Да. Я знаю. Просто не могла тебя не поддразнить.

— Что у тебя с Уильямом?

При звуке его имени вилка в моей руке застыла на полпути.

— Вау, так сразу.

— Софи, серьезно.

— Понятия не имею. Я с ним не говорила. — Папа отвернул голову от блинчика, я внимательно посмотрела на него. — Ты что, хочешь поиграть в «летит самолет», как будто ты маленький?

— Я хочу понять, почему ты так сглупила, порвав с ним.

Вилка выпала у меня из рук и звякнула о стол.

— Откуда ты знаешь, что мы расстались?

Он кивнул подбородком в сторону окна на дальней стене. Именно тогда я поняла, что в

комнате было слышно все, что произошло на крыльце.

— Это должно было случиться, — ответила я, снова беря вилку.

— Нет. Не должно.

— Давай не будем говорить об этом, хорошо? Тебе нужно съесть свои блинчики.

— Ты не можешь выбросить свое счастье в мусор и ожидать, что я промолчу.

Я покачала головой.

— Пожалуйста. Давай не будем. Можно просто позавтракать вместе и подумать о том, сколько замечательного ждет тебя снаружи?

— Продолжай отрицать свои чувства, дорогая моя, и когда ты очнешься, то поймешь, что упустила очень много времени и любви. — Я открыла рот, чтобы снова попросить сменить тему, но отец поднял палец, призывая послушать его. — Просто пообещай, что обстоятельно и серьезно подумаешь, прежде чем окончательно порвешь с Уильямом.

— Хорошо, пап. Я так и сделаю.

По правде говоря, у меня не было проблем с тем, чтобы думать о Уильяме. Я все время думала о нем. Даже до того, как поговорила с Оуэном прошлой ночью. Мысли о Уильяме никогда не покидали моей головы.

— Хорошо, — улыбнулся папа. — Теперь можешь дальше кормить меня этими восхитительными блинчиками.

Я вернула ему улыбку.

— Вот это мне больше нравится.

Усадить папу в инвалидное кресло и закрепить так, чтобы спина оставалась ровной, оказалось целым представлением. И еще нужно было соблюдать осторожность с кислородным баллоном и катетером. Папа быстро придумал шутку о том, что не стоило тянуть за катетер, потому что последнее, что ему было нужно — это потерять пенис. Только мой отец мог сохранить подростковое чувство юмора перед лицом болезни.

Как только мы устроили его и вышли за дверь, Ансель покатиł инвалидное кресло по неровной дороге вниз к сараю. При каждом толчке я вздрагивала вместе с папой, но он, казалось, не слишком возражал. Вместо этого отец вертел головой из стороны в сторону, будто в отчаянной попытке осмыслить происходящее.

Хотя лошади были на пастбище, Ансель все равно покатиł папино кресло к амбару. Я была благодарна за хорошую погоду в последние дни, из-за этого колеса не застредали в грязи. Отцу наверняка хотелось пойти в амбар, чтобы посмотреть на стену с наградами, я догадывалась об этом и оказалась права. В момент, когда тот увидел блеск металла на солнце, его глаза загорелись.

— Полагаю, что успел забыть, сколько соревнований выиграл.

— Ты был лучшим, пап, — с гордостью произнес Ансель.

Отец улыбнулся.

— Конечно был, разве не так? — он рассматривал наградные ремни, а потом папин взгляд наткнулся на фотографии. — Можете подать мне фото Мэгги?

— Конечно. Секунду.

Я подошла и сняла фото мамы, сделанное на соревновании по езде на бочках.

Как только фото оказалось в руках отца, он провел пальцами по изображению под стеклом.

— Она была что-то с чем-то. Женщина-огонь. — Он посмотрел на меня. — Прямо как ты.

— Рада, что унаследовала ее суть, — рассмеялась я.

— Суть у нее была что надо. Она точно знала, как поставить меня на место и заставить подчиниться.

— Может быть ты тоже немножко сабмиссив, — подмигнув, ответила я.

Папа улыбнулся.

— Может и так.

Ансель с отвращением фыркнул.

— Может вы двое прекратите? Вот последнее, что мне интересно узнать, так это о сексуальной жизни отца.

— Давным-давно я был диким жеребцом. Но Мэгги поймала меня и стреножила, словно одного из своих бычков, — задумчиво произнес папа.

— Ну, она была не единственной. Моя мама тоже проделала чертовски хорошую работу, — возразил Ансель.

— Верно. Хорошую. Обе мои жены пробыли рядом недолго, но перед уходом они оставили мне нечто замечательное.

Ансель застонал.

— Отлично. Теперь ты предаешься воспоминаниям. Можем мы уже свалить на пастбище, пока у меня мужественность не отсохла со всей этой вспоминальщицкой ерунды?

Я знала, что эти эмоции затронули и брата, поэтому он справлялся как мог. Ведя себя как маленький придурок.

— Ладно, ладно. Поехали.

Я повернулась, чтобы повесить фото на место, но папа покачал головой.

— Хочу поставить его в моей комнате.

— Ладно. Но ты уверен, что хочешь оставить рамку у себя на коленях? — спросила я.

— Уверен.

Поскольку отец был не из тех мужчин, с которыми можно спорить, я жестом велела Анселю вывезти папу на улицу. Мы подошли к главному забору. Первой, на кого мы наткнулись, оказалась одна из самых старых кобыл — черная американская кватерхорс по кличке Белль.

Ансель подвез папу так близко, насколько это было возможно. Всегда дружелюбная, Белль подошла ближе, чтобы ткнуться головой в папины колени. Он провел руками по ее морде.

— Здравствуй, девочка моя, как ты?

Будто зная, о чем он спросил, Белль заржала в ответ. Погладив ее, как сумел, наполовину отказавшими пальцами, отец посмотрел на меня.

— Почему бы тебе не проехать кружок на Белль?

— Серьезно?

Отец улыбнулся.

— Может она и старушка, но это не значит, что она не сможет хорошенько прокатить тебя разок другой.

Я вернула ему улыбку.

— Ты прав, — и, посмотрев через забор на лошадь, я добавила, — похоже, мы с тобой собираемся немного прокатиться.

Белль, словно предвидела, что я подойду к низкому месту в заборе, потому что уже была там, чтобы встретить меня. Она была последним подарком отца моей матери. Через две

недели после маму сбросил пони, и она умерла. Белль была особенной, а после стала первой лошадкой, на которой я училась ездить верхом.

— Давай, иди сюда, старушка, — сказала я, выводя ее из загона.

Учитывая возраст, мне не хотелось мучить лошадь, седлая ее или надевая уздечку. Просто понадеялась на то, что она позволит прокатиться без упряжи.

Схватив Белль за гриву, я подтянулась и запрыгнула ей на спину. Усевшись, я еще крепче вцепилась в гриву, другой же рукой обхватила ее за шею и мягко сжала ноги на крупе.

— Поехали.

Белль начала медленно двигаться вдоль линии забора, и я не могла не вспомнить о своей последней прогулке верхом, когда Уильяму понадобился урок верховой езды. Закрыв глаза, я все еще ощущала тепло и твердость его тела, прижатого к моему. И его руки, обнимающие меня так крепко, чтобы он мог дотянуться до поводьев. Мне не хотелось признаваться ни папе, ни самой себе, но я скучала по Уильяму. Я любила его больше всего на свете, именно поэтому боль в груди не проходила.

Открыв глаза, я посмотрела на папу, и сердце наполнилось другой болезненной любовью. Я знала, что он сейчас не меня видит на лошади — он видит мою маму. После всех этих лет, она была единственной, кого он любил всеми фибрами души. И несмотря на то, что жизнь разлучила нас с Уильямом, не могла не задаться вопросом, буду ли и я так любить его всю оставшуюся жизнь.

Проехав еще один круг, я остановилась возле папы с Анселем.

— Ты великолепна, милая, но я слегка устал. Думаю, лучше нам отправиться домой, — сказал отец.

— Хорошо, пойдем. — Я приподнялась, чтобы спешиться, но папа покачал головой. — Покатайся еще немного. Ансель отвезет меня.

— Уверены? — Оба кивнули. — Хорошо. Я проеду на ней до конца пастбища и вернусь. Папа улыбнулся.

— Звучит здорово. Сегодня мы не смогли побеседовать подробно, милая, но будет здорово, если мы сможем повторить этот день.

— С удовольствием. Думаю, Ансель тоже согласится.

— Увидимся дома, — откликнулся брат.

— Пока! Люблю вас! — крикнула я и сжала бока Белль бедрами, посылая ее в галоп.

Стояла великолепная погода. День словно был специально создан для прогулки верхом. Я проехала на Белль три мили, прежде чем повернуть назад, домой. Папа был прав, мне нужно было прокатиться. Это прояснило голову и заставило меня почувствовать себя отдохнувшей больше, чем я могла представить. А поскольку времени теперь появилось больше, мне стоило чаще садиться в седло.

Добравшись до ближайшей к амбару ограды, я спешила и похлопала Белль по боку.

— Спасибо за поездку, милая. Попозже я принесу тебе немного моркови.

Казалось, лошадь снова поняла мои слова, потому что в ответ с одобрением заржала. Закрыв за собой ворота, я рассмеялась.

Дома я нашла Ансея в кабинете, он смотрел телевизор.

— А где папа? Спит?

— Скорее всего. Когда я оставил его в комнате, он смотрел ТВ.

— Пойду проверю его.

— А что у нас на обед?

— Что?

Ансель закатил глаза.

— Что ты приготовишь?

— А кто сказал, что я буду готовить?

— Ладно, понял. Пицца или китайская кухня?

— Хм-м-м... Думаю, китайская. И, думаю, тебе придется съездить за едой на вынос.

— Ладно. Рискну, и пусть люди в городе тычут в меня пальцами, называя братом той чокнутой телки с хлыстом.

Я засмеялась.

— Они серьезно так говорят?

— Ну, слышал разок, — ответил Ансель.

Я надеялась, что это реально случилось только раз и брат не пытается щадить мои чувства.

— Ладно, хрен с ним. Пойду, посмотрю, может папе что-то надо.

Сделав остановку в прачечной, я взяла корзину для грязного белья и направилась в папину комнату.

— Эй, пап, мы с Анселем хотим заказать китайскую кухню. Как ты думаешь?

Подойдя к комоду, я начала собирать ношенную одежду, а потом оглянулась и заметила, что отец склонил голову на бок и прижал к груди. Должно быть, он заснул, смотря свой фильм. Я подумала, что тот, вероятно, устал после прогулки, и не хотела его будить, но подошла и похлопала по ноге.

— Пап, я знаю, что ты хочешь спать, но нужно покушать. Что тебе взять в «Му Лан»?

Он не ответил, потому я потрясла его за ногу и переспросила:

— Папа?

Не дождавшись ответа, я впала в панику и забыла, как дышать. Обогнув кровать с другой стороны, я схватила папу за плечи и аккуратно потрясла.

— Папа, проснись!

Прижав ухо к его груди, я хотела послушать биение его сердца. Но не услышав ни звука, схватила папину руку и уже попыталась нащупать пульс.

— О, нет-нет-нет! — вырвалось из меня. Я снова схватила его за плечи. — Папа, очнись, пожалуйста.

Я знала, что этот день когда-нибудь настанет. Доктор и медсестры рассказывали, на что обращать внимание. Но до этого самого момента я не верила, что это произойдет.

С моих губ сорвался крик, полный мучения. Я уткнулась лицом в грудь отца и зарыдала.

В дверном проеме появился Ансель.

— Софи, что такое?

Я не смогла ответить. Все, что я могла — это укачивать хрупкое тело папы в своих руках.

— О Боже, нет-нет, — забормотал брат. Я слышала, как он достал телефон и набрал номер. — Нужна скорая. 225 Брэйвуд Лейн. Мой папа без сознания и не реагирует.

Я подняла голову и встретила с полным паники взглядом Анселя.

— Не надо скорой. Папа умер.

— Ему просто надо дать кислород или разряд тока, чтобы запустить сердце.

— Нет, малыш. Он умер.

Лицо Ансея исказилось агонией. Телефон выскользнул из его пальцев и со стуком упал на пол. Я слышала голос оператора, пытающийся узнать, что же у нас случилось.

Глаза брата наполнились слезами, а грудь начала хаотично вздыматься. Он направился к кровати, делая медленные, осторожные шаги, как делал, когда был ребенком, только начавшим ходить.

Дойдя до кровати, он опустился на пол рядом со мной. Я притянула брата ближе и обняла свободной рукой. Его широкие плечи опустились, и Ансель заплакал. Мы оставались в этой позе, безудержно рыдая, пока в дверь не ворвались paramedics.

Легкий дождь омывал ветровое стекло нашего грузовика, пока мы с Анселем ехали в город. Ночью на нашу область пришел штормовой фронт. Я долго не могла уснуть, потому что отчетливо слышала далекие раскаты грома, а потом и звуки дождя, начавшего барабанить по жестяной крыше.

Вчерашнее васильковое небо сегодня расчертили серые полосы. В этом был особый смысл. Мир должен был стать бесцветным, как и моя жизнь сейчас, когда не стало отца. Я была благодарна кому-то свыше за то, что его последний день оказался таким хорошим, хотя поначалу и опасалась, что именно прогулка стала причиной, приведшей к смерти. Но коронер и друг нашей семьи, Джед Симс, успокоил меня.

Чтобы он смог осмотреть папу, мы с Анселем вышли. Джед подогнал катафалк, чтобы перевезти тело, а потом потащил нас с братом на кухню. Я знала, что он хотел поговорить, и догадывалась, что ему хотелось защитить нас от ужасной картины — как тело нашего отца, выкатили на носилках и накрыли мешком для трупов.

Глядя в голубые глаза Джеда, я вспомнила, как обычно папа говорил: «Почему же он такой круглый, как и высокий?!» и старалась не улыбаться. Джед ткнул коротким пальцем в нас с Анселем.

— Не хочу, чтобы вы испытывали чувство вины или мучили себя вопросами «что, если бы». Без разницы, где находился бы Майкл, в больнице или в доме престарелых. Никто не смог бы спасти его от последствий болезни. В лучшем случае ему пришлось бы провести остаток своих дней в больнице, подключенным к аппарату искусственной вентиляции легких. И зная Майкла, он бы это возненавидел. Вы двое дали ему комфорт и легкую жизнь в последние дни.

— Но мы были на улице, — возразила я.

— Софи, деточка, толика свежего воздуха не могла его убить. Пусть произошедшее и похоже на сбой сердечно-сосудистой и легочной систем, свежий воздух просто физически не смог бы сделать что-то, что дало бы такую реакцию организма.

Джед наклонился вперед, чтобы подбадривающе похлопать Ансея и меня по щекам.

— Вы двое были лучиками света в его самые темные дни. Ты заботилась о нем неустанно и самоотверженно. Немногие отцы могут сказать то же о своих детях. Майкл часто говорил, что победы во всех этих соревнованиях с лассо были потрясающими, но, глядя на вас двоих, он испытывал истинное восхищение.

От этих добрых слов я снова заплакала.

— Спасибо.

— Тут не за что благодарить. Мы с Майклом дружили с детства. И я благодарен Богу, что у него выросли дети, которыми можно только гордиться.

Шмыгая носом, я вытерла щеки тыльными сторонами ладоней.

— На случай, если ты не в курсе, мой нимб немного потускнел.

— Чувшь собачья. Любой, кто знает тебя и твоего отца, так не думает. Они знают, что ты делала все возможное и невозможное из-за любви. — Джед перевел взгляд с меня на Ансея. — А теперь пообещайте мне, что вы двое не будете винить себя в его смерти.

— Мы постараемся, — ответила я, дождавшись кивка брата.

Скрип дворников по ветровому стеклу вернул меня в настоящее. Ансель на мгновение

оторвал одну руку от руля и крутанул ручку радио. В машине стояла могильная тишина, потому что нам не хотелось разговаривать.

Вчерашний день прошел также. Около полуночи Ансель без стука открыл дверь в мою комнату. Когда он подошел к кровати, я откинула одеяло, и он скользнул ко мне, сделав то же, что в детстве, когда боялся темноты или буки под кроватью. Я прижала его к себе и сказала, что все будет хорошо.

Но я не пыталась его утешить. Он остался на одной стороне кровати, я — на другой. Сантиментам было не место. Нельзя было сказать или сделать что-то, отчего нам обоим стало бы лучше. Несмотря на то, что его мама в отличии от моей была жива, он с тем же успехом мог быть полным сиротой.

У нас остались только мы.

Ансель заехал на пустую стоянку возле похоронного бюро Грейнджера. Папа сам хотел, чтобы его похоронили тут, рядом с мамой, бабушкой и дедушкой. Брат выключил зажигание, но мы остались сидеть в машине, уставившись в лобовое стекло.

Внезапно Ансель ударил ладонями по рулю.

— Гребаный ад, я не хочу делать это.

Я с презрением фыркнула.

— А кто в здравом уме хочет?

— В том-то и дело. Я в своем уме, потому мне надо выпить. Для поддержки.

— Думаю, что как твой опекун я должна сказать, что ты должен забыть о выпивке до твоего совершеннолетия, да? Не говоря о том, что топить печаль в алкоголе совершенно бесполезно.

— Ну да, но ты мой опекун только на ближайшие пять месяцев. Потом мы можем разъехаться и жить своей жизнью.

Я взглянула на папку, лежащую у меня на коленях. В ней лежало завещание и полис страхования вместе с распоряжениями, которые папа оставил для похорон, а также документы, где я назначалась опекуном Анселя. Еще отец написал письмо о том, чего он желал для нас с братом.

— Знаешь, мне не нужна никакая нотариально заверенная писулька, чтобы о тебе заботиться. Я делаю это с того самого дня, как ушла твоя мама. Даже когда тебе исполнится восемнадцать, и эта бумага станет недействительной, я всегда буду чувствовать ответственность за тебя. Потому что люблю, а не из-за каких-то обязательств.

Несколько секунд пристально посмотрев на меня, Ансель заерзал на сидении, а потом забарабанил пальцами по рулю.

— Я... — казалось, он с трудом подбирает слова, — я действительно люблю тебя, Софи. Знаю, иногда я веду себя, будто это не так. Но я действительно тебя люблю.

Мои глаза снова наполнились слезами.

— Спасибо, что говоришь об этом. Я знаю, что ты меня любишь, но иногда мне очень надо это услышать от тебя самого.

— Понимаю.

Я отстегнула ремень безопасности и придвинулась ближе к брату. Думала, что он уклонится или ответит, чтобы я убиралась от него нахрен. Но вместо этого Ансель заключил меня в объятия. Мы оба отпустили тонкую завесу, сдерживающую наши эмоции, и безудержно зарыдали.

Когда мы оба затихли, я отстранилась, чтобы вытереть слезы с его щек.

— Мы вместе, братишка. Мы всегда были и всегда будем рядом.

— Один за всех и все за одного, да? — спросил Ансель с улыбкой.

— Чертовски верно.

Улучив минуту, мы оба привели себя в порядок. Ансель дернул головой в сторону лобового стекла.

— Думаю, это зовут нас.

Проследив за его взглядом, я увидела на крыльце мистера Грейнджера.

— Ладно, пошли. Покончим со всем этим.

Улыбка мистера Грейнджера была грустной, понимающей, той, которой я уверена, он улыбался всем, кто проходил в эти двери.

— Софи, Ансель, очень сочувствую, — сказал он.

Ансель пожал ему руку.

— Спасибо, мистер Грейнджер.

— Ваш отец был удивительным человеком. Какую замечательную жизнь он прожил! Помню, как он побил рекорд по стреноживанию на региональном чемпионате.

Я заставила себя любезно улыбнуться. Как бы мне ни нравилось, что так много людей помнят успехи моего отца, прямо сейчас мне было на это насрать. Я была слишком зла. И слишком сломлена произошедшим.

— Мы с братом впервые на похоронах. Что нужно делать? — спросила я.

— Обычно мы с семьей садимся и вместе решаем, какие похороны им нужны.

Похлопав по папке, зажатой в сгибе моей руки, я сказала:

— Папа оставил распоряжения.

— Замечательно. Всегда лучше всего, если умерший оставляет распоряжения и его воля учитывается. Тогда, наверное, выберем горб? Полагаю, вы придерживаетесь традиционного погребения. Но если выбор другой, то можем посмотреть урны для кремации.

— Папа хотел традиционные похороны.

— Хорошо, тогда следуйте за мной.

Мистер Грейнджер повел нас по длинному коридору к двери, на которой значилось «только для персонала». За ней обнаружилась комната, заполненная гробами. В сопровождении владельца, я и брат медленно вошли внутрь.

— Как видите, у нас есть несколько моделей, из которых можно выбрать. Также можно заказать гроб по каталогу, мы доставим его в течении суток. Вы ведь не планировали поминальную службу раньше пятницы?

— Нет, — ответила я.

— Тогда это дает нам возможность раздвинуть временные рамки.

Мистер Грейнджер говорил дальше, но я его не слушала. Мое внимание привлек массивный гроб из красного дерева, перед которым стоял Ансель. Сооружение казалось захватывающим, хотя, наверное, иронично описывать гроб таким образом. Блеск дерева казался настолько ярким, что в нем можно было видеть отражение. По бокам красовались замысловатые узоры. Гроб был самой настоящей усыпальницей короля с соответствующей ценой.

— Этот, — сказал Ансель. Я покачала головой, и он непонимающе возразил. — Почему? Это лучший из тех, что тут есть. И блядь, папа заслуживает самого лучшего!

Пока мистер Грейнджер строил недовольное лицо по поводу лексикона Анселя, я подошла к брату и тихо сказала:

— Этот чертов гроб стоит пятьдесят тысяч долларов.

— Но ты сказала, у папы была страховка.

— Не настолько большая, чтобы купить гроб за пятьдесят кусков, а потом позаботиться обо всем остальном, что еще потребуется.

Мистер Грейнджер прочистил горло, и мы с Анселем обернулись на звук.

— Прошу прощения, что беспокою, но вам не следует беспокоиться о деньгах. Счет уже оплачен.

— Что, простите? — переспросила я.

— Утром кто-то принес чек на пятьдесят тысяч долларов с инструкцией, что деньги предназначены для похорон мистера Джеймсона, и мисс Джеймсон вправе потратить их на свое усмотрение. Это то, что я должен был передать вам.

— Кто это сделал? — спросил Ансель.

— Благодетель предпочел остаться анонимным, — ответил Грейнджер.

Чувствуя головокружение, я пошатнулась.

Уильям. Другого правдоподобного объяснения не было. У нашей семьи не было других знакомых с такими деньгами. Даже если бы папины приятели по состязаниям собрали пожертвования, такую сумму им было собрать не под силу.

В этот момент я не могла не задаться вопросом, как, черт побери, он узнал. Я не поддерживала связь ни с кем из «1740». Конечно, в городе слухи распространились за ночь, но он не был местным.

— Соф, все нормально? — спросил Ансель.

— Да, просто немного лихорадит. Наверное, съела что-то не то утром. — И, обернувшись к мистеру Грейнджеру, добавила: — Ладно. Мы принимаем пожертвование.

Ансель и я закончили выбирать, а мистер Грейнджер заверил нас, что папа будет готов к шести, когда начнется церемония прощания. Приватную церемонию для родственников и близких друзей было решено провести чуть раньше, в пять тридцать. Оставив в похоронном доме папин лучший костюм и распоряжения, которые он составил для похорон, мы вышли наружу и поплелись обратно к грузовику.

У нас оставалось примерно шесть часов, прежде чем необходимо было вернуться. Я отчаянно нуждалась во сне и одновременно задавалась вопросом — если выпить немного тайленола, какими будут последствия? Последнее, чего мне бы хотелось — это прийти в состоянии похожем на опьянение и дать еще больше пищи для сплетен.

Ансель сел на свое место и пристегнулся.

— Это же был Уильям, да?

Стараясь показаться дурочкой, я переспросила:

— Что Уильям?

Брат закатил глаза.

— Блин, ты сто процентов знаешь, о чем я.

— Да, — вздохнула я, — это Уильям прислал деньги на папины похороны.

— Ты с ним говорила?

— Со дня заседания Школьного Совета — нет.

— Почему?

— Все сложно, — уставившись на свои руки, ответила я.

— Я уже не маленький, ты в курсе?

— Я этого и не говорила.

— Ну так перестань меня отшивать. Давай, расскажи про Уильяма.

— Просто наши отношения невозможны, понимаешь? Как только мы начинаем встречаться, происходит какое-то говно.

— Но ты его любишь.

— А папа любил твою маму, но что хорошего получилось, кроме разбитого сердца?

Ансель покачал головой.

— Он никогда не любил мою маму.

— Конечно, любил. Когда она ушла, его это сломало. Он больше не захотел влюбляться.

— Моя мама была просто затычкой в той дыре, что осталась в его груди из-за смерти твоей матери. Вот кого он любил больше всего на свете.

Глядя на брата, я несколько раз моргнула. Мне и в голову не приходило, что он может быть прав.

— Смотри, столько времени уже прошло, а он пожелал быть похороненным рядом с ней.

— Это просто место на семейном кладбище.

— Лады, Соф. Не бреди мои раны. Я в курсе, что папа любил меня так же, как тебя. Но мне, некоторым образом, приятно, что он будет похоронен рядом с женщиной, которую тот любил всю жизнь.

От его слов из глаз снова полились слезы.

— Когда ты стал таким проницательным и умным, братишка?

Ансель фыркнул.

— Ну уж нет, умным я бы себя не назвал. Проницательным — возможно. Но умным? Неа.

— У тебя в твои семнадцать ума будет побольше, чем у многих мужиков за всю их жизнь.

— Уильям умный.

— Только не это, — простонала я.

— Ну да, снова о нем. — Ансель еще раз закатил глаза. — Я хочу, чтобы ты была счастлива, Соф. А он делал тебя счастливой.

— Я не знаю, сохранились ли у него чувства ко мне.

— Ну, он только что проделал до хрена работы, чтобы убедиться, что у папы будут достойные похороны. Если это для тебя не доказательство любви, то я не знаю.

— Он это не для меня сделал, а для папы. Они постоянно общались, когда Уильям приезжал на наши секретные свидания. И оба уважали друг друга.

— Не спорю, папе он нравился. Но то, что он сделал было для тебя, потому что док Ф все еще тебя любит. И когда все это дерьмо с похоронами отойдет на второй план — если ты не попытаешься наладить с ним отношения, то будешь самой большой тупицей, которую я знаю.

Я не ответила.

Вместо этого залипла в окно и попыталась взять в кулак вышедшие из-под контроля эмоции.

Я расположилась на первой скамье часовни похоронного бюро. Тишина просто оглушала. С трудом пережив закрытую часть церемонии для семьи и близких друзей, я сбежала, чтобы побыть в одиночестве.

Конечно, я знала, что должна сейчас стоять у гроба рядом с Анселем, приветствуя пришедших и выражая почтение. Но после того, как я увидела брата в его лучшем костюме с легкой улыбкой на губах, трещина внутри меня стала еще шире. Мне нужно было побыть одной, чтобы не заорать во всю силу легких.

Пока я пробегала через комнату, меня поймал Эверетт.

— Эй, кузина, погоди.

Яростно покачав головой, я ответила:

— Мне надо отсюда свалить.

— Хочешь проехаться на байке?

Предложение было заманчивым, но ответственная часть меня понимала, что нужно остаться рядом. Краем глаза заметив двойные двери, ведущие в часовню, я поняла, что нашла выход.

— Постоишь на входе, чтобы не впускать никого, кроме Ансея или Сьюзи?

— Конечно.

Вот так я и оказалась в часовне, постоянно теребя вышитый носовой платок. Бабушка подарила мне такой же в день похорон дедушки. «Всем леди на погребении необходим платок, с которым они ходят на похороны», — сказала она. Сегодня в моих руках был тот самый, что она несла в руках на похоронах своего мужа. Белый, с вышитыми на нем пурпурными ирисами, французской геральдикой.

Откинувшись назад, я постаралась плотно облокотиться на спинку скамьи. Кружевной материал платья буквально сводил меня с ума. Вместо того, чтобы поспать днем, я поехала в соседний город, чтобы купить платье на церемонию прощания и на похороны. Такое ощущение, будто снимали эпизод «Секса в большом городе», когда умирала мать Миранды, а Керри не попросила привезти ей платье из дома, а пошла купить новое, чтобы больше никогда его не надевать. То же самое настроение было и у меня.

Пусть купленное платье было красивым и выглядело весьма достойно, я знала, что сожгу его, как только сниму.

Внезапно мое внимание привлекли громкие голоса.

Услышав звук открывающихся дверей, я резко развернулась и задохнулась, а сердцебиение перешло в дикий галоп. Эверетт прижал Уильяма к одной из дверей часовни, вцепившись тому в лацканы костюма. Вскочив со скамьи, я подбежала к ним.

— Эверетт, подожди!

— Не кипишуй, Соф. С этим умником я разберусь.

— Не надо. Все нормально. — Я посмотрела в потемневшие глаза Уильяма. — Он свой. Эверетт перевел взгляд с меня на Уильяма.

— Уверена?

— Абсолютно.

Потеряв запал, кузен отошел. Уильям натянуто улыбнулся.

— Извини, чувак. Она моя кузина, и если Софи сказала охранять дверь, то никто, блядь.

не пройдет.

Уильям кивнул, поправил пиджак и галстук и сказал:

— Ценю это. — Затем пристально посмотрел на меня. — Я сделал бы все на свете, чтобы защитить Софи.

От его слов и от того, как Уильям их произнес, я почувствовала, как на глаза снова наворачиваются слезы.

— Ладно, оставлю вас вдвоем, — скользнув по нам обоим взглядом, ответил Эверетт.

— Спасибо, Эверетт, — ответила я, промокнув уголки глаз носовым платком.

Хлопнув Уильяма по спине, кузен вышел в коридор. Звук закрывшейся двери эхом прокатился по часовне. Минуту все, что я могла делать — это тупо пялиться на Уильяма.

В последние сутки мне хотелось, чтобы он был рядом больше всего на свете. Хотелось почувствовать уют его сильных рук, обнимающих меня. Хотелось прижаться ухом к груди и слышать звук его сердцебиения. Хотелось почувствовать тепло его кожи на своей. И хотелось, чтобы Уильям сказал мне, что все будет хорошо — так, как может только он.

И вот он здесь, стоит передо мной, а мои ноги приросли к полу, и я не могу сделать ни одного шага вперед, будто это гигантский прыжок.

— Полагаю, именно с ним ты ходила в «1740»?

— Да, это был Эверетт, — с нервным смешком ответила я.

— Он выглядит так, что легко мог бы набрать задницу Калле, но я слышал, что ты предпочла сделать это лично.

— Да. Предпочла.

— Ты ее избила. Это потому что ты мстила за испорченную нам обоим карьеру?

— Не только. Еще, чтобы отомстить за то, что она причинила тебе боль.

— Правда?

Я кивнула.

— Если кто-то навредит человеку, который мне не безразличен, я отвечу тем же, — на грани слышимости прошептала я. — Я всегда защищаю тех, кого люблю.

Уильям сделал осторожный шаг вперед, и расстояние между нами сократилось. Этой малости хватило, чтобы сломить мою нерешительность. Я бросилась в его объятия и зарыдала.

— Прости, прости, прости, — бормотала я снова и снова.

— Нет, малыш. Это я должен просить прощения. Мне так жаль, что меня не было рядом, когда я был нужен тебе больше всего, — сказал он мне на ухо.

И медленно успокаивающе водил рукой по моей спине. От этого ощущения я довольно выдохнула. Потому что скучала по его рукам на моем теле. Прикосновения Уильяма не только разжигали огонь желания, но и приносили успокоение, когда я была эмоционально разбита.

— Но это моя вина. Я сама оттолкнула тебя. — Чуть отстранившись, я посмотрела на него. — Мне хотелось позвонить почти каждый день, я так хотела тебя увидеть, но была слишком упряма и напугана.

Уильям взял мое лицо в ладони.

— Теперь я тут, с тобой и для тебя, Софи, готов пройти через ад и вернуться обратно, разделить все плохое и хорошее с тобой. Тебе нужно только разрешить мне.

— Я очень этого хочу. Просто... — я закрыла глаза. Мне не хотелось смотреть на него, признаваясь в слабости, — боюсь...

— Софи, посмотри на меня, — скомандовал он.

Ощувив серьезность тона, я немедленно открыла глаза.

— Не нужно бояться. Но, даже если страх останется, я смогу остаться стойким за нас обоих.

Я наблюдала за выражением его лица.

— Я знаю, что ты прошел бы сквозь огонь и воду ради меня. И не потому, что это была бы просьба твоей Госпожи. Это было бы потому что ты любишь меня. — Я приблизила свои губы к его и, после нежного поцелуя, прошептала: — И я тебя люблю.

Мне хотелось углубить поцелуй, но Уильям взял меня за плечи и отодвинул.

— Что ты сказала?

— Сказала, что люблю тебя, — улыбнулась я сквозь слезы, — и это действительно так, Уильям. Сильнее, чем я могла представить когда-либо. Я была такой глупой, когда думала, что все должно быть идеально, а если что-то шло не так — это знак, что нам не суждено быть вместе. Я пришла к пониманию, что наши отношения и есть идеальные.

— Действительно?

Его глаза светились любовью.

— Да, действительно. В изъянах есть особенная красота.

— Тогда должен согласиться, наши отношения весьма близки к идеалу.

— Так ты простишь меня за упрямство и глупость?

— Конечно, — улыбнулся Уильям и добавил, — уверен, это будет не в последний раз.

Я рассмеялась.

— Ну уж нет. Я уверена, что в последний.

— Однажды ты станешь моей упрямой и очень умной женой, — внезапно заявил он.

Это, конечно, не было официальным предложением, я знала это, но от этих слов сердце чуть не пробило грудную клетку. С улыбкой я ответила:

— Да, конечно.

Уильям приблизил свои губы к моим, а я не могла не подумать, как бы счастлив был папа, узнав, что мы снова вместе, и что он в какой-то степени приложил руку к нашему воссоединению.

В своем воображении я увидела, как отец стоит в божественно-белом свете рядом с Grand-Maman и дедушкой. Папа улыбался, а Grand-Maman сказала:

— Etre chérie heureux.*

(*будь счастлива и любима, фр.)

Папа улыбнулся.

— Верно. Будь счастлива, дорогая.

И я знала, что всегда буду стараться исполнить это желание, в честь любви и памяти о них.

Три года спустя

— Властью данной мне я объявляю вас мужем и женой. — Служащий сделал паузу и улыбнулся. — Теперь вы можете поцеловать невесту.

Слезы затуманили мое зрение, когда я увидела, как Ансель нежно положил руки на щеки своей новоиспеченной жены и нежно ее поцеловал. Переложив букет в другую руку, я вытерла слезы. Никогда не думала, что брат женится до того, как ему исполнится двадцать один. Всегда циничная, я закатила глаза, когда он сказал мне, что влюбился всего через три недели после начала осеннего семестра в Университете Теннесси. Мой цинизм возрос еще больше, когда он сказал, что она из университетской команды болельщиц. Я не могла не представить себе стереотипную блондинку, девицу из женского общества, которая хотела повысить свой статус, встречаясь с одним из футболистов.

Но все сомнения испарились на первом футбольном матче Ансея. Мелани была не блондинкой, а рыжеволосой, и специализировалась в инженерном деле. Она была застенчивой и сдержанной и заставляла Ансея соблюдать правило — «учеба важнее вечеринок». Тут я и заподозрила, что моего брата либо избили до полусмерти, либо внутри него тайно обитал маленький сабмиссив, которого он не осознавал, потому что Ансель делал все, что говорила Мелани. И я наслаждалась каждой минутой, наблюдая за ними.

На День Благодарения брат сделал Мелани предложение, и она согласилась. Хотя обе семьи были за то, что сначала нужно окончить университет. Но они, сделав по-своему, рванули вперед на всех парах и запланировали свадьбу весной на ферме.

Протерев глаза от слез, я с удивлением увидела, как Ансель углубил поцелуй, превратив его во французский. Вокруг засвистели. Брат отстранился и ухмыльнулся толпе.

— Подожди до вечера!

Окружающие ахали от ужаса, а я смеялась над выходкой брата. Остальные подружки невесты встретились со своими шаферами у алтаря и двинулись по травянистому проходу.

Подарив своему шаферу, а по совместительству и мужу, улыбку, я взяла его под руку. Сохраняя на лице будто приклеенную улыбку, он спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Уверена, что не слишком долго пробыла на ногах?

— Уверена.

— Может, принести тебе воды до того, как пойдем фотографироваться?

Я рассмеялась.

— Уильям, ты же в курсе, что я не первая женщина на девятом месяце беременности?

— Я в курсе, — усмехнулся он, — но ты первая, на ком я женился.

Мы дошли до конца прохода, Уильям наклонился и поцеловал меня. В его глазах я увидела глубокое обожание.

— Ты так прекрасна, — пробормотал он мне в губы.

— Как же ты ошибаешься. Я выгляжу как тучная Смурфета.

Кобальтовые платья потрясающе смотрелись на других — стройных — подружках невесты. На них были потрясающие сандалии на каблуках с ремешками, а я была вынуждена

надеть туфли на плоской подошве.

— Не правда. Ты так же великолепна, как в день нашей свадьбы. Может даже больше, потому что в тебе растет еще одна жизнь.

Я снова расплакалась. Из-за беременности мой гормональный фон изменился, и теперь я плакала по любому поводу. Та, которая ненавидела показывать свои эмоции! Уильям научился принимать мою новую, более мягкую, плаксивую сторону. Просто улыбнулся и дразняще сказал: «Я поклялся, что мы будем вместе в горе и в радости».

Мы с Уильямом поженились через год и один день после смерти отца. Суеверная часть меня придерживалась старой поговорки, что нельзя жениться раньше, чем через год после смерти. И поскольку я никогда не путешествовала, Уильям решил, что мы вдвоем, Ансель и Мелани, а также его бабушка и дедушка полетим в Италию.

Поначалу я отказывалась от дизайнерского платья, но бабушка Уильяма уговорила меня. Поэтому я стояла в базилике Святого Марка, Кафедральном соборе Венеции, словно Золушка — в платье с лифом, вышитом хрустальным бисером, и пятифутовым шлейфом. Нас было всего шестеро, это была приватная церемония с последующем ужином в соседнем ресторане.

И потом, когда мы танцевали под уличную скрипку, Уильям улыбнулся и сказал:

— Впервые, когда я тебя увидел, ты была в белом, точно такой же, как сегодня.

Я рассмеялась.

— Думаю, единственное, чем похожи эти образы — белый цвет, — и, подмигнув, добавила, — но я могу связать и отшлепать тебя сегодня, как и тогда.

Его темные глаза загорелись желанием.

— Благодарю Вас, Госпожа Софи.

— Мы говорили о том, что тебе не надо называть меня так, — простонала я.

Целый год до свадьбы мы работали над тем, как будут выглядеть наши отношения. И хотя «1740» был местом, где мы познакомились, клуб собрал слишком много негативных воспоминаний, чтобы нам хотелось приходить туда на сессии. Поэтому общим решением стало проводить сессии дома. Но без лишних сложностей. Мы не стали оборудовать подвал или отдельную комнату. Вместо этого заказали новую БДСМ-кровать, которая выглядела как обычная, но с балдахином и замысловатой резьбой по дереву. Разницу понимали только Уильям и я. Также мы упразднили обращение «Госпожа» и решили играть только для удовольствия — от Уильяма не ожидалось, что он будет удовлетворять все мои прихоти, а от меня — что я не стану им командовать... слишком много.

Мы съехались через несколько месяцев после смерти папы — Уильям переехал на ферму. После обеда, когда он возвращался из школы, управляющий учил моего будущего мужа как вести дела, и вскоре Уильям начал наслаждаться фермой почти так же, как и я. Мне было приятно, что он взял на себя большую часть ответственности.

Не знаю, как я пережила бы свое всепоглощающее горе без Уильяма. Он был той огромной силой, в которой я нуждалась, хотя и не хотела в этом признаваться.

Уильям был рядом, чтобы обнять меня, когда я проснусь, рыдая посреди ночи. И давал мне нужное пространство в дни, когда мне просто нужно было побыть наедине со своими мыслями и чувствами.

На втором году своей профессиональной деятельности я начала преподавать в местном колледже, в котором сама ранее училась. С моей подмоченной репутацией в сочетании с отсутствием постоянного места работы было трудно получить вакансию в государственной

школе. У Уильяма дела шли лучше. Ему удалось сохранить должность заместителя директора, полученную после увольнения в Милтоне. Но он возлагал большие надежды на открытие собственной чартерной школы (*примеч. пер.: Charter schools — школы, основанные какой-то организацией, родителями, учителями, или частным лицом — то есть данные учреждения организованы кем-то, но считаются общественными, государственными*), которая работала бы с учащимися с физическими и эмоциональными недостатками. После пережитого моим отцом я была полностью согласна с идеей. Он надеялся, что проект получится запустить в течение года.

После того, как мы сделали, казалось, миллион свадебных снимков, Уильям взял меня за руку и повел к гигантскому шатру, разбитому на лужайке. Официанты суетились вокруг с подносами, уставленными бокалами с шампанским и закусками. Внутри меня крошечная ножка требовательно ударила по ребрам.

— О, принеси мне немного этих грибов, — приказала я.

Со смехом, Уильям выдвинул стул и усадил меня.

— Слушаюсь, мадам.

Глядя, как он бросился выполнять мою просьбу, я не могла не почувствовать себя безмерно счастливой от того, что такой удивительный человек любил меня. Как сказал папа — любовь стоила того, чтобы за нее бороться. И пусть Уильям сражался в основном со мной в самом начале, теперь, пока дышу, я буду сражаться за нас.

Он вернулся с тарелкой полной грибов и мини-пирожков с заварным кремом.

— Я подумал, что ты реально проголодалась.

— Ты имел в виду, что проголодалась твоя дочь, — пробормотала я с набитым ртом.

Уильям просиял.

— Микаэла уже такая же дерзкая, как и ее мать.

— Угу.

Еще до того, как мы узнали, кто у нас будет, мы поняли, что хотим почтить память моего отца, назвав ребенка в его честь. И как только узнали, что это девочка — остановили выбор на имени Микаэла Александра, соединив имена моего папы и мамы Уильяма. Наша дочь должна была родиться через две с половиной недели, хотя меня не покидало предчувствие, что она могла появиться на свет и раньше.

Как только все собрались, школьный друг Анселя и по совместительству главный шафер встал, чтобы произнести тост. Все было хорошо, пока Джоди не упомянул отца.

— Майкл всегда так гордился Анселем, и я уверен, что сегодня он просто лопался бы от гордости. Его самым большим желанием в жизни было, чтобы дети были счастливы. И я знаю, что сегодня он улыбается с Небес при виде Анселя, Мелани, Софи и Уильяма, таких счастливых и влюбленных.

Дальнейшая речь Джоди прошла мимо, потому что я начала плакать. Уильям обнял меня сильными руками. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы папа смог быть сегодня здесь, с нами. И я знала, что как только родится Микаэла, у меня снова появится это желание. Во мне жила надежда, что она будет хоть немного похожа на него. Возможно, у нее будут его голубые глаза.

Хотя с момента его смерти и прошло более двух лет, но я все еще чувствовала потерю каждый день. У горя не было срока давности — оно стало бременем, которое нужно нести всю оставшуюся жизнь. И пусть какой-то части меня всегда будет не хватать отца, Уильям с нашей пока нерожденной дочерью стали самым большим утешением, которое можно было

себе представить.

— Так поднимем бокалы за жениха и невесту! — закончил Джоди.

Я высвободилась из объятий Уильяма. Мне не хотелось, чтобы горе омрачило этот момент. И пусть пила только воду, я взяла свой бокал и поднялась на ноги.

— За жениха и невесту!

Ансель кивнул мне, в его глазах стояли слезы. Когда остальные последовали моему примеру, я взяла Уильяма за руку. Сначала поднесла ее к губам, чтобы нежно поцеловать, а затем — к животу

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Наши пальцы переплелись, и мы оба почувствовали толчки — дочь пиналась прямо в наши руки. Мы были связаны друг с другом — общей фамилией и ребенком. Но больше всего нас связывала любовь.

КОНЕЦ